

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ДЕМОГРАФИИ

БРАЧНОСТЬ,
РОЖДАЕМОСТЬ, СЕМЬЯ
ЗА ТРИ ВЕКА

Сборник статей под редакцией
А. Г. ВИШНЕВСКОГО и И. С. КОНА



МОСКВА «СТАТИСТИКА» 1979

ББК 60.7

Б87

НИИ ЦСУ СССР

ОТДЕЛ ДЕМОГРАФИИ

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ДЕМОГРАФИИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СБОРНИКИ:

1. РОЖДАЕМОСТЬ И ЕЕ ФАКТОРЫ. 1968 г.
2. МЕТОДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. 1969 г.
3. НАСЕЛЕНИЕ И ЭКОНОМИКА. 1970 г.
4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ. 1970 г.
5. ИЗУЧЕНИЕ МНЕНИЙ О ВЕЛИЧИНЕ СЕМЬИ. 1971 г.
6. ДЕМОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЙ. 1972 г.
7. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ. 1973 г.
8. БРАК И СЕМЬЯ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. 1975 г.
9. УРБАНИЗАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ. 1975 г.
10. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ. 1977 г.
11. ИЗУЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ. 1977 г.
12. РАЗВОД. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. 1979 г.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЙ ВЫПУСК СЕРИИ:

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ДЕМОГРАФИИ

Б $\frac{10805^* - 039}{008(01) - 79}$ 58-79 0703 00000

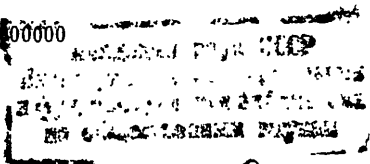
* Второй индекс 10803.

Редакционная коллегия:

В. А. Белова, В. А. Бирюков,
А. Я. Боярский, А. Г. Волков,
Л. Е. Дарский, Р. И. Сифман

© Перевод на русский язык, предисловие к русскому изданию,
приложение, «Статистика», 1979

193 05633
79 29
11



ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние 25 лет отмечены исключительно быстрым ростом исторической демографии, повышением ее значения в системе общественных наук. Легко прослеживается связь подъема этой отрасли знания с общим развитием демографической науки. По мере того, как повышается внимание к проблемам демографического настоящего и демографического будущего, растет и интерес к демографическому прошлому. Опыт исследователей в разных странах свидетельствует: ни анализ сегодняшних, ни прогноз завтрашних демографических тенденций не может претендовать на научность, если нет ясного понимания их исторического генезиса, происходящие на наших глазах огромные демографические сдвиги не могут быть поняты и даже описаны без помощи серьезных и разносторонних сравнительно-исторических исследований.

Нельзя сказать, что прежде исторические сюжеты никак не интересовали демографов. Но за последние десятилетия произошло такое расширение тематики историко-демографических исследований, такое обновление и обогащение их методов, что об исторической демографии можно говорить как о новой, очень молодой науке. Как заметил недавно французский демограф Ж. Дюпакье, еще только близится день серебряной свадьбы истории и демографии. Но этот союз оказался весьма удачным, его благотворное влияние уже испытывают сейчас и демография, и история.*

Французская школа исторической демографии, основанная Л. Анри и П. Губером, и Кембриджская группа по истории населения и социальной структуры, руководимая П. Ласлеттом, сделали историко-демографические исследования на Западе весьма престижными. Помимо специальных историко-демографических периодичес-

ких изданий*, работам этого типа отводится много места в общенсторических, демографических и социологических журналах**. С 1976 г. в США выходит специальный журнал по истории семьи***. Издается много книг и сборников обшемстодологического характера****.

Значительно расширилась география и хронология историко-демографических исследований. Чтобы понять долгосрочные демографические процессы, ученые вынуждены забираться все глубже в прошлое, в «доиндустриальную», точнее, в докапиталистическую эпоху*****. Это требует введения в научный оборот новых исторических источников: поименных списков населения, церковно-приходских книг, семейных хроник, завещаний и т.п. Появление новых проблем и источников неизбежно влечет за собой также рождение новых методов исследований, например метода «восстановления истории семей» (ВИС)*****. А новые методы в свою очередь требуют

* Важнейшее из них — ежегодник *Annales de démographie historique*, выходящий с 1964 г.

** Среди собственно демографических журналов наибольшее внимание историко-демографической тематике уделяют французский «*Population*» и английский «*Population Studies*», но она находит отражение также и во многих других журналах, нередко посвящающих ей целые выпуски. См., например: *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. Numéro spécial. Famille et Société, juillet-oct. 1972 et suite nov.-déc. 1972*; *Journal of Interdisciplinary History, special issue. The History of the Family, vol. II, № 2, Autumn 1971 and History of the Family, II, vol. V, № 4, Spring 1975*; *Geschichte und Gesellschaft, I. Jg. 1975, Heft 2/3, Historische Familienforschung und Demographie*; *Journal of Marriage and the Family, vol. 35, № 3, Aug., 1973, Special Section New Social History of the Family*.

*** *Journal of Family History. Studies in Family Kinship and Demography*.

**** Важным этапом было появление в 1965 г. сборника *Population in History. Essays in historical demography*. Ed. by D. V. Glass and D. E. C. Eversley. L., 1965. С конца 60-х годов в разных странах публикуются руководства типа введения в историческую демографию. См., например: *Hollingsworth T. H. Historical demography*. L. 1969; *Guillaume P. et Poussou J.-P. Démographie historique*. P., 1970; *Duraquier J. Introduction à la démographie historique*. Paris (Tournai) — Montréal, 1974; *Granelli Benini L. Introduzione alla demografia storica*. Firenze, 1974; *Imhof A., Hrsg. Historische Demographie als Sozialgeschichte*. Darmstadt und Marburg, 1975.

***** См. обзор В. В. Самаркина «Историческая демография западноевропейского средневековья». — *Вопросы истории*, 1977, № 2.

***** См.: *Применение новых методов в исторической демографии. Обзор зарубежных материалов*. Составитель Х. Палли. Таллин, 1977. Часть таблиц из этого обзора публикуется в приложении к настоящему сборнику.

более детального и строгого концептуального аппарата. Количественный анализ, характерный для демографии, все теснее переплетается с качественным.

Ученые хотят не только представить историческую динамику показателей брачности, рождаемости и смертности в определенные периоды времени, но и понять закономерности демографического поведения людей изучаемой эпохи. Динамику рождаемости нельзя понять без учета изменений в брачном поведении и репродуктивном поведении супругов. Изменение численного состава семьи непонятно без учета эволюции ее структуры, которая в свою очередь зависит от выполняемых ею социальных функций. Демографическое поведение — это *социальное поведение*. Любые демографические процессы суть аспекты, компоненты или индикаторы некоторого образа жизни, которые могут быть поняты только в связи с ним. Отсюда необходимость разграничения того, что люди определенной эпохи фактически *делали* в качестве членов домохозяйства, семьи и т. п. и как они *воспринимали* себя и друг друга в этих социальных ролях, а также необходимость изучения взаимосвязи социальных установок и реального поведения. Историческая демография становится, таким образом, составной частью исторической социологии или социальной истории в широком смысле слова. Вряд ли можно считать случайным, что французский демограф Ф. Ариес стал родоначальником современной истории детства, а в последнее время — также и историко-психологического изучения отношения к смерти*. Без историко-демографических данных сегодня немислимы ни история семьи, ни история детства, ни история любви и сексуальности. Вычисленные демографами «индекс сезонности» зачатий позволяет судить не только о рождаемости, но и о динамике сексуального поведения людей далекого прошлого, когда социологических опросов на эту деликатную тему не было и в помине**. Существенно обогатились наши сведения о вза-

* См.: Ariès P. *L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. 2 ed. P., 1973 (русский перевод части этой работы опубликован в сб. «Философия и методология истории». М., «Прогресс», 1977); Ariès P. *Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours*. P., Seuil, 1975.

** См., например: Shorter E. *The Making of the Modern Family*. N. Y., Basic books, 1975; Flandrin J.-L. *Familles, Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. P. Hachette, 1976; Laslett P. *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations. Essays in Historical Sociology*. Camb. Univ. Press, 1977.

имосвязи социально-экономических процессов, демографических тенденций, структуры семьи и способов социализации детей и т. д.

Предлагаемый сборник переводов имеет целью познакомить советского читателя с некоторыми наиболее важными работами зарубежной исторической демографии. Необходимость издания такого сборника давно назрела. Советские ученые не стоят в стороне от общего интереса к историко-демографическим исследованиям, которые интенсивно развиваются в нашей стране. В последние годы было организовано два всесоюзных семинара по исторической демографии, в работе которых приняли участие историки и демографы, этнографы и социологи, значительно увеличилось число публикуемых историко-демографических работ*. Знакомство с методологическими подходами зарубежных авторов и с полученными ими результатами, с их суждениями и спорами, несомненно, будет полезно советским исследователям, работающим в той же области знания.

В небольшом сборнике невозможно представить все направления современной исторической демографии, в него включены статьи, соответствующие тематике, очерченной в названии сборника, и дающие по возможности наиболее полное освещение затрагиваемого в них вопроса. Хронологические рамки (последние три века) установлены исходя из особой важности этого периода, когда назревали и начинались те опромные перемены, которые привели — уже в нашем столетии — к принципиально новой демографической ситуации как в отдельных странах, так и во всем мире.

Сборник открывается статьей Дж. Хаджнала о «европейском» типе брачности. Статья эта, появившаяся в 1965 г., стала уже классической, без осылок на нее не обходится ни одна работа, посвященная истории брачности и ее влиянию на рождаемость. Дж. Хаджнал по-новому взглянул на общеизвестные факты откладывания браков и относительно частого безбрачия во многих европейских странах и на большом фактическом матери-

* Только за один-два последних года появилось несколько книг целиком историко-демографического содержания. См., например: Проблемы исторической демографии СССР Таллин, 1977; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

але показал, что речь идет об уникальном в истории явлении, которое возникло в Западной Европе примерно в середине нынешнего тысячелетия. «Европейский» тип брачности, который автор противопоставляет «традиционному», сыграл важную роль в демографическом развитии западноевропейских стран, в частности в установлении относительно низкого уровня рождаемости задолго до широкого распространения в этих странах ее внутрисемейного регулирования. Изучение исторических корней «европейской» брачности представляет большой интерес, так как оно способствует преодолению упрощенных представлений о вторичности демографических изменений, когда поздние браки или низкая рождаемость рассматриваются просто как почти автоматическое следствие индустриализации, урбанизации и тому подобных процессов. Оказывается, что взаимопереплетение демографических и социально-экономических изменений в ходе исторического развития было более сложным, чем казалось прежде, исследователь оказывается вынужденным углублять свой анализ причинно-следственных зависимостей в демографической области, учитывать влияние все новых и новых социально-культурных детерминант демографических изменений. Статья Дж. Хаджнала дала толчок изучению современной эволюции типов брачности, которое, в частности, показало, что различия между европейским и традиционным типами брачности хотя пока и сохраняются, но ослабевают*.

Статьи Э. Коула и К. Текше посвящены анализу снижения рождаемости в Европе в XIX — начале XX века. Американский ученый Э. Коул, известный многими работами в самых разных областях демографии, уделяет большое внимание и изучению демографической истории, в частности, истории рождаемости. Именно для целей сравнительно-исторического изучения рождаемости им была предложена система индексов, которые позволяют не только дать сравнительную оценку снижения рождаемости в разных странах, но и разделить эффекты действия главных факторов такого снижения — типа брачности (т. е. того, о чем писал Дж. Хаджнал) и внут-

* См., например: Диксон Р. Колебания возраста вступления в брак и доли никогда не состоявших в браке в странах разных культур. — В кн.: Брак и семья. Демографический аспект. М., 1975, с. 30—65.

рисемейного регулирования рождаемости (в английском языке это понятие принято обозначать термином *birth control*). Индексы Э. Коула оказались очень хорошим измерителем и нашли широкое применение в сравнительно-историческом анализе динамики рождаемости. В частности, венгерский демограф К. Текше применил их для исследования особенностей рождаемости до первой мировой войны в центральной и южной Европе, где демографические процессы в этот период во многом отличались от тех, которые можно было наблюдать в странах северной или западной Европы. К этому можно добавить, что сейчас уже имеются работы советских авторов, применивших тот же метод для анализа рождаемости в 50 европейских губерниях дореволюционной России*. Таким образом, советский читатель может получить ясное и достаточно документированное представление о том, как в разных частях Европы начинался постепенный переход ко всеобщему внутрисемейному регулированию рождаемости, которое сегодня оказывает решающее влияние на динамику рождаемости в этой части света. Результаты исследований, содержащиеся в статьях Э. Коула и К. Текше, не только делают картину исторических изменений в рождаемости более ясной, но и ставят перед историком, демографом и социологом новые вопросы, связанные с объяснением неожиданного сходства или различия демографических тенденций в тех или иных районах Европы.

Статья П. Ласлетта затрагивает один из самых важных и дискуссионных вопросов современной исторической демографии — вопрос о структуре и типе семьи в прошлом. Согласно традиционной точке зрения эволюция семьи, начиная со средних веков и особенно в эпоху индустриальных революций, шла в одном направлении: от больших «многоядерных» патриархальных семейных групп к малым «нуклеарным» семьям. В последние годы этот взгляд оспаривается многими историками (Ж. Дюби, К. Клапиш, Д. Герлихи и др.). Особенно важен в этом смысле коллективный труд**, подготовленный

* См.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 105—137.

** Household and family in past time: comparative studies in the size and structure of the domestic group over the last three centuries in England, France, Serbia, Japan and colonial North America, with further materials from Western Europe. Ed. by Peter Laslett with

Кембриджской группой под руководством П. Ласлетта, который приходит к выводу, что «нет признаков того, что большая многоядерная совместно проживающая семейная группа традиционного крестьянского мира уступает место малому, нуклеарному супружескому домохозяйству современного индустриального общества»*. Сокращенный текст вступительной статьи к этой работе, написанной П. Ласлеттом, и публикуется в настоящем сборнике.

Казалось бы, вопрос о том, какой тип семьи преобладал в ту или иную эпоху, может быть разрешен чисто эмпирически, путем анализа соответствующих данных, тем более, что П. Ласлетт и его сотрудники ввели в научный оборот много новых исторических источников, прежде всего местных списков населения, составлявшихся для разных фискальных и административных нужд задолго до появления государственных переписей. Но насколько терминология переписчика, жившего за двести-триста лет до нас, совпадает с нашей, а также с представлениями людей, которых он переписывал, что подразумевал он под «семьей», «домом», «домохозяйством»? Терминологический вопрос перерастает в методологический. Семья всегда образует социальную группу. Но системообразующий признак ее может быть разным: это может быть ячейка, основанная на родстве и общности происхождения, или на совместном проживании, или на совместном ведении хозяйства (иногда говорят соответственно о биологической, территориальной и экономической семьях). Все эти признаки взаимопереплетаются, проследить генезис каждого из них, а также историческую эволюцию их соотношения очень трудно. Не удивительно, что здесь возникают острые споры.

Исследование П. Ласлетта подверглось резкой критике в рецензии Л. Беркнера**, который оспаривает как методологию исследования, так и полученные результаты.

Согласно Беркнеру, Ласлетт упрощает вопрос об источниках информации о структуре семьи в прошлом, переоценивая достоверность данных, содержащихся в по-

the assistance of Richard Wall. Cambridge, Cambridge University Press, 1972.

* Там же, с. 126.

** Berkner L. K. The use and misuse of census data for the historical analysis of family structure. *Journal of interdisciplinary history*, 1975, v. 4, p. 721—738.

именных списках, которыми он пользуется, и игнорируя другие источники данных. В равной степени упрощается и вопрос о критериях выделения домохозяйства, которые в конечном счете сводятся к общности местожительства, тогда как «реальную организацию домохозяйства можно установить, только рассмотрев целый ряд переменных, включая общее потребление, общее производство и близость проживания родственников групп»*.

Но главное обвинение заключается в том, что Ласлетт слишком схематизирует действительность, жертвует изучением реального семейного поведения во имя сравнительно-исторического описания. Теоретик, полагает Беркнер, должен создавать категории и классификации для того, чтобы сравнивать различные общества, но это не значит, что одни и те же категории пригодны для анализа любого отдельно взятого общества. Ласлетт, игнорируя культурные и прочие различия, по мнению Беркнера, заранее определяет домохозяйство по английскому образцу и с помощью этого образца пытается описать структуру домохозяйства в Сербии, Японии или какой-либо другой стране. Свою типологию домохозяйств он строит на основе сравнения небольшого числа поселений, не могущих претендовать на репрезентативность. Л. Беркнер не отрицает классификационной ценности предлагаемых Ласлеттом категорий, но сомневается, что такие категории, как «простое», «расширенное» или «сложное» домохозяйство описывают различные типы семейных структур. В действительности они «могут представлять различные фазы цикла развития одной и той же семейной структуры, которые поддаются выявлению только при распределении классификационных категорий по возрасту глав домохозяйств»**.

Такой подход, по мнению Беркнера, позволяет объяснить отмеченное Ласлеттом численное преобладание нуклеарных семей, не признавая их при этом основным типом семьи в том или ином обществе. Преобладание нуклеарных семей может быть, например, следствием высокой смертности, делающей невозможными для большинства населения сложные формы семьи, к которым оно на самом деле стремится. Если это предположение верно, то нетрудно объяснить, скажем, необычно высо-

* Там же, с. 727.

** Там же, с. 729.

кую долю больших домохозяйств в приводимом Ласлеттом примере Японии. Японцы могли поддерживать значительную долю домохозяйств, состоящих из полных корневых семей, потому что они уравнивали последствия смертности практикой усыновления наследников мужского пола.

Общий вывод Беркнера заключается в том, что, хотя изданная Ласлеттом книга и продемонстрировала преобладание нуклеарных семей в некоторых обществах в некоторый данный момент, в этом нельзя видеть доказательства того, что нуклеарная семья доминировала в большинстве западных обществ как семейный институт.

П. Ласлетт не считал критику Беркнера убедительной. В своих последних работах*, применяя статистический метод микроимитации и новые фактические данные, он отводит возражения Беркнера относительно уникальности и специфичности английской модели семьи и домохозяйства; доказывает, что тот же самый тип семейной организации и ее эволюции характерен для многих других народов Европы, включая и Восточную Европу, так что нуклеарная семья гораздо старше капитализма. Оспаривает он и тезис Беркнера о влиянии на структуру домохозяйства цикла развития семейной ячейки и т. д.

В этом споре оказываются теоретико-методологические расхождения, хотя позиции спорящих сторон едва ли можно считать взаимоисключающими. Если П. Ласлетт стремится максимально формализовать и квантифицировать историко-демографический материал, жертвуя при этом конкретным историзмом, то Л. Беркнер защищает более тонкий типологический подход, который не сводит историю к статистике, а включает демографические показатели в содержательное историческое целое, связывая их и с классовой структурой общества, и с особенностями психологии людей. Эти два подхода одновременно различны и взаимодополнительны. Это, в сущности, частный случай диалектики исторического и логического. Формальные классификации выполняют важную эвристическую функцию, помогая анализировать и обобщать факты под определенным углом зрения, но явно недостаточны для исторического синтеза. Поэ-

* См.: Laslett P. Family life and illicit love in earlier generations. Cambridge University Press, 1977.

тому они вызывают возражения со стороны историков¹. Спор идет не только о том, насколько исторически универсальна нуклеарная семья. Даже в одном и том же обществе размер крестьянской семейной ячейки зависит от ее имущественного положения, а также от существующих правил наследования земельной собственности². Подводя итоги французским исследованиям в этой области, П. Губер решительно подчеркивает, что «экономическая и социальная структура — ключ к преобладанию мононуклеарного типа семьи»³. Дискуссия в целом будет, видимо, продолжаться. А поскольку эта дискуссия ведется не на абстрактно-теоретическом, а на предметном уровне, она существенно обогащает как историческую демографию, так и социальную историю.

Заключает сборник статья известного чехословацкого демографа З. Павлика о проблемах демографической революции. Теория демографической революции стремится дать единое концептуальное объяснение всем многообразным демографическим изменениям, происходящим на протяжении последних столетий (в том числе и изменениям брачности, рождаемости и семьи, о которых идет речь в других статьях сборника), анализировать их в тесной связи между собой. Достоинство публикуемой статьи заключается в том, что демографическая революция рассматривается в ней не как самодовлеющий феномен, не как просто количественные изменения в брачности, рождаемости или смертности, относительно слабо связанные с общим социально-экономическим развитием (подобная трактовка нередко встречается у буржуазных демографов), а как часть многостороннего исторического процесса, играющая в нем самостоятельную активную роль. Не только для историка, но и для демог-

* См, например: Katz M. B. *The People of Hamilton, Canada West: Family and Class in a Mid-Nineteenth-Century City*. Cambr., Mass., 1975 и рецензию (автор М. Андерсон) на эту книгу в *Journal of Family History*, vol. 2, № 2, Summer, 1977.

** См.: Le Roy Ladurie E. *Système de la coutume. Structures familiales et coutume d'héritage en France au XVI siècle*. Annales. Economies. Sociétés. Civilisations, t. 27, 1972, p. 825—846; *Family and inheritance: rural society in Western Europe, 1200—1800*. Ed. by J. Goody, J. Thirsk and E. P. Thompson. N. Y., Cambr. Univ. Press, 1976.

** Goubert P. *Family and province: a contribution to the knowledge of family structures in early modern France*. *Journal of family history*, v. 2, № 2, 1977, p. 190.

рафа или социолога, занимающегося актуальными, сегодняшними демографическими проблемами развивающихся стран, весьма важно проводимое З. Павликом понимание демографической революции как широкого социального процесса, имеющего свои особенности в отдельных странах при решающем значении общих тенденций.

Литература по исторической демографии весьма обширна, но на русском языке ее недостаточно. Если предлагаемый сборник сможет дать хотя бы общее представление о размахе историко-демографических исследований за рубежом и расширит круг людей, проявляющих интерес к этой проблематике, то составители будут считать свою задачу выполненной.

А. Г. Вишневский

И. С. Кон

Джон Хаджнал

ЕВРОПЕЙСКИЙ ТИП БРАЧНОСТИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

John Hajnal. European marriage patterns in perspective. In: D. V. Glass and D. E. C. Eversley (Eds.). Population in History. London, 1965.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА БРАЧНОСТИ

Тип брачности, характерный для большинства стран Европы, в том виде, в каком он существовал по крайней мере два столетия вплоть до 1940 г., представляется, насколько мы можем судить, уникальным или почти уникальным. Не известны примеры, когда население, не принадлежащее к европейской цивилизации, характеризовалось бы сходным типом брачности.

К отличительным особенностям европейского типа брачности относятся:

1) позднее вступление в брак и 2) значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке. Этот тип брачности характерен для Европы, за исключением ее восточных и юго-восточных районов.

Рассмотрим данные за 1900 г.¹ Европейский тип брачности распространен на территории Европы² к западу от

¹ 1900 г. — удобная дата по нескольким причинам. К этому времени мы располагаем данными в подходящей форме практически для всей Европы; политические границы того времени отвечают целям нашего анализа лучше, чем границы после первой мировой войны; данные послевоенных лет отражают военные потери, в результате которых образовался аномальный избыток женщин, и т. д.

² В высшей степени неудобно не иметь специального термина для территории, где наблюдался европейский тип брачности, и я чувствую себя вправе воспользоваться для обозначения этой территории (когда не существует опасности возникновения недоразумения) термином «Европа». Исключение «Восточной Европы» из «Европы» создает ощущение известной неловкости, и, видимо, более

линии, соединяющей (не строго по прямой) Ленинград и Триест. Данные, характеризующие европейский тип брачности, представлены в табл. 2. Что касается стран, расположенных к востоку от нашей воображаемой линии, то данные для них содержатся в табл. 3. Тип брачности в некоторых славянских странах, включенных в табл. 3, совершенно не совпадает с европейским. Этот тип будем называть восточноевропейским.

Весь объем данных в табл. 2 и 3 труден для восприятия, поэтому лучше прежде отобрать для сопоставления несколько стран. Мы можем сравнивать (табл. 1), скажем, Бельгию с Болгарией или Швецию с Сербией. (Аллитерация ничуть не хуже, чем любой другой принцип отбора.)

Таблица 1

Некоторые европейские страны в 1900 г.:
доля не состоящих в браке в некоторых возрастах (в процентах к общей численности населения в данной возрастной группе)

Страна	Мужчины			Женщины		
	20—24 года	25—29 лет	45—49 лет	20—24 года	25—29 лет	45—49 лет
Европейский тип брачности:						
Бельгия	85	50	16	71	41	17
Швеция	92	61	13	80	52	19
Восточноевропейский тип брачности						
Болгария	58	23	3	24	3	1
Сербия	50	18	3	16	2	1

Примечание. Данные для территорий в границах 1900 г. Источник. Табл. 2.

В табл. 1, как и в последующих таблицах, представлена доля лиц, все еще не состоящих в браке в соответствующих возрастных группах. Число не состоящих в браке в возрастной группе 45—49 лет можно рассматривать как число лиц, которые никогда не вступят в брак.

точными были бы термины «Западная Европа» и «западноевропейский тип». Однако, ввиду того, что эти термины употребляются весьма часто, не последнее значение имеют и соображения краткости. «Европа» в нашем (ограниченном) смысле — это, по сути дела, территория скорее историческая, чем географическая.

Страны Европы (без Восточной Европы) около 1900 г.:
 доля не состоящих в браке в некоторых возрастах
 (в процентах к общей численности населения
 в данной возрастной группе)

Страна	Мужчины			Женщины		
	20—24 года	25—29 лет	45—49 лет	20—24 года	25—29 лет	45—49 лет
Австрия	93	51	11	66	38	13
Бельгия	85	50	16	71	41	17
Великобритания	83	47	12	73	42	15
Германия	91	48	9	71	34	10
Голландия	89	53	13	79	44	14
Дания	88	50	9	75	42	13
Ирландия	96	78	20	86	59	17
Исландия	92	66	19	81	56	29
Испания	81*	34**	6***	55*	26 [†]	10** [†]
Италия	86	46	11	60	30	11
Норвегия	86	54	11	77	48	18
Португалия	84	48	13	69	41	20
Финляндия	84	51	14	68	40	15
Франция	90	48	11	58	30	12
Швейцария	91	58	16	78	45	17
Швеция	92	61	13	80	52	19

Примечание. Данные для территорий в границах 1900 г. Данные основаны на результатах переписей, проведенных в 1900 и 1901 гг., кроме Ирландии (1891 г.) и Италии (1911 г.). Были выбраны такие переписи, которые позволили достигнуть сопоставимости возрастных групп для всех стран, кроме Испании.

Возрастные группы для Испании: * 21—25 лет; ** 26—30 лет; *** 46—50 лет.

Источник. Institut International de Statistique. Annuaire International de Statistique. Vol. I. Etat de la Population (Europe), La Haye, 1916.

В странах с европейским типом брачности (Бельгия, Швеция) существенная доля населения не вступает в брак на протяжении всей жизни, в восточноевропейских странах не состоящих в браке почти нет. Доля не состоящих в браке в возрастных группах 20—24 года и 25—29 лет представляет собой показатель возраста вступления в брак. Здесь контраст также ясен. Например, в возрасте 20—24 года в европейских странах около $\frac{3}{4}$ женского населения еще не замужем, тогда как в восточно-

Страны Восточной Европы около 1900 г.:
доля не состоящих в браке в некоторых возрастах
(в процентах к общей численности населения
в данной возрастной группе)

Страна	Дата переписи (год)	Мужчины			Женщины		
		20—24 года	25—29 лет	40—49 лет	20—24 года	25—29 лет	40—49 лет
Греция	1907	82	47	9	44	13	4
Венгрия	1900	81	31	5	36	15	4
Румыния	1899	67	21	5	20	8	3
Босния	1910	63*	31**	6***	23*	6*	2***
Болгария	1900	58	23	3	24	3	1
СССР	1926	51	18	3	28	9	4
Сербия	1900	50	18	3	16	2	1

Примечания. Возрастные группы для Боснии: * 21—24 года; ** 25—30 лет; *** 41—50 лет.

Для европейской части России в 1897 г. доли не состоявших в браке были следующими (%):

	Мужчины	Женщины
20—29 лет	42	23
40—49 лет	4	5

Источник. Тот же, что и для табл. 2, кроме СССР; для СССР — United Nations, Demographic Yearbook, 1949—50, Table 6.

европейских странах в этой возрастной группе $\frac{3}{4}$ женщин уже состоят в браке.

Этот контраст нельзя объяснять произвольным подбором стран, в чем читатель может убедиться, изучая табл. 2 и 3. В табл. 2 в алфавитном порядке представлены все³ страны, для которых характерен европейский тип брачности. Для иллюстрации могла бы быть взята любая из них. Модели брачности разных западноевропейских стран неодинаковы, но существует отчетливо выраженное расхождение между любой из них и восточноевропейским типом в таких странах, как Босния, Болгария, Россия, Румыния или Сербия (табл. 3). Особо отчетливо это расхождение для женщин. Например, в Восточной Европе менее 5% женщин остаются незамужними к 50 годам, тогда как в табл. 2 эта доля составля-

³ Опущены некоторые малые страны (Люксембург, Фарерские острова и т. п.).

ет как минимум 10% и во многих случаях превышает 15%. В рамках европейского типа брачности незамужняя жизнь взрослых женщин воспринималась как нормальная (хотя, возможно, и не столь часто встречающаяся) альтернатива браку. В Восточной Европе эта альтернатива едва ли существовала.

Имеются, конечно, и промежуточные варианты между европейским и восточноевропейским типами брачности, например в Венгрии и Греции⁴. (Страны в табл. 3 расположены в порядке убывания чисел в первом столбце.) Население в пределах границ суверенного государства не обязательно однородно. Небесполезно было бы проследить колебания показателей на окраинах района, где преобладает европейский тип. Существенные отклонения от европейского типа, вероятно, можно обнаружить, продвигаясь не только на восток, но и к югу Европы. Некоторые районы южной Италии или Испании значительно более похожи на Грецию, нежели на Бельгию или Швецию.

Сколько лет должно было пройти с 1900 г., чтобы картина изменилась? В любом году, вплоть до 1940 г., различие между общеевропейским и восточноевропейским типами брачности в основе своей оставалось неизменным. Действительно, большинство показателей для отдельных стран, по существу, были такими же⁵, исключая Восточную Европу, где в результате пересмотра границ после первой мировой войны коренным образом изменился состав территорий, для которых существовали статистические данные. Кроме того, в некоторых районах «модернизация» могла вызвать некоторые сдвиги от традиционного типа брачности в сторону европейского типа.

В течение двух десятилетий после второй мировой войны в большей части европейских стран произошло нечто вроде революции в брачных обычаях. Люди стали вступать в брак чаще и раньше, чем прежде. Доля не вступивших в брак, особенно среди женщин моложе 30

⁴ Промежуточный тип характерен и для США.

⁵ Основное исключение представляет собой Франция, где на протяжении первых трех десятилетий XX века наблюдалось существенное снижение доли незамужних женщин. По сути дела, такое снижение уже происходило во второй половине XIX века. Похоже, что Франция как в этом смысле, так и в плане снижения коэффициентов рождаемости предвосхитила те изменения, которые в остальной части Европы начались значительно позднее (см. [7]).

лет, теперь существенно меньше, чем это было характерно для европейского типа (см. табл. 2), а доля лиц, не вступивших в брак на протяжении всей жизни, интенсивно сокращается и в некоторых странах в ближайшее время может составить менее 5%. Похоже, что европейский тип брачности уходит в прошлое.

Что касается неевропейских стран, то в отношении доли состоящих в браке они подобны восточноевропейским странам или даже превосходят их. Доля не состоящих в браке здесь, согласно европейским стандартам, весьма низка, по крайней мере для женщин; в возрастной группе 20—24 года зачастую не состоящих в браке оказывается менее 20%. (Для мужчин контраст с Европой выражен менее отчетливо.) Очень небольшая доля женщин остается незамужними на протяжении всей жизни (нередко 2% или менее), а случаи, когда мужчина остается холостяком, не многим более часты. Данные для основных стран Азии и Африки приведены в табл. 4. Порядок стран в основном отражает их географическое местонахождение, они расположены в таблице в направлении с запада на восток.

При сравнении данных табл. 4 с данными, относящимися к европейским странам, возникают значительные трудности. Во-первых, семья как социальный институт имеет различные характеристики у разных народов, и однозначное определение брака во всех странах для статистических целей сформулировать невозможно. Очевидно, что термин «состоящие в браке» будет иметь разные значения в Европе и, скажем, в Индии, для которой традиционно вступление в брак детей. В рамках настоящей работы брак означает (в общем виде) вступление в некий союз, который в том или ином конкретном обществе рассматривается как соответствующий целям рождения и воспитания детей. Такого рода определение будет отвечать положению вещей в обществах различного типа.

Данные о брачном состоянии, которыми мы располагаем для большого числа районов, к сожалению, не содержат информации, хотя бы отдаленно соответствующей предложенному выше определению. Очевидно, что для Индии было бы предпочтительнее иметь данные, согласно которым к числу «состоящих в браке» относились бы только лица, совершившие вторую брачную церемонию (так называемая гауна), после которой имеет место фактическое начало брачных отношений. Но даже и

Страны Азии и Африки: доля не состоящих в браке
в некоторых возрастах (в процентах к общей численности
населения в данной возрастной группе)

Страна	Дата переписи (год)	Мужчины			Женщины		
		20—24 года	25—29 лет	45—49 лет	20—24 года	25—29 лет	45—49 лет
Марокко (мусульмане)	1952	59	28	2	8	3	2
Алжир (мусульмане)	1948	68	37	5	23	10	2
Тунис (коренное население)	1946	73	46	6	29	13	4
Египет	1947	69	35	2	20	6	1
Мозамбик	1950	54	23	4	17	7	3
Маврикий	1952	72	33	5	24	12	5
Турция	1935	49	24	3	18	6	3
Индия (включая Пакистан)	1931	35	14	4	5	2	1
Цейлон	1946	80	43	8	29	12	3
Таиланд	1947	61	24	4	30	11	3
Малайя	1947	54	17	2	7	2	1
Тайвань	1930	52	19	4	15	4	0
Корея	1930	33	10	1	2	1	0
Япония	1920	71	26	2	31	9	2

Примечание. Все данные для территорий в границах по состоянию на год проведения переписи.

Источники: Марокко, Алжир, Тунис, Маврикий — United Nations, Demographic Yearbook 1955, Table 12. Мозамбик — Portugal, Provincia de Moçambique, Repartição Tecnica de Estatistica.

Recenseamento geral da população em 1950. Vol. III, População nao civilizado (Lourenço Marques, Table 2, 1955), p. 12—13. Прочие страны — [28].

после этого в некоторых районах нет ничего необычного в том, что девушка возвращается в дом своих родителей на несколько месяцев, а то и более чем на год, и переходит на постоянное жительство к мужу лишь некоторое время спустя. Таким образом, в данных для Индии в качестве состоящих в браке рассматриваются лица, которые не могут быть отнесены к таковым исходя из целей нашего исследования. Во многих случаях встречаются трудности обратного характера. Иногда официальная статистика признает состоящими в браке только лиц, чей брак был оформлен гражданскими или церковными вла-

стями, тогда как сами люди мало считаются с требованиями этих властей. В некоторых обществах существует несколько общепринятых форм брачного союза, но при проведении переписей населения учитывается лишь часть из них. Нередко точные рамки переписной классификации не ясны даже для тех, кто планирует проведение переписи; некритическое копирование европейской классификации зачастую предлагалось для стран, где это оказывалось непригодным. Еще более сомнительно применение подобных классификаций на практике, в ходе проведения переписи или обследования.

Во многих случаях (например, для Цейлона и Японии) доля лиц, не состоящих в браке, безусловно, была бы более низкой, чем в табл. 4, если бы представилось возможным воспользоваться реальными фактами. Данные о брачном состоянии в странах Латинской Америки и бассейна Карибского моря в массе своей бесполезны, поскольку довольно большое число лиц, которые согласно нашему определению должны рассматриваться как состоящие в браке, не признаются таковыми статистикой этих стран⁶. Данные, более точные и значимые, чем результаты официальных переписей, иногда можно получить из специальных обследований (например, обследование населения Тринидада, проведенное Брейтуантом и Робертсом [8]). Информация о числе женщин, имеющих детей, также может быть использована для некоторых стран, чтобы показать, что тип брачности в них не соответствует европейскому⁷.

⁶ Недавний обзор существующих данных сделан в работе [56].

⁷ Подборка данных такого рода имеется в United Nations Demographic Yearbook 1955, Table 17. Точность и значимость данных о брачном состоянии для европейских стран, конечно, также могут быть подвергнуты сомнению. Например, если учитывать фактические браки, то доля не состоящих в браке будет ниже той, что указана в табл. 1 и 2. Для Швеции сравнительно высокий показатель незаконнорожденности в XIX веке и ссылки в литературе на фактические браки («стокгольмские браки») заставляют предположить, что указанные расхождения могут быть значительными. Данные о рождаемости могут быть приведены в качестве подтверждения того, что и с учетом этих расхождений различия между европейскими и неевропейскими странами попрежнему остаются. Для европейских стран данные о рождаемости должны относиться к периоду, предшествовавшему широкому распространению ограничений рождаемости. Далее приведенное сопоставление повозрастных коэффициентов рождаемости, вычисленных с учетом всех рождений (брачных и внебрачных), ясно показывает различие между Швецией и Болгарией в доле женщин, состоявших в союзах всякого рода, в

Следующая трудность заключается в том, что, как известно, данные о возрастном распределении во многих странах очень неточны. И что еще хуже, информация о возрасте и брачном состоянии может оказаться взаимозависимой, т. е. у счетчиков может существовать тенденция завышать возраст замужних женщин и занижать возраст незамужних.

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что в табл. 4 приведены данные в основном за недавние годы. Для целей нашего исследования предпочтительнее было бы иметь информацию о состоянии неевропейских стран в то время, когда их социальная структура еще не изменилась под европейским воздействием. Если бы мы располагали статистическими данными за более давние времена (например, для Японии в XIX веке), то контраст с европейскими странами в некоторых случаях был бы значительнее, чем это следует из табл. 4.

По-видимому, не существует соответствующей информации для обществ, находившихся на более низких ступенях развития. Можно, однако, предположить, что в основном брак там (по крайней мере для женщин) был ранним и всеобщим.

После того как сделаны все оговорки относительно данных, не остается никаких сомнений в справедливости нашей исходной предпосылки. Европейский тип брачности представляется уникальным по сравнению со всеми населенными значительной численности, о которых существуют сведения или могут быть сделаны правдоподобные предположения (например, можно допустить, что часть китайского населения, данными о которой мы не располагаем, аналогична той его части, относительно которой данные имеются). Европейцы вступают в брак

возрасте до 30 лет. (При интерпретации подобного рода данных для более старших возрастов следует учитывать различия в доле вдов.)

Коэффициенты рождаемости на 1000 женщин

	Возрастная группа		
	15—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Швеция, 1871— 1875 гг.	9	106	207
Болгария, 1901—1905 гг.	24	289	312

Источник. [46, с. 123].

существенно позже, чем жители других стран, и значительно бóльшая доля их не вступает в брак на протяжении всей жизни. В неевропейских цивилизациях число незамужних женщин в возрасте старше 25 лет очень невелико. Из сказанного, разумеется, не должно следовать, что для неевропейских цивилизаций не характерны значительные колебания коэффициентов брачности. Но при любых величинах колебаний от европейского типа брачности их отделяет значительный интервал.

XVIII ВЕК

Причина, по которой 4 женщины из 6 не рожают каждый год детей, заключается в том, что они не в состоянии вступить в брак из-за стоящих перед ними препятствий и трудностей.

Ричард Кантильон. Очерк о природе торговли вообще (1755 г.)

Если европейский тип брачности представляется столь уникальным явлением, то естественно задаться вопросом: когда он возник? Любопытно, что этот вопрос, похоже, почти никогда и не ставился, не говоря уж о том, что на него никогда не был дан удовлетворительный ответ. Иногда высказывалось предположение, что поздние браки характерны для промышленно развитых обществ с городским населением, а в сельскохозяйственных странах в брак вступают рано. Это предположение, безусловно, лишено оснований. Скандинавию в XVIII веке вряд ли можно считать городской или промышленно развитой.

На вопрос о происхождении специфического европейского типа брачности должны отвечать историки, сведущие в экономической и социальной истории Европы начиная со средних веков, а также имеющие опыт работы с таким статистическим материалом, который может быть реконструирован для периодов, предшествовавших XVIII столетию. Демограф, привыкший иметь дело с современными данными, не может заглянуть слишком далеко в прошлое.

Далее предлагается, по сути дела, лишь обзор наиболее доступной области. Вполне возможно наличие значительно большего по объему материала, причем даже

статистического характера, там, где демограф не в состоянии вести поиски

Прежде всего надо определить, сколь далеко в прошлое может быть прослежен специфический европейский тип брачности. Данные, подобные тем, что представлены в табл 1—4, к сожалению, уходят не очень далеко. Переписи с комбинированной разработкой по возрасту и брачному состоянию даже в Европе восходят не далее середины XIX века, за исключением некоторых скандинавских материалов. Для Норвегии и Дании данные могут быть прослежены до конца XVIII века, а для Швеции комбинированные разработки по возрасту и брачному состоянию можно реконструировать до 1750 г. [28] Некоторая информация может быть получена из документов о регистрации браков. Браки в Скандинавии в XVIII веке вполне могли заключаться в более раннем возрасте, и число не вступивших в брак на протяжении всей жизни могло быть меньше, чем в XIX веке, но не подлежит сомнению, что тип брачности соответствовал европейскому, а не тому, который характерен для других стран мира

Значительно больше информации, вероятно, может быть извлечено из материалов ранних переписей или исчислений населения. Факт преобладания европейского типа можно с очевидностью установить на основе любых данных о распределении населения по брачному состоянию, даже при отсутствии комбинации с возрастом, так как существует значительное различие между распределениями по брачному состоянию, характерными для Европы и других стран мира. Конечно, при отсутствии комбинации данных о возрасте и брачном состоянии невозможно определить, чем обусловлена высокая доля не состоящих в браке — либо большим числом лиц, не вступивших в брак на протяжении всей жизни, либо только поздними браками.

К сожалению, большая часть опубликованной до 1800 г. информации о распределении населения по брачному состоянию относится к городам. Городское население, однако, вряд ли можно назвать закрытым. Распределение городского населения по брачному состоянию подвержено воздействию не только его брачных обычаев, но также и миграции. Сказанное в особенности относится к европейским городам ввиду избыточного там числа лиц, не состоящих в браке, и особенно женщин (в преж-

ние времена многие из них находились в услужении). Такое положение вещей наблюдалось на протяжении нескольких столетий, вплоть до средних веков. Правильный вывод, который следует сделать исходя из наличия большого числа незамужних женщин в городе, зачастую заключается не в том, что городская жизнь не благоприятствует браку, а в том, что в городе незамужняя женщина имеет возможность заработать себе на жизнь и, таким образом, незамужние женщины переезжают на жительство в город.

Исходя из этого материала можно утверждать, что европейский тип брачности сложился ранее XVIII века.

Изучая брачность XVIII века, мы не ограничиваемся данными о распределении населения по брачному состоянию. Возможно, более естественный подход заключается в использовании распределения браков по возрасту и вычисленного на этой основе среднего возраста вступления в брак. Можно начать с временных рядов для Венеции, опубликованных Белтрами [5]. Эти цифры — средние возрасты вступления в брак для всех браков, т. е. без различия между первым и последующими браками.

Годы	Мужчины	Женщины
1701—1705	29,9	28,8
1720—1724	31,0	29,8
1740—1744	31,4	29,3
1760—1764	31,6	28,1
1780—1784	31,7	28,0

Прежде чем приступить к интерпретации данных о среднем возрасте вступления в брак⁸, мы должны установить, какие средние возрасты следует рассматривать как характеризующие европейский тип брачности и какой уровень указывает на неевропейский тип. Существует мало прямой информации о распределении браков по возрасту в странах с неевропейским типом брачности. В таких странах система регистрации браков либо вовсе отсутствует, либо охватывает лишь некоторую часть брачных союзов. Но даже если охватывается вся сово-

⁸ Общий средний возраст вступления в брак (т. е. средняя из возрастов, в которых заключаются браки в некотором данном году или годах) может оказаться весьма обманчивым показателем, если он вычисляется для года или нескольких лет в периоды интенсивного изменения брачных обычаев (например, начиная с середины 30-х годов в большинстве европейских стран). Средние возрасты вступления в брак в настоящей работе почти во всех случаях основаны на данных за достаточно длительные промежутки времени.

купность браков, статистика возрастов зачастую оказывается ненадежной, поскольку многие люди не знают своего точного возраста. Однако информация о возрасте вступления в первый брак⁹ может быть получена путем косвенных вычислений на основе доли лиц, не состоящих в браке, в последовательных возрастных группах. Вычисления такого рода дают возможность предположить, что для неевропейского типа брачности средний возраст вступления в брак незамужних женщин ниже 21 года. Что касается европейского типа, то средний возраст вступления в брак незамужних женщин должен быть выше 23 лет, а в общем он был выше 24 лет.

Значительно труднее определить границы среднего возраста вступления в брак с учетом браков вдов и разведенных. (В европейских населенных в XVIII веке и ранее практически не существовало браков с разведенными.)

Если предположить, что средний возраст вступления в первый брак не превышает 21 года и принять предельно возможные допущения относительно доли повторных браков и среднего возраста невест в таких браках¹⁰, то

⁹ Средний возраст вступления в первый брак для мужчин есть средний возраст вступления в брак для всех мужчин, бывших холостыми до брака, включая тех, чьи невесты — вдовы или разведенные. Аналогичным образом средний возраст вступления в первый брак для женщин исчисляется с учетом всех браков незамужних женщин, включая тех, кто выходит замуж за вдовцов или разведенных. Метод вычисления средних возрастов вступления в первый брак на основе доли не состоящих в браке описан в работе [29].

¹⁰ Два фактора (доля повторных браков и средний возраст вступления в повторный брак) вовсе не независимы. Более низкий возраст вступления в первый брак для женщин, более значительная разница в возрасте жениха и невесты и более высокая смертность — все эти факторы способствуют тому, что браки вдов составляют более значительную долю браков в неевропейских странах, чем в Европе в XIX веке; но эти же факторы снижают по сравнению с европейскими стандартами средний возраст вступления вдов в повторный брак. Разводы также увеличивают долю повторных браков, но разведенные женщины вступают в повторный брак в среднем в более молодом возрасте, чем вдовы. Согласно зафиксированным данным для Европы доля браков, в которых невеста была вдовой, безусловно, не превышала 20%, а обычно она составляла менее 15%. Наиболее высокий средний возраст вступления вдов в брак — 40 лет (это средний возраст вступления вдов в брак в Англии и Уэльсе в начале века). Приняв долю повторных браков равной 20% и средний возраст вступления в повторный брак равным 40 годам, получаем средний возраст вступления в брак, равный 24,8 года, поскольку

представляется правдоподобным, что средний возраст вступления в брак в неевропейских странах вряд ли превысит 25 лет. Этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях.

Возможно, средний возраст вступления в брак женщин будет фактически почти всегда ниже 24 лет и, по сути дела, обычно ниже 23 лет в странах с неевропейским типом брачности. В качестве реального примера можно привести следующие данные для Сербии:

Годы	Средний возраст вступления в брак женщин, никогда не состоявших в браке	Средний возраст вступления в брак всех женщин
1886—1895	20,0	21,7
1896—1905	19,7	21,3

В странах с европейским типом брачности средний возраст вступления в брак женщин иногда бывал довольно низким (24,5 года, Италия, 1911—1914 гг.), но обычно он значительно выше.

Вернувшись к данным для Венеции в XVIII веке, мы можем сказать, что они, безусловно, соответствуют европейскому типу брачности. Число браков, когда возраст супругов не указан, в Венеции в это время на удивление невелико. Однако в других случаях в приходских книгах этого периода сведения о возрасте обычно или отсутствуют, или слишком неполны, чтобы ими можно было воспользоваться. Таким образом, существует весьма небольшое число исследований, учитывающих данные о возрасте при регистрации брака. Согласно одному из таких исследований¹¹ возраст вступающих в брак был зарегистрирован в 63 случаях из 83 при совершении брачных церемоний в 1664—1669 и в 1693—1695 гг. в деревне Сомерен (Нидерланды). Средний возраст жени-

$$21 \cdot 0,8 + 40 \cdot 0,2 = 24,8.$$

Получается примерно то же число, если мы увеличим долю повторных браков до 25%, но допустим, что средний возраст невест в таких браках не выше 36 лет, или же допустим, что доля повторных браков составляет 30%, но средний возраст вступления в брак 34 года и т. д.

¹¹ Я не видел самой работы Зассена. Приведенные данные взяты из работы [53, vol. III, p. 137]. Этот фундаментальный труд послужил неоценимым указателем источников при подготовке настоящей статьи.

хов составил 27 лет 4 месяца, невест — 26 лет 8 месяцев.

Другое голландское исследование, проведенное ван Ниrop [58], переносит нас еще на столетие в прошлое. Оно основано на материалах регистрационных книг (гражданских, а не церковных) Амстердама и охватывает 11 597 браков, заключенных в 1578—1601 гг. В 9247 случаях женихи были холостяками, и 8052 жениха указали свой возраст, хотя только 4664 из них при этом не сделали оговорки, что сведения являются приближенными. Женихов моложе 18 лет не было. Процентное распределение указанных возрастов (включая приближенные) имеет сходство с возрастным распределением холостых женихов в Англии и Уэльсе в 1891—1895 гг.:

	Амстердам, 1578—1601 гг.	Англия и Уэльс, 1891—1895 гг.
18—19 лет	2	2
20—24 года	51	47
25—29 лет	34	34
30 лет и старше	13	17
	100	100

К сожалению, ван Ниrop не проанализировала информацию о невестах; она полагала, что сведения о женихах более интересны.

В общем, однако, в записях о браках XVIII века и предыдущих столетий возраст либо не указывался, либо указывался слишком неточно, чтобы этими данными можно было воспользоваться. Эту сложность можно преодолеть путем трудоемкой процедуры сопоставления каждого свидетельства о браке со свидетельствами о крещении супругов с тем, чтобы их возрасты можно было определить исходя непосредственно из дат рождения. Самое первое исследование, в котором статистика возрастов при вступлении в брак была получена таким образом, — это, видимо, работа Роллера [64], опубликованная в 1907 г. и основанная на материалах небольшого баварского городка Дурлах (Германия). Средние возрасты вступления в первый брак были следующие:

Годы	Мужчины	Женщины
1701—1720	28,7	26,5
1721—1750	27,4	25,4
1751—1780	27,6	25,6
1781—1800	26,6	25,1

Для сравнения можно добавить, что средний возраст вступления в первый брак в целом для Баварии в 1896—1897 гг. составлял 27,4 года для мужчин и 24,9 года для женщин. Эти данные не претерпели существенного изменения с XVIII века.

В основополагающем исследовании Моррела [55] на материалах приходских книг двух приходов Англии (Норд-Элмхем в графстве Норфолк и Уэдмор в графстве Сомерсетшир) возрасты при вступлении в брак были получены путем сопоставления записей о браке и крещении. Это исследование также весьма интересно тем, что оно восходит к XVI столетию. Средние возрасты вступления в брак (включая повторные браки) были:

	Норд-Элмхем, 1561—1606 гг.	Уэдмор, 1634—1645 гг.
Мужчины	27,6	27,9
Женщины	24,5	24,6

Число браков, на основе которого вычислены средние значения, не дается, но исходя из другой информации оно, очевидно, превышало 150 в каждом приходе. Не ясно также, оказалось ли возможным установить возраст супругов для всех браков, заключенных в указанные периоды.

За последние годы метод сопоставления записей применялся во многих исследованиях. Существенную помощь в этом плане может оказать современная вычислительная техника, и подобного рода исследования будут проводиться все более интенсивно, так что в ближайшие годы надо ожидать появления значительного числа данных о возрастах вступления в брак в XVII и XVIII веках. Временные ряды в табл. 5 относятся к сельскому населению Италии и охватывают два с половиной столетия. Это результаты обширного исследования, где основное внимание было уделено генетике человека. Исследование проводилось под руководством Л. Л. Кавалли-Сфорца, который любезно предоставил данные, приведенные в табл. 5. Видно, что средние возрасты вступления в брак флуктуируют (частично из-за малого числа случаев в выборке), но никакого тренда не проявляется.

Записи в приходских книгах сопоставлялись также при проведении широко известного обследования французской деревни Крюле в Нормандии, результаты кото-

Браки в деревне Риана (епископат Пармы), Италия

Годы	Число браков	Средний возраст жениха $\pm \mu$	Средний возраст невесты $\pm \mu$
1650—1699	30	33,2 \pm 1,4	25,4 \pm 1,2
1700—1749	29	34,3 \pm 1,8	30,4 \pm 1,5
1750—1799	10	32,2 \pm 2,8	29,1 \pm 2,1
1800—1849	12	33,8 \pm 2,6	30,2 \pm 2,2
1850—1899	49	32,8 \pm 1,1	27,8 \pm 1,0

Примечание. Включены только браки между женихами и невестами, которые родились в деревне.

Таблица учитывает все браки, включая повторные.

μ — средняя квадратическая ошибка.

рого опубликовали в 1958 г. Готье и Анри [23]. На протяжении периода, охваченного обследованием (1674—1742 гг.), не было отмечено никаких изменений. Средний возраст вступления в первый брак был 26,6 года для мужчин и 25,1 года для женщин¹². Для другого французского прихода за несколько более поздний период (1760—1790 гг.) Жирар [25] получил средние возрасты вступления в первый брак — 27,4 года для мужчин и 26,2 года для женщин. Можно также сослаться на величину 24,75 года — средний возраст вступления в первый брак для женщин в Париже в XVIII веке. Буржуа-Пиша указывает [7], что эта величина получена в результате непосредственной разработки актов записи гражданского состояния в Париже.

Очень интересная информация о среднем возрасте вступления в брак в Англии в XVII—XVIII веках содержится в монографии Дж. Д. Чемберса [11]. Основу работы составляют не данные из приходских книг, а «оглашения» браков в графстве Глостершир и брачные «свидетельства» в графстве Ноттингемшир. Речь идет, таким

¹² Данные основаны на браках соответственно 272 холостяков и 216 девиц. Это те случаи, когда представилось возможным установить дату рождения супругов и, следовательно, их возраст. Что касается браков тех лиц, чьи свидетельства о крещении не были найдены (очевидно, почти во всех случаях это были люди, не родившиеся в этой деревне), то их возрасты вступления в брак были вычислены приближенно исходя из возрастов смерти. Средние значения, вычисленные на основе этих приближенных возрастов, несколько превысили те, которые указаны выше.

образом, о тех, кто предпочел быстрое или не очень гласное бракосочетание, избежав формальностей, связанных с обычной процедурой; более бедные слои общества представлены в таком списке недостаточно полно. Автор не указывает, какая доля всех браков охвачена его обследованием и не подвергает сомнению точность, с которой женихи и невесты называли свои возрасты. Возможно, что в обследовании учтены не только первые, но и повторные браки. Чемберс оперирует не средними, а медианными значениями. Группы по роду занятий не выделяются. В исследовании приводится, несомненно, наиболее ранняя значимая информация относительно различий между брачными обычаями социальных групп. Данные для Глостершира восходят к 1637 г. Медианные возрасты вступления в брак не обнаруживают никаких трендов на протяжении этого периода. Такие же результаты вполне могут быть получены на основе данных для Европы XIX или XX века.

Информация о средних возрастах вступления в первый брак может быть получена также из неопубликованной работы Поля Депре, представленной им на конференции в Ноттингеме 14 декабря 1960 г. Информация основана на генеалогиях фламандских сельских семейств и, возможно, несколько искажает истинную картину вследствие ошибок отбора и преимущественного включения семей с более многочисленным потомством. Не исключено, что такого рода тенденция может привести к недооценке возраста вступления в брак. Нет сведений о репрезентативности генеалогий относительно социального состава населения. Вот средние возрасты вступления в первый брак лиц, родившихся в указанные периоды:

Годы	1680—1699	1700—1719	1720—1739	1740—1759	1760—1779
Мужчины	25,3	25,9	26,4	26,7	24,1
Женщины	23,9	24,2	25,1	25,1	23,1

Еще один тип данных, которые можно в некоторых случаях получить для XVIII века, — это классификация смертей по возрасту и брачному состоянию. Один из способов использования этой информации — вычисление доли смертей женщин, умерших незамужними, скажем, в возрасте старше 50 лет. Это дает оценку доли женщин, не вступивших в брак на протяжении всей жизни. В ходе уже упоминавшегося обследования французской дерев-

ни Крюле было установлено, что за период 1750—1800 гг. насчитывалось 224 погребения женщин в возрасте старше 50 лет, причем 198 были замужними или вдовыми, 4 — не состоявшими в браке и в 22 случаях брачное состояние определить не удалось. Доля незамужних среди женщин, умерших в возрасте старше 50 лет, была, таким образом, не менее 2% и не более 11,6% (в зависимости от того, сколько женщин из числа этих 22 не состояли в браке — все или ни одной). Вероятнее всего, истина лежит где-то посередине¹³. В любом случае эта доля представляется низкой (согласно стандартам XIX—XX веков) даже для Франции, где наблюдалось минимальное в Европе число женщин, не вступивших в брак на протяжении всей жизни. Помимо возможных случайных отклонений здесь необходимо учитывать воздействие миграции. Некоторые из женщин могли стать монахинями и умереть в монастыре, вне своего прихода. Другие незамужние женщины могли мигрировать в город и стать, например, служанками. Депарсье [18] опубликовал в 1746 г. данные о распределении по брачному состоянию и возрасту смерти в 1715—1744 гг. для прихода Сен-Сюльпис в Париже. Из числа женщин, умерших в возрасте старше 50 лет, 15% были незамужними, не менее 20% из числа мужчин — неженатыми; Депарсье отмечает, что в этом районе жило много слуг.

Зюссмильх [74] представил данные о распределении смертей лиц старше 25 лет по брачному состоянию за период 1748—1756 гг. для Померании. Всего насчитывалось более 40 000 смертей в возрасте старше 25 лет. 10% женщин и 13% мужчин умерли не состоявшими в браке. Поскольку нижний возрастной предел здесь составляет 25 лет, так что некоторые смерти имели место в возрастах, когда брак еще вполне возможен, эта доля согласно позднейшим европейским стандартам чрезмерно низка. И тем не менее она весьма велика (особенно это касается женщин) для любого неевропейского населения.

Резюмируя сказанное, отметим, что европейский тип брачности может быть прослежен во многих странах [Западной Европы. — *Примеч. ред.*] вплоть до первой половины XVIII века, а то и ранее, и не существует дан-

¹³ Сходные результаты относительно числа женщин, умерших не состоящими в браке, были получены по материалам другого прихода Жираром в конце XVIII века.

ных о неевропейском раннем вступлении в брак ни в одной из них. (На основе некоторых данных можно предположить, что в начале XVIII века число лиц, не вступивших в брак на протяжении всей жизни, было меньше, чем после 1850 г.)

АРИСТОКРАТИЯ

Не состоящие в браке дамы и господа, располагающие скромным состоянием, коих суть великое множество в этом городе, лишены возможности содержать семью с подобающей тому широтой.. и посему им приходится жить в безбрачии; каждый пол вознаграждает себя, как может, иными развлечениями.

Корбин Моррис. Заметки о былом росте и нынешнем состоянии Лондона (1751 г.)

До второй половины XVII века почти не существовало свидетельств статистического характера о браках (по крайней мере полных данных, т. е. с включением всех жителей того или иного района).

Мы располагаем непрерывными сведениями, восходящими к более давним временам, только для отдельных групп высших слоев и прежде всего для аристократии. В табл. 6 приводятся данные, полученные в результате проведенного Холлингзуортом исследования, касающегося пэров Англии [37]. Исследование охватывает законнорожденных детей королей, королев, герцогов и герцогинь. В генеалогических документах подобного рода представляется возможным проследить события естественного движения населения (браки, рождения детей, смерти), имевшие место на протяжении жизни индивидуума. Целесообразнее всего провести когортный анализ данных, т. е. рассматривать браки людей, родившихся в последовательные периоды (вместо более привычного изучения браков, заключаемых в последовательные периоды времени). Таким образом можно получить число лиц, остающихся вне брака, из числа доживающих до каждого возраста. Для табл. 6 взяты два возраста.

Содержание табл. 6 вполне ясно. Первые две строки представляют тип брачности, весьма отличный от евро-

пейского, но в чем-то сходный, например, с типом, характерным для Болгарии, по крайней мере если учитывать возраст вступления в брак. Доля людей, не вступивших в брак на протяжении всей жизни, выше, чем в западных обществах. Начиная же с третьей строки таблицы картина становится типично европейской.

Т а б л и ц а 6

Исследование сословия пэров Англии

Период рождения, годы	Мужчины		Женщины	
	доля (%) не вступивших в брак к возрасту		доля (%) не вступивших в брак к возрасту	
	20 лет	50 лет	20 лет	50 лет
1330—1479	70	9	42	7
1480—1679	79	14	45	6
1680—1729	93	23	75	17
1730—1779	97	21	76	14
1780—1829	100	22	89	12
1830—1879	100	20	80	22

Источник [37, с. 14]. Автор не дает численности групп, на основе которых получены доли и средние возрасты вступления в брак. Можно думать, что численность при рождении для каждой когорты составила от 120 до 200 человек каждого пола, но, конечно, число браков было меньше, особенно в ранних когортах.

Такую же коренную перемену демонстрируют и средние возрасты вступления в первый брак по мере движения от средневековья к XVIII веку¹⁴.

Период рождения, годы

	1330—1479	1480—1679	1680—1729	1730—1779	1780—1829	1830—1879
Мужчины	22,4	24,3	28,6	28,6	30,5	30,0
Женщины	17,1	19,5	22,2	24,0	24,7	24,2

Обратимся теперь к документам, содержащим сведения о тех, кого можно было бы назвать республиканской аристократией, о правящих семействах Женевы. Их демографические характеристики исследованы в монографии Андри [33]. Данные для более ранних когорт (осо-

¹⁴ Это изменение типа брачности также отмечено в работе Стоуна [72], представляющей собой социологическое исследование брачности английской аристократии.

бенно для женщин), по-видимому, демонстрируют следы, предшествовавшего неевропейского типа брачности. Как видно из табл. 7, переход к европейскому типу мог иметь место почти одновременно с переходом, характерным для сословия пэров Англии; однако попытки более точного сопоставления едва ли целесобразны.

Пеллер [60] в своем исследовании европейской аристократии проводит анализ способом, который не очень пригоден для целей настоящей работы. На основе его данных можно сделать вывод о том, что неевропейский тип брачности был характерен для аристократии континентальной Европы существенно дольше, чем для пэ-

Таблица 7

Правящие семейства Женевы

Период рождения, годы	Доля не состоявших в браке среди тех, кто умер в возрасте старше 51 лет, %		Средний возраст вступления в первый брак	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1550—1599	9	2	27,2	21,4
1600—1649	15	7	29,1	24,6
1650—1699	15	25	32,6	25,7
1700—1749	29	29	31,6	26,3
1750—1799	19	31	31,5	24,0
1800—1849	22	25	29,4	22,7
1850—1899	15	17	29,2	24,7

Источник. [33, с. 52, 55].

Примечание. Вычисление доли умерших не состоявшими в браке осложнено тем обстоятельством, что некоторые лица (например, эмигрировавшие в молодости) не попали в рассматриваемую совокупность. Эта сложность имеет существенно большее значение для мужчин, чем для женщин, и Анри вычисляет два ряда оценок с учетом этого фактора двумя способами. Данные таблицы для мужчин представляют собой среднее двух рядов. Средние возрасты вступления в брак для женщин даны с учетом не только дочерей из «правлящих семейств», но также и невест (если это их первый брак) мужчин «из правящих семейств».

Необходимо постоянно иметь в виду колебания объема выборки: число женщин, умерших в возрастах старше 50 лет в последовательных когортах, согласно оценке было: 60, 91, 177, 133, 89, 52, 96. Среднее квадратическое отклонение оценки средних возрастов вступления в брак колеблется между 1,0 и 1,7 для мужчин, между 0,8 и 1,2 для женщин. В более ранних когортах число девиц, вступивших в брак в возрасте старше 35 лет и даже старше 50 лет, весьма велико.

ров Англии. Семейства, исследованные Пеллером, сохраняли свои значительные феодальные привилегии и вполне определенный образ жизни много дольше, чем английская аристократия. Высшие круги французской аристократии, «Ducs et Pairs»*, также сохранили систему очень ранних браков в отличие от большинства населения Франции непосредственно до XVIII века, как это было показано в работе Анри и Леви [36]. В самом деле, различие французских и английских условий было отмечено по крайней мере одним современником, старшим сыном герцога де Ларошфуко, который посетил Англию в 1784 г. в возрасте 18 лет. Его очаровательно романтическая оценка английского брака заслуживает цитирования: «Муж и жена всегда пребывают вместе, в одних и тех же кругах. В высшей степени необычно увидеть их порознь... Они постоянно в превосходном согласии друг с другом; в особенности мне приятно, что жена всегда выглядит довольной... То обстоятельство, что англичане постоянно находятся в обществе своих жен, заставляет их вступать в брак значительно позднее; я не уверен в этом, но склонен так думать. В Англии жить с женой, которая вам безразлична, значит превратить свою жизнь в страдание. Таким образом, англичанин предпринимает все усилия, чтобы как следует узнать свою невесту до свадьбы; она имеет то же самое желание, и вот почему, я полагаю, браки, заключенные раньше двадцати пяти или двадцати восьми лет, редки. Другая причина, возможно, в том, что они начинают жить своим домом сразу же после свадьбы. Молодая чета никогда не остается со своими родителями... Английские мужья имеют по сравнению с нами одно преимущество, которым они иногда пользуются, а именно развод».

В этот раздел статьи можно включить также и анализ генеалогии некоторых семейств Вюртемберга (Германия), проведенный в работе Рюмелина [65]. Основываясь на роде их занятий, видим, что рассматриваемые семейства принадлежали в основном к преуспевающим городским кругам (сельское население вряд ли было представлено в документах). Что касается влияния отбора, который может вызвать смещение генеалогических данных, собиравшихся исходя из интересов потомков

* Герцоги и пэры (фр.).— *Примеч. ред.*

(например, выбор семейств с многочисленным потомством), то это обстоятельство уже было упомянуто.

Рюмелин не указывает природы анализируемых документов и не обсуждает их полноту и точность. Данные из одной группы документов, содержащих материал о возрасте вступления в брак женщин вплоть до XVI века, сведены в табл. 8. Мужчины в этой генеалогии были в основном государственными чиновниками или священнослужителями.

Таблица 8

**Возраст вступления в первый брак
согласно генеалогическим документам одного из семейств
в Вюртсберге (Германия)**

Век	Мужчины		Женщины	
	число браков	средний возраст вступления в брак	число браков	средний возраст вступления в брак
XVI	51	25,3	34	21,4
XVII	134	25,3	68	20,8
XVIII	116	28,9	90	24,0
XIX	91	31,1	94	25,3

Источник. [65, табл. 3а и 12а, семейство L]. Автор не дает объяснения, почему число браков мужчин существенно превышает число браков женщин.

Материал табл. 8, относящийся к более ранним столетиям, заставляет предположить наличие неевропейского типа брачности. Этому выводу не следует придавать особого значения, но если оригиналы документов, которыми пользовался Рюмелин, все еще существуют, они могут дать интересный материал для современного исследователя.

Разумеется, вполне возможно, что до новых времен аристократия и вообще высшие слои общества в массе своей вступали в брак значительно раньше, чем основная часть населения. (В XIX веке аристократы, по крайней мере в Англии и Скандинавии, вступали в брак позже и реже, чем население в целом.) Перейдем теперь к рассмотрению малочисленных данных для всего населения в эпоху средних веков.

СРЕДНИЕ ВЕКА

Пять ведь раз

*На паперти я верной быть клялась.
В двенадцать лет уж обвенчалась я,
Поумирали все мои мужья.*

Джеффри Чосер. Кентерберийские рассказы (Пролог батской ткачихи)

(Пер. И. Кашкина)

Некоторое количество городских административных документов (в основном налоговые списки), дающих возможность производить классификацию взрослого населения по брачному состоянию, существует даже для XIV и XV веков. Классификацию по брачному состоянию приходится производить на основе указаний в оригинальных документах, которые предназначались для других целей (например, для налогообложения), и указания относительно брачного состояния, таким образом, в большей или меньшей степени неполны (например, что касается слуг или взрослых детей, живших в одном доме с родителями). Более того, различие в возрасте между детьми и взрослыми могло быть неясно проведено при составлении списков, во всяком случае его точность должна быть подвергнута сомнению.

По указанным ранее причинам интерпретация данных подобного рода для городов затруднительна еще и ввиду воздействия миграции, даже в тех случаях, когда записи достаточно полны и точны и доподлинно известно, каким образом они составлялись.

В качестве примера рассмотрим табл. 9, где сведены, вероятно, наиболее многообещающие временные ряды подобного рода. В таблице представлено население Цюриха (Швейцария), который на протяжении многих столетий был одним из важнейших торговых центров Европы. В XVII веке священники периодически составляли списки всех жителей города. Некоторые из этих списков были проанализированы в прошлом веке в работе Дачинской [15]. Ближе к нашему времени средневековые налоговые списки, содержащие указания относительно брачного состояния, были исследованы Шнайдером [69]. В 1357 г. взимался только налог на движимое имущество, но в 1467 г. был добавлен еще и подушный налог. Подушный налог взимался со всех жителей,

**Распределение взрослого населения Цюриха (Швейцария)
по брачному состоянию**

Год		1357	1467	1637
Мужчины				
Численность, чел.		1 612	1 187	2 185
Доля (%)	{ Никогда не состоявшие в браке Вдовы Женатые }	40	37	49
		60	2	1
		61	50	50
Женщины				
Численность, чел.		1 962	1 649	2 974
Доля (%)	{ Никогда не состоявшие в браке Вдовы Замужние }	46	49	48
		5	7	15
		49	44	37

Источники: [69, с. 56, 71], [15, с. 387, 389].

достигших 15-летнего возраста и старше, так что теоретически данные за 1467 г. относятся к четко определенной возрастной категории. Данные за 1637 г. относятся к населению, достигшему 16-летнего возраста и старше.

Картина, отражаемая в табл. 9, в самом общем виде может считаться постоянной на протяжении нескольких веков. Доля никогда не состоявших в браке среди женщин высока; но есть все основания предполагать наличие интенсивной миграции в города, которые представляли собой небольшие вкрапления среди преимущественно сельских поселений. (Возрастное распределение 1637 г. дает ясные указания на активную иммиграцию, начиная с подросткового возраста и старше.) Значительное преобладание женщин над мужчинами заставляет предположить, что особенно велика была иммиграция женщин. Большое число лиц, никогда не состоявших в браке, не есть, таким образом, доказательство распространенности воздержания от вступления в брак. Весьма незначительная численность вдовцов и даже вдов в средние века (но не в XVII веке) вызывает удивление, если учесть очень высокий уровень смертности в городах того времени. Если это не следствие ошибок в записях, тогда речь может идти об очень высоких коэффициентах пов-

торных браков. Но такие высокие коэффициенты повторных браков в сочетании с очень большим числом лиц, никогда не состоявших в браке, дают странную картину. Не может ли это объясняться тем, что различие между вдовыми и никогда не состоявшими в браке не всегда фиксировалось? Число лиц, состоящих в браке, при анализе подобного рода записей выводится из числа супружеских пар, внесенных в список вместе; указание различия между вдовыми и никогда не состоявшими в браке зависит от того, был ли зафиксирован этот факт, что, как правило, совсем не обязательно для административных нужд составителей списка, но, однако, может выявиться, например, благодаря наличию детей.

Таким образом, данные относительно изолированных средневековых городов не имеют большой ценности для нашего исследования. Аналогичные трудности в еще большей степени сопряжены с различными фрагментами данных, относящихся к раннему средневековью, по крайней мере в той форме, в которой они пока что были опубликованы. Обзор этих материалов сделан Дж. Расселом [68], который на их основе приходит к ряду выводов, представляющихся мне по большей части необоснованными.

Наиболее убедительная совокупность доказательств относительно частоты заключения браков в средние века содержится в английских документах о подушном налоге 1377 г., проанализированных Расселом в его ранней книге [67]. Специальный налог «четыре пенса серебром» должен был взиматься со всех взрослых в возрасте 14 лет и старше (исключая священников, которые облагались отдельно, и официально признанных нищих), причем многие налоговые списки сохранились. В некоторых из них представляется возможным идентифицировать брачные пары. (Очевидно, единого образца заполнения этих списков не существовало.) Рассел проанализировал списки для нескольких деревень и городов. Основные результаты его исследований представлены в табл. 10. Кроме того, он собрал данные для нескольких населенных пунктов Лондонского графства и для других мест, что в общей сложности составило еще несколько тысяч человек. Доля состоявших в браке там аналогична представленной в табл. 10.

Интерпретация этих данных не связана с трудностями, возникающими ввиду малого числа случаев в выбор-

Доля состоящих в браке в возрасте 14 лет и старше
на основе английских документов о подушном налоге,
1377 г. (города и деревни различного размера)

Величина поселения по числу жителей, чел.*	Название города	Общее число лиц, облагаемых налогом, чел.	Доля состоящих в браке среди облагаемых налогом, %	
			мужчины	женщины
1—25		118	82	86
26—50		660	68	75
51—100		1560	74	74
101—200		1830	71	71
201—400		1811	66	67
759	Дартмут	506	68**	68**
1 017	Карлайл	678	59	56
2 325	Кингстон-он-Халл***	1 550	60	58
4 365	Колчестер***	2 910	62	61

Источник. [67, табл. 7.1—7.7].

Примечания: * Общее число жителей получено Расселом путем умножения общего числа лиц, обложенных налогом, на постоянный множитель 1,5, чтобы учесть необлагаемые налогом группы населения, возможные пропуски и детей младше 14 лет.

** Для Дартмута удалось вычислить только общую долю для обоих полов, ввиду наличия в документах 104 слуг, пол которых не указан (было сделано допущение, что они не состоят в браке).

*** Общая численность населения Кингстона-он-Халл и Колчестера была вычислена на основе 1557 и 2955 человек, облагаемых налогом, но в некоторых случаях пол и брачное состояние установить не удалось; доля состоящих в браке была вычислена с учетом 1550 и 2910 человек соответственно.

ке или возмущений, вызванных миграцией. Таким образом, что касается охвата городов и деревень различного размера, то мы, кажется, располагаем данными, превосходящими все материалы такого рода, собранные в любой стране в эпоху, предшествующую современным переписям.

Как уже было отмечено, лица духовного звания не включались в налоговые списки, результаты которых сведены в табл. 10. В работе [66] Рассел сделал оценку численности духовенства на основе кадастровой книги*, до-

* Речь идет о земельной описи Англии, произведенной Вильгельмом Завоевателем в 1086 г. — *Примеч. пер.*

кументов о специальных подушных налогах, взимаемых с духовенства, и других источников. В общем доля лиц духовного звания мужского пола составляла около 5% всей численности населения в возрастах 14 лет и старше.

Из числа 700 000 женщин в возрастах 14 лет и старше было около 2000 монахинь. Вопреки распространенному убеждению число женщин, постригавшихся в монастырь, было весьма небольшим; по сути дела, монахинями в основном были представительницы высших слоев общества. Доля женатых мужчин была бы, таким образом, на несколько процентов ниже, чем это указано в табл. 10, если принимать во внимание духовенство. Для женщин включение монахинь не сыграло бы существенной роли.

Доля лиц, состоящих в браке согласно табл. 10, значительно выше, чем можно было бы ожидать исходя из европейских стандартов. Следует иметь в виду, что не проведено различие между вдовыми и никогда не состоявшими в браке и что большая часть населения проживала в сельской местности. Допустим, что данные по брачному состоянию не смещены, т. е. что вероятность включения в налоговый список лица недуховного звания старше 14 лет для лиц всех брачных состояний одинакова. Тогда доля состоящих в браке среди женщин старше 14 лет в представленном в табл. 10 населении, с которого взимается подушный налог, не могла быть ниже 67% и, вероятно, составляла приблизительно 70% (хотя люди в те времена вряд ли знали свой точный возраст). При европейском же типе брачности в сельской местности доля замужних среди женщин старше 15 лет в целом была ниже 55% и, как правило, ниже 50% в XIX веке¹⁵.

Доля замужних женщин, полученная на основе документов о подушном налоге, таким образом, по порядку величин совершенно не соответствует данным для населения с европейским типом брачности. С другой стороны, эта доля вполне отвечает неевропейскому типу. Например, в переписях 1900 г. было зарегистрировано замужних женщин (15 лет и старше):

Болгария	· 69%
Румыния	· 65%
Сербия	· 69%

¹⁵ Эти обобщенные данные основаны на материалах переписей 1850—1910 гг., собранных в *Annuaire International de Statistique* (1916 г.), Vol. I. *Etat de la population (Europe)*. Table D. 2.

К сожалению, очевидно, не существует способа узнать, не зависела ли вероятность включения в налоговый список лиц недуховного звания от их брачного состояния. В общем виде возможно и даже вероятно, что нищие, не облагавшиеся налогом, а также те лица, которые были пропущены сборщиками, хотя и подлежали налогообложению, в основном относились к числу не состоящих в браке. Из числа лиц, более близких к нижнему возрастному пределу, не состоящие в браке могли, очевидно, с большей легкостью избежать налогообложения, заявив, что они еще не достигли этого предела. Иногда представлялось возможным скрыть наличие родственников, не состоящих в браке, тогда как глава семьи и его жена вряд ли могли избежать включения в список. Рассел полагает, что общая численность нищих и лиц, избежавших налогообложения, приблизительно составляет всего 5%. Если половина из них были женщины (на деле скорее следует признать, что женщины составляли меньше половины), то и тогда истинная доля состоящих в браке по-прежнему вполне отчетливо свидетельствовала бы о «неевропейском» типе брачности, даже если все невключенные в налоговый список были бы не состоящими в браке. И только в случае, если число пропущенных лиц было весьма значительным, с существенным преобладанием среди них не состоящих в браке, то население, облагаемое подушным налогом в 1377 г., могло характеризоваться европейским типом брачности.

Если, с другой стороны, доли населения, состоящего в браке, в табл. 10 отклоняются от истинных не более чем на несколько процентных пунктов, то напрашивается вывод о том, что тип брачности, по крайней мере некоторых районов средневековой Англии XIV века, был похож вовсе не на европейский тип XVIII века, а скорее на неевропейский.

Необходимо дальнейшее исследование документов о подушном налоге, прежде чем такого рода интерпретации обретут необходимую достоверность. Не существует ли каких-нибудь аномальностей в этих нескольких налоговых списках, где представилось возможным выделить брачные пары? Не отличаются ли деревни, охваченные этими списками, какими-либо специфическими особенностями? Документы о подушном налоге — пока что наиболее существенный источник информации об особенностях брачности в средние века, Работа Рассела

нуждается в дополнениях, основанных на детальных исследованиях оригиналов этих документов.

Еще один тип свидетельств—*inquisitions post mortem*, т. е. юридические документы, связанные с исками о наследстве, — послужил Расселу и другим исследователям для подтверждения точки зрения относительно того, что женщины в средние века вступали в брак сравнительно «поздно», по крайней мере женщины того социального класса, который охвачен этими документами. Представляется возможным классифицировать иски по возрасту и брачному состоянию наследниц и сделать попытку определить возраст, в котором половина всего числа наследниц вступила в брак. С точки зрения статистической методологии эта процедура в значительной степени аналогична методикам биологического анализа, например, при испытаниях действенности инсектицидов. Группы насекомых подвергаются воздействию инсектицида в различных дозах. Размер дозы при биологическом анализе в нашем случае соответствует возрасту наследницы при подаче иска. По мере увеличения дозы погибает все большее число насекомых, точно так же, как по мере увеличения возраста все большее число наследниц вступает в брак. Задача в одном случае заключается в определении размера дозы, достаточной для того, чтобы убить ровно 50% насекомых, а в другом случае — в установлении возраста, в котором ровно 50% наследниц вступают в брак. Статистические задачи, связанные с подобного рода данными, сложны и запутанны; но попытка исследования исков методом биологического анализа может оказаться интересной. При предварительном рассмотрении оказывается, что данные, которые удалось собрать Расселу, вовсе не достаточны, чтобы свидетельствовать в пользу его заключения, будто в царствование Эдуарда I* приблизительно 50% наследниц к 24 годам все еще не состояли в браке. Помимо вопроса о количестве данных существуют и другие неясности, связанные с интерпретацией исков (сомнительная точность определения брачного состояния и т. п.). Во всяком случае мы располагаем материалами о пэрах Англии, собранными Холлингзуортом (см. табл. 6), и данные, полученные на основе исков, в общем виде совпадают с более основательными данными, полученными для сословия пэров.

* Т. е. в 1272—1307 гг. — *Примеч. пер.*

Мы еще вернемся к рассмотрению некоторых косвенных доказательств относительно браков в средние века. Вряд ли можно сомневаться в том, что в период между XIV и XVII веками произошли некоторые изменения брачных обычаев. В средние века обручение детей и брак в раннем подростковом возрасте были, очевидно, широко распространены во всех слоях населения (а не только среди знати). Эти обычаи практически исчезли к XVIII веку. Сомнительно, что население средневековой Европы характеризовалось развитым европейским типом брачности; это был либо явно выраженный неевропейский тип, либо некоторая смесь двух типов при более широком колебании возрастов вступления в первый брак, чем это наблюдалось позднее.

ДРЕВНИЙ МИР

После того, как женщине исполняется 14 лет, мужчины уже зовут ее «дамой». Когда она осознает, что единственная существующая для нее возможность — вступление в брак, она начинает принаряжаться и возлагает на это все свои надежды.

Эпиктет. Руководство (II век)

Как это ни удивительно, но существуют статистические свидетельства о браке времен античности. Один из источников информации — надписи на надгробных плитах. На них часто обозначен возраст смерти; если же умирал человек, состоявший в браке, то иногда указывается число лет, которое он или она состояли в браке. Путем вычитания из возраста смерти количества лет, прожитых в браке, можно установить возраст вступления в брак. Харкнес [31] в 1896 г. собрал 171 надпись для женщин и 191 для мужчин, которые позволяли вычислить возраст вступления в брак. Единственная более поздняя попытка собрать подобного рода данные, по-видимому, принадлежит Макдонеллу [49], причем число собранных им надписей было существенно меньшим. Благодаря значительному увеличению с тех пор числа опубликованных надписей теперь существует гораздо более полное их собрание (см. [68]).

В табл. 11 сведены данные, собранные Харкнесом для женщин. Отчетливое различие между распределениями, полученными на материале надгробных надпи-

Распределение возрастов вступления в брак для женщин, полученное на основе надписей на надгробных плитах

Возраст, лет	Римские надписи на надгробных		Норвегия, 1841—1850 гг., %	Крюле (Франция), 1674—1742 гг., %
	число надписей	%		
10—14	67	39	—	—
15—19	60	35	8	17
20—24	26	15	33	40
25—30	7	4	30	27
30—34	8	5	14	9
35 и старше	3	2	15	7
Всего	171	100	100	100

Источники: [31], [23, с. 83] и Norway, Statistiske Centralbureau, Oversikt over de vigtigste resultater av de statistiske tabeller vedkommende folkemaendens bevaegelse, 1866—1885. Norges Officielle Statistik, Tredie Raekke, № 106, Kristiania 1890, p. 143.

сей, и двумя «европейскими» распределениями, добавленными для сравнения, очевидно с первого взгляда¹⁶. Распределения, полученные на основе надгробных надписей, безусловно, смещены, они явно не отражают распределения смертей в эпоху Древнего Рима. Например, весьма вероятно, что для молодых женщин доля представленных надгробных надписей непропорционально высока (см. [20], [34] и [35]). Далее, искажение почти наверняка привнесено за счет того, что совокупность всех надгробных надписей, на основе которых вычислялся возраст вступления в брак, весьма невелика. Вероятно, это искажение в пользу тех, кто вступал в брак в молодых возрастах; одно из доказательств этого предположения — продолжительность брака почти наверняка указывалась пережившим супругом в случае, если эта продолжительность была значительной. (С другой стороны, те лица, которые умирали раньше своих супругов, вероятно, были старше их.) В дальнейшем при публикации данных подобного рода следовало бы давать комбинированную разработку возраста смерти по продолжи-

¹⁶ Распределение для Крюле — только для первых браков. Если бы были включены повторные браки, то доля более старших возрастов существенно бы увеличилась.

тельности брака, а не только распределение вычисленных возрастов вступления в брак.

Но каким бы ни было смещение, выводы, полученные на основе материала табл. 11, не подлежат сомнению. При любом мыслимом смещении в ходе отбора невозможно получить на основе данных о брачности в Европе в XVIII--XIX веках такие распределения, которые дают данные для древнего мира. Население, данные о котором почерпнуты с надгробных плит, характеризовалось неевропейским типом брачности.

То же самое заключение можно сделать на основе данных совершенно иного типа — речь идет о так называемых «переписях» Римского Египта, проводившихся в целях налогообложения, в ходе которых необходимо было заполнить соответствующие декларации, перечислив всех членов каждого домохозяйства. До нас дошло около двух сотен таких деклараций, и детальное их исследование было недавно опубликовано Омбером и Прео [39]. В декларациях содержится информация о родственных связях между членами каждого домохозяйства, а также данные о возрасте. Иногда можно сделать вывод о возрасте вступления в брак женщины путем вычитания из возраста матери возраста ее старшего ребенка, проживающего с родителями. Полученные таким образом результаты в целом будут выше истинного возраста вступления в брак, а иногда и существенно выше (например, если первый ребенок умер или не живет с родителями). Тем не менее Омбер и Прео [39, с. 160—161] показали, что из 155 замужних женщин по крайней мере 51 вступили в брак моложе 20 лет. Этот возраст вступления в брак значительно ниже характерного для европейского типа брачности.

Согласно данным для Римского Египта мужья обычно были существенно старше своих жен. Это свидетельствует о том, что мужчины вступали в брак очень поздно. То обстоятельство, что мужчины вступали в брак поздно и, по сути дела, зачастую умышленно воздерживались от женитьбы как в Греции, так и (позже) в Риме, находит подтверждение в литературных источниках (особенно у Полибия), а также в римских законах, направленных на поощрение брака. Не известно, была ли эта тенденция характерна только для высших слоев общества. Некоторые статистические доказательства по этому вопросу собраны в работе Ландри [47].

Я не верю ни во что, кроме прямых измерений и тройного правила.

Чарльз Дарвин. Письмо У. Д. Фоксу (1855 г.)

Имело ли место, как можно предположить на основе скудных статистических данных, фундаментальное изменение брачных обычаев на большей части территории Европы в период между 1400 и 1650 г.? Если да, то где начался этот процесс и каковы были этапы его развития? Какие социальные или экономические изменения способствовали возникновению нового типа брачности? Об этом периоде, да и вообще о средних веках известно так много, что для ответа на подобного рода вопросы должно существовать значительное количество материала. Или это только кажется не профессиональному историку? В случае если характерный для европейского типа поздний брак восходит к периоду до средневековья, то перспективы выяснения происхождения этого типа, конечно же, представляются менее обещающими.

Замечание относительно того, что статистические материалы и свидетельства, извлеченные из литературных источников, ненадежны, легко проиллюстрировать, рассмотрев вопрос о возрасте вступления в брак. Так, Рассел указывает в подтверждение своей точки зрения о поздних браках в средние века на существование обязательного условия для мужчины до вступления в брак обзавестись средствами к существованию. Но такого рода требования можно найти и в литературе о других цивилизациях. Например, в Талмуде сказано, что «мужчина должен сначала построить дом, потом разбить виноградник и только после этого жениться». Однако вряд ли можно сомневаться в том, что иудеи талмудических времен вступали в ранние браки.

Одна из трудностей, связанных с литературными свидетельствами, разумеется, заключается в неопределенности терминов типа «поздний брак». Во многих обществах с явно выраженным неевропейским типом брачности брак для женщины может считаться поздним по индийским стандартам, но в то же время очень ранним по европейским.

Многообещающие сведения, не носящие собственно статистического характера, могут быть обнаружены, если только вплотную заняться их поисками. Интересная возможность предложена в работе Бэкмана [3]. Он сделал краткий обзор ссылок, встречающихся в основном в юридической литературе, относительно наступления возраста половой зрелости и пришел к выводу, что средний возраст менархе был постоянным начиная с античных времен (и составлял 14 лет), но начиная примерно с 1500 г. по всей Европе этот возраст стал повышаться. Возможно, перемена точки зрения относительно возраста половой зрелости и изменение определений юридическо-го совершеннолетия после 1500 г. отражают эти сдвиги физиологического характера. Однако по крайней мере столь же правдоподобным представляется, что здесь юридическая мысль придает законченность социальным изменениям, связанным с поздними браками. Но при любой интерпретации материалов, подобных тем, что рассматривал Бэкман, они содержат свидетельства в пользу того, что изменение возраста вступления в брак произошло где-то на рубеже XVI века.

Очевидно, что в этой связи представляют интерес изменения законов о браке (включая минимальный возраст вступления в брак). Сюда же относится и спор о природе брака во времена Реформации*. Не был ли этот спор в известном смысле также и попыткой приспособить теологию к социальным изменениям? Некоторые из пунктов спора (добровольное согласие супругов, родительское разрешение), очевидно, могли сформироваться в период изменений в сторону позднего брака. Весьма любопытно, что должным образом организованная система регистрации браков распространилась в XVI веке практически на той территории, где впоследствии преобладающим стал европейский тип брачности.

На интерпретацию статистических данных о браке искажающее воздействие оказывали предубеждения общеисторического характера. Интересным примером может служить работа Инмана [41, с. 120], который исследовал 1379 документов о подушном налоге для одной небольшой области (округ Кларо в графстве Йоркшир, Англия). Он обнаружил, что процент состоящих в браке оказался выше, чем в Англии в XIX веке, и пришел к

* Начало XVI века. — *Примеч. пер.*

заклучению, что исходные данные ошибочны и что лица, не состоящие в браке, должно быть, особенно уклоняются от уплаты налогов. (Он также называет и другие причины, объясняющие значительную неполноту налоговых списков.)

Предубеждения, сложившиеся в наши дни, оказали свое воздействие и на работу Хоманса [38], которая тем не менее представляет собой наиболее тщательное исследование браков средневекового сельского населения. Исходя из правила о том, что мужчина мог жениться, только вступив во владение земельным участком, Хоманс делает вывод, что возраст заключения браков был высоким. «Если мужчина вынужден был ждать, пока его отец не умрет или не уступит ему свой участок земли, то вполне вероятно, что он мог жениться довольно поздно» [38, с. 158]. Но к такому заключению невозможно прийти, если учитывать высокий уровень смертности в средние века. Более половины детей в Англии в XIII веке могли потерять отцов еще до достижения ими 17-летнего возраста. Если все они вступали в брак в 17 лет, а остальные — непосредственно после смерти своих отцов, то нет оснований считать, что средний возраст всех мужчин при вступлении в первый брак был более 24 лет¹⁷. На практике, разумеется, как это подробно отмечает и сам Хоманс, многие из них вступали в брак еще при жизни своих отцов, которые отказывались от своего участка в их пользу. Другие пункты аргументации Хоманса могут быть опровергнуты аналогичным образом; например, аналогия с современной Ирландией¹⁸ обманчива, помимо всего прочего, ввиду наблюдаемых там весьма низких коэффициентов смертности. Когда Хоманс работал над своей книгой, имелось еще недостаточное количество детальных сведений о смертности как в Европе до промыш-

¹⁷ Эти предположения в основном согласуются с расчетами, которые приводит Фурастье в работе [22], где сопоставляются типичные жизненные циклы в условиях высокого уровня смертности и в условиях жизни в современной Европе.

¹⁸ Уникальный ирландский тип брачности, характеризующийся очень поздними браками и широко распространенным безбрачием для тех, кто остается в стране, сложился к концу XIX века. Наряду с этим типом брачности наблюдается очень высокий коэффициент эмиграции. Естественный вывод заключается в том, что многие из тех, кто хочет вступить в брак раньше, эмигрируют и вступают в брак за рубежом (что вряд ли было возможно в средневековой Англии).

ленной революции, так и в других неразвитых в промышленном отношении обществах. Человеску современного развитого общества очень трудно представить себе, насколько часто в прежние дни человеческую жизнь потрясали смерти близких¹⁹.

Небольшая монография Бюхера [9] о месте женщины в средневековом обществе (первоначально лекция, прочитанная им в 1882 г.) совершенно определено основана на убеждении, что проблемы женщин, и особенно одиноких женщин, в его время были аналогичны существовавшим в средние века. Все его доказательства базируются на данных для нескольких городов, где и в самом деле был значительный избыток женского населения. Эти случаи нетипичны не только потому, что всякий город был нетипичным среди подавляющей массы сельских поселений, но и потому, что данные Бюхера относятся к крупнейшим торговым центрам значительных районов (Нюрнберг, Франкфурт, Базель). Есть основание полагать, что население такого рода центров интенсивно пополнялось за счет иммиграции и что избыток женского населения тогда (как и в более близкие нам времена) был в таких городах значительно по сравнению с небольшими городами. Бюхер не принимает миграцию во внимание; он считает, что избыток женского населения объяснялся сверхсмертностью мужчин, которую он относит за счет войн и невоздержанного образа жизни.

Эссе о женщинах Айлин Пауэр [63] написано под влиянием Бюхера. Не будь его работы, трудно сказать, пришла ли бы она к следующему категорическому заключению: «Не следует воображать, что замужество было уделом всех женщин и что в средние века, *как и в наши дни*, не существовало типа независимой одинокой женщины». Она, однако, указывает на дополнительное свидетельство, не почерпнутое у Бюхера, и, что более важно, относящееся к сельскому населению: «В любом маноре* с первого же взгляда можно было увидеть жен-

¹⁹ В уже упомянутой работе Фурастье [22] показано, в частности, как редко родители доживали до свадьбы своих детей или как часто мужья теряли жен; эти расчеты должны побудить других исследователей к построению моделей подобного рода, с тем чтобы демографы наконец получили достаточно широкую совокупность обоснованных данных в этой области.

* Феодальная вотчина в средневековой Англии.— *Примеч. пер.*

щин (крепостных и арендаторов), живущих на своих небольших земельных участках и выполняющих те же работы, что и мужчины; некоторые из них — вдовы, но многие — явно незамужние». Она, однако, не дает деталей; похоже, что в ее задачу входит только убедить читателя, что наличие значительной доли незамужних женщин было довольно обычным делом.

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Когда родится ребенок, то, если это мальчик, пусть живет, а если это девочка, оставь ее (умереть).

Из письма грека Хилариона (очевидно, своей жене), I век до н. э.

Хотя и существует огромное количество литературы о браке и семье, лишь небольшая часть ее была изучена с точки зрения статистики. Видимо, не существует ответов на довольно простые вопросы, возникающие в рамках статистического подхода.

Каким образом в большинстве обществ женщине удавалось выйти замуж? Этот вопрос состоит из нескольких; ответ на один из них можно получить путем сравнительного исследования различных механизмов поиска брачных партнеров. Значительное большинство людей всегда жило небольшими общинами, скажем, в деревнях с населением в несколько сот человек, сообщение между которыми было трудным, а нередко и опасным. Число потенциальных брачных партнеров, и так небольшое, зачастую еще уменьшалось ввиду наличия правил (например, кастовых) или условностей (например, классовых), которые ограничивали круг лиц, брак с которыми считался пристойным. Как же удавалось найти партнера для каждой девушки?

Механизм такого поиска был весьма различным в разных обществах. Для целей нашего исследования заслуживает внимания вопрос о том, что предпринималось в сложных случаях, когда девушка со всей очевидностью не располагала кандидатурой подходящего жениха? Сравнительные исследования различных приемов, посредством которых преодолевалась эта трудность, могли бы представить значительный интерес. (В качестве примера можно указать на институт профессиональных сва-

тов.) Несомненно, существенно важный фактор, отличающий современные западные населения от большинства других обществ, — это убеждение в том, что решение о заключении брака следует принимать не раньше, чем будущие супруги хорошо узнают друг друга. Это обстоятельство не может не вызывать значительные трудности при поисках брачного партнера, поскольку зачастую существует возможность познакомиться лишь с небольшим числом молодых людей противоположного пола. Если же, напротив, представляется возможным организовать брак людей, прежде никогда не видевших друг друга, то круг потенциальных супругов значительно расширяется. Вероятными становятся длительные путешествия в поисках подходящего партнера. Так, некогда библейский Авраам послал слугу в дальнюю страну, чтобы найти жену своему сыну.

Ограничения (например, кастовые), которые уменьшали число потенциальных супругов для того или иного конкретного лица в пределах его деревни, в то же время устанавливали круг людей, в рамках которого можно было искать партнера в другом месте. Эти ограничения, таким образом, не имели целью препятствовать вступлению женщины в брак; на деле они способствовали тому, что сеть родственных отношений распространялась на значительно больших территориях, чем было бы необходимо, если бы только живущие в одном месте могли вступать в браки между собой. Ограничения оказывают, таким образом, важное воздействие как на социальную организацию, так и на генетическую структуру человеческих популяций.

Что касается тех обществ, где почти 100% женщин вступают в брак, то особое удивление вызывает там судьба девочек, имеющих серьезные умственные либо физические недостатки или уродства. Хотя и непросто провести линию, отделяющую легкие дефекты от тех, что существенно уменьшают шансы индивидуума вступить в брак, в современных западных обществах имеется 1—2% лиц такого рода (слепые, глухие, эпилептики, умственно отсталые и т. д.). В другие времена и в других странах это число было большим ввиду последствий недостаточного питания, болезней и невежественного лечения. С другой стороны, большинство родившихся с такого рода дефектами или приобретших их в молодости, вероятно, умирали, не достигнув брачного возраста. Но

каким образом находились партнеры для остальных? Ответы опять будут очень различными. В полигамных обществах таким женщинам была уготовлена роль младших жен, в других местах они составляли основу той части населения, которая никогда не вступала в брак. Похоже, что эта проблема еще не рассматривалась ни одним исследователем.

Пока что мы рассматривали методы, благодаря которым можно было найти пару для того или иного конкретного индивидуума. Но каким образом можно было сбалансировать общий избыток женщин? Идея «избытка женского населения» была привычной для Европы, и большое число не состоящих в браке девиц рассматривалось как нормальное состояние, время от времени усугублявшееся войной. Но нельзя сказать, что другие общества не знали войн²⁰. Каким же образом находилось достаточное число мужчин, чтобы все женщины вступали в брак? На этот вопрос напрашивается ответ — «полигамный брак». Но это, очевидно, не самый важный фактор, поскольку даже во многих обществах, практикующих полигамию, ее реальные масштабы весьма невелики.

Отношение общей численности мужчин к общей численности женщин в населении, равно как и отношение численности взрослых мужчин к численности взрослых женщин, хотя и часто упоминается в интересующем нас контексте, но также мало что объясняет. Например, в Англии в настоящее время численность женщин в возрасте старше 15 лет более чем на полтора миллиона превышает численность мужчин тех же возрастов. Однако если речь заходит о возможностях заключения брака, то отмечается нехватка женщин. «Избыточное женское население» в основном составляют вдовы старше 60 лет.

Что следует рассматривать прежде всего — так это соотношение мужского и женского населения в ранних бракоспособных возрастах. Возможно, что в Европе в XVIII веке это соотношение было значительно менее

²⁰ Видимо, можно провести интересное исследование способов, путем которых в обществах, где всеобщая брачность для женщин представлялась сама собой разумеющейся, решался вопрос о значительной нехватке мужчин, вызванной войной. В древних Афинах после злополучного Сицилианского похода 413 г. до н.э. был принят закон, разрешавший двоеженство. Среди тех, кто воспользовался этим законом, был Сократ, взявший себе вторую жену, неимущую вдову, в добавление к небызывестной Ксантиппе (см.: A. Zimmern. *The Greek Commonwealth*. Oxford, 1931, p. 340).

благоприятным для женщин с точки зрения их вступления в брак, чем во многих незападных населенных. Всегда, разумеется, существует избыток мальчиков при рождении — порядка 105 рождений мальчиков на каждые 100 рождений девочек. Мужская смертность превышает женскую, и в Европе в XVIII веке избыток смертей мужчин был, вероятно, достаточным не только для того, чтобы обеспечить равенство полов в брачных возрастах, но и чтобы создать избыток женщин. В Скандинавских странах этот избыток был весьма значительным. Напротив, в незападных странах, по-видимому, нередкой была нехватка женщин. В качестве известного примера назовем Индию. Существует теория (выдвинутая, в частности, Коулом и Гувером [12]), что при проведении переписей имеет место значительно более существенный недоучет женщин, чем мужчин.

Однако другие исследователи (например, Джейн [42, с. 26]), комментируя эти данные, придерживаются точки зрения, что избыток мужчин — реально существовавшее явление, и объясняют это тем, что о мальчиках, по-видимому, лучше заботились и лучше их лечили, ввиду чего коэффициент смертности мальчиков был ниже коэффициента смертности девочек. Существовало и расхождение мнений относительно избытка мужчин, наблюдавшегося иногда у китайского населения. Однако избыток мужчин в населении и сверхсмертность женщин наблюдались на Тайване в начале XX века, и эти данные были вполне надежными²¹. Более того, значительное число данных о коэффициентах смертности в развивающихся странах было собрано за несколько последних десятилетий, и два сравнительных исследования смертности во всемирном масштабе [71] и [78] продемонстрировали, что в странах с высокой смертностью нередко наблюдается женская сверхсмертность в детских и юношеских возрастах²².

Мы, таким образом, можем признать вероятным, что во многих незападных населенных имел место избыток женской смертности и нехватка женщин брачных возрастов. Следы аналогичных тенденций имеются в данных

²¹ См. [75] и [76].

²² Это явление существует независимо от высокой материнской смертности. Масштабы последней зачастую бывали сильно преувеличены,

для Южной и Восточной Европы XIX века и ранее. Ощущение избытка женщин в населении и более высокая мужская смертность, по-видимому, выводятся в основном из статистических данных для Северной и Западной Европы. В средние века нехватка женщин, или, в лучшем случае, небольшой избыток, возможно, были типичны для всей Европы. Лаплас отмечает, что родители в XVIII веке оставляли девочек в парижском приюте для подкидышей много чаще, чем мальчиков. Такое предпочтение могло быть более значительным в ранние времена.

Отношение численности мужчин к численности женщин в брачных возрастах само по себе не определяет число мужчин и женщин, которые в состоянии вступить в брак на протяжении всей своей жизни. Так, женщина, никогда не состоявшая в браке, не обязательно должна выйти за мужчину, также не состоявшего в браке; она может выйти и за вдовца. Если большое число браков расторгается вследствие смерти, причем остающиеся в живых супруги еще молоды, и если вдовцы вступают в повторный брак значительно чаще, чем вдовы, то для каждой женщины существует возможность выйти замуж по крайней мере один раз в жизни даже в таком населении, где число мужчин намного меньше числа женщин. В этом смысле повторный брак вдовцов можно расценивать как полигамию. Такая точка зрения не нова, но она часто упускается из виду. Двести лет тому назад Зюссмильх [74, т. II, с. 281] назвал тенденцию к вступлению в повторный брак «*polygamia successiva*»*. Для него это была проблема теологического характера. Идея о том, что сверхсмертность мужчин с неизбежностью сводит на нет избыток мальчиков при рождении и к 20 годам достигается численное равенство полов — важная доктрина «физикотеологии». Она не только подтверждает то обстоятельство, что все в природе гармонично согласованно в соответствии с божественным планом, но также показывает, что христианский принцип моногамии соответствует намерениям творца и превосходит языческий обычай полигамии. Зюссмильх нашел, однако, что согласно данным для нескольких районов Европы разность между числом смертей мужчин в возрастах до 20 лет и числом смертей женщин в тех же возрастах зна-

* Последовательная полигамия (лат.).— *Примеч. пер.*

чительно превышает избыток мальчиков при рождении, т. е. к 20 годам доживает больше женщин, чем мужчин. При такой дилемме «последовательная полигамия» представляет собой спасительный выход. Зюсмилх мог бы утверждать, что гармония божественного плана, обеспечивающего моногамию, все же не нарушается, поскольку наличие у вдовцов тенденции жениться на девицах компенсирует избыток женщин.

Степень последовательной полигамии меняется и дает возможность сочетать различный половой состав со всеобщей брачностью. В Европе в XVIII веке, вероятно, нередко среди всех, вступающих в брак, доля невест, вступающих в первый брак, была на 5—10% больше, чем соответствующая доля женихов (см. табл. 12). Степень последовательной полигамии могла интенсивно изменяться применительно к обстоятельствам. Весьма любопытный пример в этом плане представляет история Тайваня (см. работу Барклея [4]). В начале века численность мужчин в возрастах 10—49 лет почти на 20% превышала численность женщин той же самой возрастной группы. Эта нехватка женщин частично компенсировалась женской последовательной полигамией, т. е.

Таблица 12

Компенсация неравной численности мужчин и женщин
за счет повторных браков

Страна и дата	Доля (%) первых браков среди всех браков		Разность
	мужчины	женщины	
Померания (Германия), 1748—1754 гг.	79	84	+ 5
Швеция, 1750—1800 гг.	81	87	+ 6
Франция (Крюле), 1674—1742 гг.	81	91	+10
Тайвань: 1906 г.	72	64	— 8
1910 г.	75	69	— 4
1920 г.	78	75	— 3
1935 г.	89	89	0
1943 г.	90	92	+ 2

Источники: [74, т. I, с. 183], [24, с. 29], [23, с. 83], [4, с. 225].

женщины вступали в повторные браки чаще, чем мужчины. После того как соотношение полов в населении нормализовалось и доля повторных браков снизилась вслед за уменьшением числа вдовых и разведенных, ситуация стала в значительно большей степени напоминать европейские условия.

На соотношение численности обоих полов и на их шансы вступить в брак воздействует также различие между возрастными вступлениями в брак невест и женихов. Сказанное легче понять, если обратиться к рассмотрению некоторых гипотетических упрощенных примеров. Сначала примем три допущения: 1) все невесты выходят замуж в возрасте 20 лет за женихов в возрасте 25 лет; 2) мужчины женятся в любом случае, а доля женщин, выходящих замуж, определяется наличием мужчин; 3) число рождений в общем постоянно от года к году. При этих условиях доля женщин, вступивших в брак, сократится в связи с тем обстоятельством, что имеющееся число мужчин уменьшится в интервале между 20 и 25 годами. Допустим теперь, что система изменилась, и девушки в 20 лет выходят за мужчин также в возрасте 20 лет (при сохранении всех остальных допущений). В этих обстоятельствах доля женщин, вступающих в брак, выше, поскольку мужчины, которые должны были умереть в интервале между 20 и 25 годами, теперь могут вступить в брак. Если же, с другой стороны, мужчины женятся в 30 лет (по-прежнему на 20-летних), то число женихов уменьшится в еще большей степени, чем в нашем первом гипотетическом варианте, за счет смертей между 25 и 30 годами.

Таким образом, видно, что изменения *разницы* между возрастными мужчинами и женщинами при вступлении в брак могут компенсировать колебания численности обоих полов. Воздействие этой разницы может быть еще большим, если допустить, что третье условие (т. е. постоянство числа рождений от года к году) не выполняется. Предположим, что численность населения увеличивается, т. е. число рождений растет от года к году. Если женщины в возрасте 20 лет выходят замуж за мужчин в возрасте 25 лет, то, значит, они выходят за мужчин, родившихся на 5 лет раньше. Но за 5 лет до появления на свет этих женщин число рождений было меньшим. Значительная разница возрастов мужчин и женщин при вступлении в брак в населении с высокой смертностью и

увеличивающимся числом рождений может очень сильно изменить шансы женщин на вступление в брак²³.

С начала XVIII века на большей части территории Северо-Западной Европы вся совокупность событий как бы направлена на уменьшение числа мужчин, могущих

²³ Примечательная черта европейских браков состоит в том, что зачастую средние возрасты вступления в первый брак для мужчин относительно немного (всего на 2—3 года) превышают соответствующие значения для женщин. Это удивительно потому, что, при прочих равных условиях, как раз большая величина этой разницы возрастов уменьшает шансы женщин вступить в брак. И однако именно в Европе доля женщин, никогда не состоявших в браке, была максимальной. Объяснение этого парадокса заключается в том, что среди неевропейцев значительное превышение возраста мужчины над возрастом женщины при вступлении в брак уравнивается за счет других факторов, особенно за счет полигамии (последовательной или одновременной). По сути дела, высокая частота (одновременных) полигамных браков возможна лишь в обществе, где молодые люди остаются неженатыми в течение относительно длительного периода времени, а затем берут жен значительно младше себя. При такой системе, когда почти все женщины старше 16 лет, но только некоторое число мужчин старших возрастов состоят в браке, значительная доля женатых мужчин может иметь две жены и более. (Нет необходимости предполагать, что численность мужского населения уменьшилась в результате войны или подобного рода событий.) Это в высшей степени очевидное обстоятельство обычно недоучитывалось в ходе дискуссий относительно связи полигамии и соотношения полов. Наверное, впервые оно было объяснено в работе Зоннабенда, посвященной демографическому изучению племени банту [70, с. 171—173]. Он писал, что зулусы «имеют более отчетливое (хотя и чисто интуитивное) представление о взаимосвязи возрастов вступления в брак обоих полов и частоты полигамных браков, нежели некоторые европейские авторы». В самом деле, изменяя соотношения возрастов обоих полов при вступлении в брак, коэффициентов первобрачности, повторных браков и т. д., можно сформировать воображаемые типы брачности, весьма странные для людей западного мира, но характерные тем, что в брак вступают почти все или все женщины, и благодаря этому обеспечивается необходимое воспроизводство населения. Например, можно разработать систему, при которой пожилые мужчины женятся на молодых женщинах, а молодые мужчины — на пожилых женщинах. Что-то в этом духе, по-видимому, практикуется в племени тиви (Северная Австралия) согласно удивительному исследованию Харта и Пиллинга [32]. В племени тиви, как утверждают авторы, каждая женщина либо состоит в браке, либо помолвлена от рождения до смерти. При рождении она уже помолвлена с мужчиной, возраст которого позволяет ему уплатить за нее выкуп; таким образом, к моменту, когда она будет достаточно взрослой, чтобы фактически начать брачные отношения, ему будет не менее 40 лет. Но молодой человек может жениться на пожилой женщине; как говорят люди этого племени, А может взять в жены мать Б, отдав Б в жены свою мать.

вступить в брак, по сравнению с существующим числом женщин. Снижение коэффициентов смертности ограничило число вдовцов и, таким образом, возможности последовательной полигамии. Например, в Швеции к 1901—1910 гг. только 10% всех браков заключалось с вдовцами, по сравнению с 19% в 1750—1800 гг. Такая норма снижения с 20 до 10%, очевидно, типична для большей части территории Европы. Уменьшение коэффициентов смертности косвенным образом ограничивает шансы женщин вступить в брак ввиду увеличения коэффициента роста населения. (Этот тип воздействия был рассмотрен ранее.) Далее, эмиграция в XIX веке была преимущественно уделом мужчин. И наконец, во многих странах к концу XIX века наблюдалось снижение коэффициентов брачности как мужчин, так и женщин. Это снижение иногда рассматривалось как первоначальная реакция на необходимость ограничения роста населения, как составная часть той совокупности изменений, которые привели к распространению контроля рождаемости. (История браков во Франции и Ирландии имеет свои специфические черты, и сказанное относится к этим странам не в полной мере.)

В результате всех этих событий доля женщин, никогда не состоявших в браке, поднялась до уровня, не имевшего прецедентов в Северо-Западной Европе до конца XIX века. Этот эффект был отчасти усилен первой мировой войной. Однако начиная с 1920 г. ситуация полностью изменилась, и «избыток бракоспособных женщин», который уже стал рассматриваться как постоянное состояние, сменился нехваткой женщин.

Заключение

У авторов XVIII века существовало широко распространенное убеждение в том, что европейские условия принципиально отличаются от положения вещей во всем мире не только с точки зрения коэффициентов брачности, рождаемости и смертности, но прежде всего в плане уровня жизни. Европейцы в основной массе своей, по сравнению с народами других стран, были богаче, имели лучшие жилища, одежду, обстановку, предметы домашнего обихода, более разнообразную пищу. Эти характерные черты европейского образа жизни, столь очевидные для современников, как правило, недоучитыва-

лись в более поздних исследованиях экономического развития; все, что было до промышленной революции, характеризовалось обобщенными терминами типа «сельскохозяйственный», «крестьянский», «малоразвитый», и для Европы XVIII века не делалось исключений.

Возможно, что уникальность европейского уровня жизни и коэффициентов смертности уходит в прошлое не далее XVII века (исключая некоторое ограниченное число районов). Но если европейские коэффициенты смертности были столь же высоки, как и в других странах мира, могли ли быть более низкими коэффициенты рождаемости? А если европейские коэффициенты рождаемости до XVII века были такими же высокими, как и везде, не означает ли это, что европейские женщины должны были вступать в брак в молодых возрастах, подобно женщинам других стран с высокой рождаемостью? Этот существенно важный и неясный вопрос следует разбить на составляющие и рассматривать его путем тщательного изучения взаимосвязей между коэффициентами брачности, рождаемости и смертности. Даже связь типов брачности и общих коэффициентов рождаемости отнюдь не столь очевидна, как это часто предполагается, и вовсе не независима от смертности.

Изучение происхождения европейского типа брачности неизбежно затрагивает фундаментальные проблемы экономической и социальной истории. Это объясняется не только наличием рассмотренных нами связей между браками, рожденьями и смертями. Существуют также связи иного характера. Брачный союз в общем (по определению) требует установления экономической основы для жизни супружеской пары и их детей. Совокупность действий, необходимых в том или ином конкретном обществе для установления такой основы, должна быть согласована с типом брачности: эти действия будут формировать тип брачности, который в свою очередь будет оказывать на них воздействие. Мужчины и женщины, не состоящие в браке, должны каким-то образом присоединяться к домохозяйствам, либо формировать свои, независимые. Таким образом, структура и размер домохозяйств, а также темпы формирования новых и распадаения старых домохозяйств будут зависеть от типа брачности. Для обществ, где домохозяйства представляют собой основную единицу экономического производства, а также и потребления, сказанное озна-

чает, что тип брачности весьма тесно связан с функционированием экономики в целом. Эмоциональная сущность брака, взаимоотношения между супружеской четой и остальными родственниками, методы выбора или распределения брачных партнеров — все это и многое другое не может не быть различными в обществах где невеста — обычно 16-летняя девушка или где она, как правило, 24-летняя женщина. Сказанное, быть может, и очевидно, но эти вопросы не были достаточно исследованы, по крайней мере в истории народов, составивших население современной Европы. Полное объяснение происхождения европейских образцов брачности, вероятно, требует рассмотрения таких вопросов, как развитие капитализма и протестантская этика.

Экономическая система влияет на тип брачности через совокупность действий, необходимых для установления экономической основы жизни супружеской пары и их детей. Столь же справедливо и то, что тип брачности оказывает воздействие на экономическую систему. Уже упоминался традиционный довод, что поздний брак сдерживает рост населения, однако следует рассмотреть и другие возможные пути воздействия. При европейском типе брачности индивидуума со времени наступления зрелости и до момента вступления в брак отделяет период продолжительностью в несколько лет; для европейских женщин, по сравнению с женщинами других стран мира, этот период особенно велик. Это период, когда человек может работать с максимальной отдачей, не будучи обремененным заботами о детях; период, когда легко делать сбережения. Такие сбережения (в частности, путем накопления предметов домашнего обихода в ходе подготовки к браку) в состоянии изменить спрос на те товары, которые (в отличие от пищи и т. п.) требуются не только для поддержания существования. Помимо всего прочего сам факт увеличения рабочей силы за счет большого числа взрослых женщин, свободных от всего, связанного с рождением или воспитанием детей, давал значительное преимущество европейской экономике XVIII века. Не помогает ли учет всех этих воздействий, имеющих чисто европейский характер, объяснить, как создавался своеобразный фундамент, на котором в дальнейшем было возведено здание нынешней европейской экономики?

Если поздний брак способствует благосостоянию, то

и благосостояние может аналогичным образом содействовать позднему браку. Как отмечалось авторами XVIII века (в частности, Кантильоном), люди вступают в брак поздно, поскольку они рассматривают в качестве необходимого предварительного условия достижение некоторого уровня жизни (конкретно определяемого социальным положением индивидуума). Иными словами, мужчины женятся поздно, поскольку они не в состоянии «позволить» себе ранний брак; они вынуждены ждать, пока не приобретут средства к существованию (фермер — пока не получит землю, подмастерье — пока не станет мастером и т. д.).

Очень хотелось бы рассматривать это обстоятельство как ключ к пониманию уникального характера европейского типа брачности. В Европе для мужчины считалось необходимым откладывать брак, пока он не мог обеспечить средства к существованию семьи; в других обществах молодая супружеская чета обычно включалась в состав более крупной экономической единицы, такой, как сложная семья (joint family)²⁴. Это, вероятно, легче достижимо и не требует столь долгого откладывания брака. Подобный путь рассуждений представляется более убедительным, если эта крупная экономическая единица такова, что дополнительная рабочая сила воспринимается как род имущества. Система крупных владений с большими домохозяйствами (как в Восточной Европе), таким образом, может благоприятствовать неевропейскому типу брачности, тогда как небольшие наделы, занимаемые одной семьей и передаваемые единственному наследнику, способствуют возникновению европейского типа брачности. Если это рассуждение состоятельно, то характерная особенность европейского типа брачности может быть отнесена за счет европейской корневой семьи (stem family). (Термин «корневая семья» был предложен Лепле для определения такого типа семейной организации, при котором земельный участок переходит одному наследнику, а остальные сыновья расходятся из

²⁴ Юный герцог де Ларошфуко, чьи записки о поездке в Англию мы уже цитировали, отмечает: «Возможно, другая причина этого (т. е. поздних браков в Англии) заключается в обычае начинать жить своим домом сразу же после свадьбы. Молодая чета никогда не остается с родителями, и супруги должны быть достаточно благоразумны, чтобы избежать невоздержанности как в поведении, так и в расходах».

родительского дома.) Это объяснение позволяет нам представить себе ту силу, которая, возможно, способствовала развитию европейского типа брачности, если он еще не существовал в средние века. Если мужчине приходилось ждать, пока он сможет вступить во владение землей, то можно предположить, что более поздняя смерть прежнего владельца как следствие общего снижения смертности способствовала повышению возраста вступления в брак. Имело ли место в действительности снижение смертности на протяжении соответствующего периода — факт спорный (это снижение могло произойти и до XVIII века), но это, безусловно, гипотеза, заслуживающая изучения.

Связь между смертью владельца земли и ролью наличия участка для образования новой семьи представляется, однако, скорее косвенной. В условиях смертности, характерных для средних веков, отцы часто умирали, когда их дети были еще очень юными; необходимо было принимать некоторые временные меры, пока сын не вступал в возраст, достаточный для наследования. Даже если отец доживал до старости, это не означало, что молодая семья не могла вступить во владение участком до его смерти. Хоманс в своей книге, посвященной Англии XIII века, описывает немало случаев, когда отец передавал землю сыну еще при жизни, давая тем самым последнему возможность вступить в брак. Он упоминает также случаи, когда отец при жизни делил участок между двумя сыновьями, когда некий человек передавал участок не своему сыну, а другому человеку и т. д. Чтобы понять, каким образом правило, гласящее, что мужчина должен обладать землей до вступления в брак, воздействовало на частоту заключения браков и возраст вступления в брак, нам следует знать частоту использования различных способов передачи земельных участков. Как долго мужчинам приходилось ждать землю, необходимую для образования новой семьи, могло определяться не столько уровнем смертности, сколько социальными условиями. Вовсе не представляется очевидным, по крайней мере априори, каким образом действовало правило относительно того, что мужчина до вступления в брак должен был иметь средства к существованию, и как оно вызывало наблюдавшееся откладывание браков. Даже если мы уясним, каким образом определялся возраст вступления в брак мужчин в

этот период, по-прежнему будет неясно, что обусловливало возраст вступления в брак женщин. Характерная особенность европейского типа брачности скорее связана с поздним возрастом вступления в брак женщин, нежели мужчин (нередко наблюдалось сравнительно небольшое различие возрастов мужа и жены).

Рамки настоящей статьи препятствуют дальнейшим рассуждениям о причинах или следствиях европейского типа брачности. Наиболее заслуживающим внимания в этом плане представляется факт существования этого типа. Названное обстоятельство следует учитывать само по себе, вне связи с попытками объяснить его. Было показано, что 1) четко выраженный европейский тип брачности можно с достаточной достоверностью проследить начиная с XVII века для всех слоев населения; 2) первоначально этот тип наблюдался в нескольких группах высших слоев общества XVII века из числа доступных для изучения и что ни в одной из этих групп до XVI века тип брачности не был европейским; 3) немногочисленные разрозненные свидетельства времен средневековья, а также отрывочные данные эпохи древнего мира говорят о наличии неевропейского типа.

По крайней мере некоторая часть рассмотренных данных, возможно, интерпретирована нами неверно. Не имея опыта в обращении с источниками, относящимися к давним историческим периодам, и не представляя себе их происхождения, легко допустить известные ошибки. При попытке охватить столь большой объем различных материалов некоторым из них может быть уделено недостаточное внимание. Даже если отдельные данные получили правильную трактовку, это не решает проблемы, связанной с тем, как далеко можно заходить с обобщениями, сделанными на основе изолированных демографических фактов. Это — основная проблема большей части исследований по исторической демографии. Хочется сделать выводы относительно демографии больших групп. Термины, в которых задаются вопросы (например, различие между европейским и неевропейским типами брачности) основаны на современной статистической системе целых стран, но исторические данные зачастую относятся к небольшим группам населения (например, одна деревня). В какой степени обоснованы выводы для более крупных групп населения на основе таких данных? В какой мере статистические данные для той

или иной конкретной группы могут не соответствовать данным для всего населения (часть которого составляет эта группа), если даже отвлечься от колебаний, связанных с выборкой? Подвержены ли данные систематической ошибке, поскольку они не относятся к закрытому населению? (Последнее обстоятельство несколько раз рассматривалось в настоящей статье, особенно когда речь шла о городах.)

Несмотря на эти и прочие трудности, перспективы на получение новой важной информации о происхождении и распространении европейского типа брачности представляются хорошими. Различие между европейским и неевропейским типами достаточно велико, так что для его выявления не требуется очень точного измерительного инструментария. Видимо, существует большое количество материалов XVII и даже XVI веков. Приходские книги представляют собой богатые копи информации, ждущие своего старателя. Если в средние века тип брачности в Европе был совершенно «неевропейским», то следы перехода должны быть обнаружены в старых приходских книгах. Даже в отношении средних веков есть надежда на то, что некоторые типы документов (например, манориальные книги), должным образом изученные, могут дать полезную информацию. Если темпы выхода в свет работ по вопросам исторической статистики останутся теми же, что и теперь, и если исследователи, занятые этими проблемами, будут внимательно следить за всеми публикациями данных о браке, то тайна происхождения европейского типа брачности будет разгадана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aleati G. La popolazione di Pavia durante il dominio spagnolo. Università degli studi di Pavia. Istituto di Statistica. Pubblicazione N. 1, Milan, 1957.
2. Ashton T. S. An Economic History of England; The eighteenth century. London, 1955.
3. Backman G. Die beschleunigte Entwicklung der Jugend. Acta Anatomica (Basel), Vol. 4 (1947—1948), p. 421—428.
4. Barclay G. W. Colonial Development and Population in Taiwan. Princeton, New Jersey, 1954.
5. Beltrami D. Storia della popolazione di Venezia dalla fine del secolo XVI alla caduta della repubblica. Padova, 1954.
6. Bickel W. Bevölkerungsgeschichte und Bevölkerungspolitik der Schweiz seit dem Ausgang des Mittelalters. Zürich, 1947.
7. Bourgeois-Pichat J. Evolution de la population fran-

çaise depuis le dix-huitième siècle. *Population*, vol. 6 (1951), p. 635—662.

8. Braithwaite L., Roberts G. W. A gross mating table for a West Indian population. *Population Studies*, vol. 14, N 3 (1961), p. 198—217.

9. Bücher K. Die Frauenfrage im Mittelalter. 2nd ed Tübingen, 1910.

10. Buomberger F. Bevölkerungs- und Vermögensstatistik in der Stadt und Landschaft Freiburg (im Uechtland) um die Mitte des 15. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Schweizerische Statistik*, vol. 36 (1900), p. 205—254.

11. Chambers J. D. The Vale of Trent 1670—1800. *Economic History Review Supplement*, N 3, 1957.

12. Coale A., Hoover E. M. Population growth and economic development in low-income countries: a case of India's prospects. Princeton, 1958.

13. Gonnell K. H. The population of Ireland 1750—1845. Oxford, Clarendon Press, 1950.

14. Csoscsán J. Három Pest megyei falu népesedése a XVIII század második felében. *Történelmi Statisztikai Közlemények*, vol. 3, N. 1—2 (Budapest 1959), p. 58—107.

15. Daszynska S. Zürichs Bevölkerung im XVII Jahrhundert. *Zeitschrift für Schwetzerische Statistik*, vol. 25 (1889), p. 369—415.

16. Davenant Ch. An essay upon the probable methods of making the people gainers in the balance of trade. London, 1699.

17. De Meo G. Alcune carattistiche demografiche di Bari nel 1753. *Rivista italiana di statistica, economia e finanza*, vol. VI (1934), p. 342—350.

18. Deparcieux A. Essai sur les probabilités de la durée de la vie humaine. Paris, 1746.

19. Diepgen L. Statistisches über Fürstenehen 1500—1900. *Archiv für Hygiene*, vol. 120 (1938), p. 193—194.

20. Durand J. D. Mortality estimates from Roman tombstone inscriptions. *American Journal of Sociology*, vol. 64 N 4 (1960), p. 365—373.

21. Faipoult de Maisoncelle G. Mémoire Statistique du département de l'Escaut. Paris, Imprimerie Nationale An XIII (1805). Reprint — Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent, Verhandelingen X, Gent, 1960.

22. Fourastié J. De la vie traditionnelle à la vie tertiaire. *Population*, vol. 14, N. 3 (1959), p. 417—432.

23. Gautier É., Henry L. La population de Crulai, Paroisse Normande. Institut National d'Études Démographiques. *Travaux et Documents*, Cahier N 33, Paris, 1958.

24. Gille H. The demographic history of the Northern European countries in the eighteenth century. *Population Studies*, vol. 3, N 1, (1949), p. 3—65.

25. Girard P. Aperçus de la démographie de Sotteville-lès-Rouen vers la fin du XVIII^e siècle. *Population*, vol. 14, N 3 (1959), p. 485—508.

26. Glass D. V. Gregory King and the population of England and Wales at the end of seventeenth century. *Eugenics Review*, vol. 38, N 1 (1946), p. 170—183.

27. Glass D. V. Gregory King's estimate of the population of England and Wales, 1695. *Population Studies*, vol. 3, N 4 (1950), p. 338—374.

28. Hajnal J. The marriage boom. *Population Index*, vol. 19, N 2 (1953), p. 80—101.
29. Hajnal J. Age at marriage and proportions marrying. *Population Studies*, vol. 7, N 2 (1953), p. 111—136.
30. Hallam H. E. Some thirteenth century censuses. *The Economic History Review*, Second Series, vol. X, N 3, (1958), p. 340—361.
31. Harkness A. G. Age at marriage and at death in the Roman Empire. *Transactions of the American Philological Association*, vol. 37 (1896), p. 35—72.
32. Hart C. W. M., Pilling A. R. *The Tiwi of North Australia*. New York, 1960.
33. Henry L. *Anciennes Familles Gènevoises*. Institut National d'Études Démographiques, Cahier N 26, Paris, 1956.
34. Henry L. La mortalité d'après les inscriptions funéraires. *Population*, vol. 12, N 1 (1957), p. 149—152.
35. Henry L. L'âge au décès d'après les inscriptions funéraires. *Population*, vol. 14, N 2 (1959), p. 327—328.
36. Henry L., Levy C. Ducs et pairs sous l'ancien régime. *Population*, vol. 15, N 5 (1960).
37. Hollingsworth T. H. A demographic study of the British Ducal families. *Population Studies*, vol. XI, N 1 (1957), p. 4—26.
38. Homans G. C. *English Villagers of the Thirteenth Century*. Cambridge (Mass.), 1942.
39. Hombert M., Préaux C. Recherches sur le recensement dans l'Égypte romaine. *Papyrologica Lugduno-Batava*, vol. V, Leyden, 1952.
40. Iceland, Statistical Bureau. *Manntalid 1703 (Population Census 1703)*, Hagskyrslur Islands (Statistics of Iceland), II, 21. Reykjavik, 1960.
41. Inman A. H. *Domesday and feudal statistics*. London, 1900.
42. Jain S. P. Life Tables — 1951 Census. *Census of India, Paper N 2*, New Delhi, 1959.
43. Katz J. Family, kinship and marriage among Ashkenazim in the sixteenth to eighteenth centuries. *The Jewish Journal of Sociology*, vol. 1, N 1 (1959), p. 3—22.
44. King G. Natural and political observations and conclusions upon the state and condition of England 1696. In: Chalmers G. *An estimate of the comparative strength of Great Britain and of the losses of her trade from every war since the revolution*. New ed. London, 1802.
45. Kovasics J. (Ed.) *A történeti statisztika forrasai*. Hungarian Central Statistical Office. Budapest, 1957.
46. Kuczynski R. R. *The measurement of population growth*. London, 1935.
47. Landry A. Quelques aperçus concernant la dépopulation dans l'antiquité gréco-romaine. *Revue Historique*, vol. 61 (1936), p. 1—33.
48. Laplace P. S. *A philosophical essay on probabilities*. New York, 1951. Русский перевод: Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.
49. Macdonell W. R. On the expectation of life in Ancient Rome. *Biometrika*, vol. 9 (1913), p. 366—380.
50. Mackeprang E. P. Et Brudstykke af en Folketelling fra 1645. *NationalØkonomisk Tidsskrift*, Series III, vol. 15, N 3 (1907), p. 248—270.

51. Messance. Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen et de quelques provinces et villes du Royaume. Paris, 1766.
52. Moheau. Recherches et considérations sur la population de la France, 1778. Modern edition by René Gonnard, Paris, 1912.
53. Mols R. Introduction à la démographie des villes d'Europe du XIV^e siècle au XVII^e siècle. 3 vols. Louvain, 1954—1956.
54. Mombergt P. Bevölkerungslehre. Grundrisse zum Studium der Nationalökonomie, Band 15. Jena, 1929.
55. Morrel C. C. Tudor Marriages and Infantile Mortality. *Journal of State Medicine*, vol. 43 (1935), p. 173—181.
56. Mortara G. Le unioni conjugali libere nell'America Latina. Università di Roma, Istituto di Demographia. Roma, 1961.
57. Muret J. S. Mémoires sur l'état de la population dans le pays de Vaud. Yverdon, 1766.
58. Van Nierop L. De bruidegoms van Amsterdam. *Tijdschrift voor Geschiedenis*, vol. 48 (1933), p. 337—357; vol. 49 (1934), p. 136—160 and 329—344; vol. 52 (1937), p. 144—163 and 251—264.
59. Peller S. Zur Kenntnis der städtischen Mortalität im 18. Jahrhundert. *Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten*, vol. 90 (1920), p. 227—262.
60. Peller S. Studies on mortality since the Renaissance. *Bulletin of the History of Medicine*, vol. 13 (1943), p. 439—461; vol. 16 (1944), p. 362—381; vol. 21 (1947), p. 51—101.
61. Pirenne H. Les dénombrements de la population à Ypres au XIV^e siècle. *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, vol. 1 (1903), p. 1—32.
62. Power E. The position of women. In: *The Legacy of the Middle Ages*. Ed. by C. G. Grump and E. F. Jacob. Oxford, 1926.
63. Power E. *Medieval English nunneries, c. 1275—1535*. Cambridge, 1922.
64. Roller O. K. Die Einwohnerzahl der Stadt Durlach im 18. Jahrhundert in ihren wirtschaftlichen und kulturgeschichtlichen Verhältnissen dargestellt aus ihren Stammtafeln. Karlsruhe, 1907.
65. Rümelin E. Heiratsalter und Fruchtbarkeit der Ehen und ihre Entwicklung seit 1500. *Württemb. Jahrb. für Stat. und Landeskunde*, 1923—1924, S. 11—13 (опубликовано в 1926 г.).
66. Russel J. C. *The clerical population of medieval England. Traditio* (New York), vol. II, p. 177—212 (1944).
67. Russel J. C. *British Medieval Population*. Albuquerque, N. Mex., 1948.
68. Russel J. C. Late Ancient and Medieval Population. *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 48, Part 3, 1958.
69. Schnyder W. Die Bevölkerung der Stadt und Landschaft Zürich von 14. bis 17. Jahrhundert. *Schweizer Studien zur Geschichtswissenschaft*, vol. 14, Fasc. I. Zürich, 1926.
70. Sonnabend E. H. Il fattore demografico nell'organizzazione sociale dei Bantu. Rome, 1935.
71. Stolnitz G. J. A century of international mortality trends. Part II. *Population Studies*, vol. 10, N 1, p. 17—42.
72. Stone L. Marriage among the English nobility in the 16th and 17th centuries. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 3, N 2 (1961), p. 182—215.

73. Struyck N. Nadere ontdeckingen noopens den staat van't menschelijk geslagt. Amsterdam, 1753.

74. Süßmilch J. P. Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts. 3 vols. 4th ed. Berlin, 1775.

75. Taeuber I. B. Population Growth in a Chinese Microcosm: Taiwan. *Population Index.*, vol. 27, N. 2 (1961), p. 101—126.

76. Taeuber I. B., Taeuber K. E. The fertility of the Chinese in North East China. In: International Population Conference, Vienna, 1959, p. 348—354.

77. Tawney R. H. The agrarian problem in the sixteenth century. London, 1912.

78. United Nations, Department of Social Affairs, Population Branch. Age and Sex Patterns of Mortality. Model life tables for under-developed countries. *Population Studies*, N 22, New York, 1955.

79. Westermarck E. The history of human marriage. Vol. I. Fifth edition, London, 1925.

Энсли Дж. Коул

СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В ЕВРОПЕ СО ВРЕМЕН ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ansley J. Coale. The decline of fertility in Europe from the French Revolution to World War II. In: Fertility and family planning. A world view. S. J. Behrman, Leslie Corsa, Jr. and Ronald Freedman, Editors. Ann Arbor, The University of Michigan press, 1969.

На протяжении последних двух столетий, по сути дела, во всех регионах Европы наблюдалось существенное снижение смертности (увеличение средней продолжительности жизни) и значительное уменьшение рождаемости (снижение среднего числа детей, рожденных женщиной в течение детородного периода). Широко известные обобщения типичных изменений, происходивших с населением в процессе индустриализации или модернизации — так называемый демографический переход — основаны в большой степени на опыте стран Европы. Однако, как это ни удивительно, до сих пор не существовало систематических сравнений и сопоставлений статистических материалов о различных европейских населенных пунктах, позволяющих с документальной точностью судить об этих изменениях и дающих основания для их объяснения. Чтобы восполнить этот пробел, нами был предпринят комплекс исследований в Принстонском университете. Нам предстояло зафиксировать снижение рождаемости в каждой из областей Европы со времени, когда брачная рождаемость там была в значительной степени постоянной, и до времени, когда она достигла минимума, или же, если процесс снижения еще не закончился, то до момента проведения исследования. Мы не пытались провести аналогичного систематического исследе-

дования смертности и старались пользоваться данными о смертности только с целью осуществления косвенной оценки числа рождений там, где их регистрация была неудовлетворительной, или же в качестве переменной, объясняющей изменения рождаемости.

Во всех областях Европы, за весьма небольшим исключением, к настоящему времени произошло значительное снижение брачной рождаемости, как правило, на 50% или более. Это снижение в разных местах происходило в разные сроки и при весьма различных обстоятельствах. Поскольку демографические данные для Европы отличаются полнотой и точностью, то, по нашему мнению, Европа представляет собой уникальную статистическую лабораторию для исследования условий, в которых население предпринимает добровольные меры по ограничению рождаемости.

Стремясь нарисовать общую картину падения рождаемости в Европе, я неизбежно должен оставаться в рамках нашего исследовательского проекта, буду основываться на фактически собранных пока что данных и ограничусь, по сути дела, полученными до сих пор предварительными выводами. Сказанное, к сожалению, означает, что немалая часть сообщаемых мною сведений будет предварительной и неполной, поскольку работа, на которой они основаны, выполнена, возможно, всего лишь наполовину.

ИЗМЕРИТЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ

В качестве основных измерителей уровней и трендов рождаемости в Европе нами были приняты четыре индекса рождаемости.

1. Индекс общей рождаемости (I_f), указывающий, в какой степени женщины некоторого конкретного населения приближаются к тому числу рождений, которого они могли бы достигнуть, если бы они все характеризовались максимальными показателями рождаемости, достоверно зафиксированными для населения достаточно большой численности, — возрастными коэффициентами брачной рождаемости гуттеритов. Гуттериты — это религиозная секта, члены которой, в настоящее время проживающие в Северной Америке, в течение длительного времени скрупулезно придерживались ряда специальных

правил, среди которых был запрет на применение контрацепции в какой бы то ни было форме. Почти столь же высокие, как и у этой группы, возрастные коэффициенты рождаемости характерны для состоящего в браке населения Французской Канады с XVIII до начала XX века, но в большинстве других известных случаев они ниже. Формально I_f определяется следующим образом:

$$I_f = \frac{B}{\sum w_i F_i},$$

где B — общее число рождений в рассматриваемом населении за данный год (или среднее годовое число за небольшое количество лет);

w_i — число женщин в каждом пятилетнем возрастном интервале от 15 до 50 лет;

F_i — брачная рождаемость гуттеритов в каждом возрастном интервале.

Среднее число детей, рожденных на протяжении всей жизни группой женщин, вступивших в брак в возрасте 15 лет, и характеризующихся коэффициентами рождаемости гуттеритов, составило бы 12,6.

2. Индекс брачной рождаемости (I_g), указывающий, в какой степени число детей, рожденных в браке замужними женщинами, приближается к числу детей, которых они родили бы, если бы характеризовались возрастными коэффициентами рождаемости гуттеритов.

$$I_g = \frac{B_L}{\sum m_i F_i},$$

где B_L — среднее годовое число брачных рождений;

m_i — число замужних женщин в 5-летнем возрастном интервале.

3. Индекс рождаемости незамужних женщин (I_h), указывающий, в какой степени рождаемость незамужних женщин приближается к брачной рождаемости гуттеритов.

$$I_h = \frac{B_I}{\sum u_i F_i},$$

где B_I — среднее годовое число внебрачных рождений;

u_i — число незамужних женщин в i -м возрастном интервале.

4. Индекс доли состоящих в браке среди женщин в детородных возрастах (I_m), указывающий, в какой степени брачное состояние способствует достижению мак-

сумма потенциальной рождаемости рассматриваемого населения. Он показывает отношение числа рождений, которые имели бы место, если бы замужние женщины характеризовались рождаемостью гуттеритов, к числу рождений всех женщин, как состоящих, так и не состоящих в браке, если бы они характеризовались указанной рождаемостью.

$$I_m = \frac{\sum m_i F_i}{\sum w_i F_i} \cdot$$

Между этими показателями существует важная взаимосвязь, а именно: $I_j = I_m \cdot I_g + (1 - I_m) I_h$. Когда, как это характерно для Европы, I_h не превышает 3—4%, названная взаимосвязь, по сути дела, упрощается: $I_j = I_m I_g$. Таким образом, в населенных, где внебрачная рождаемость составляет пренебрежимо малую долю от общего числа рождений, индекс общей рождаемости — это произведение индекса доли женщин, состоящих в браке, и индекса брачной рождаемости.

Построение индексов рождаемости (I_j , I_g и I_h) представляет собой разновидность косвенной стандартизации по возрасту в пределах репродуктивного периода жизни женщины, поскольку возрастное распределение женщин одинаково и в числителе, и в знаменателе. Числитель — число фактических рождений женщин рассматриваемого населения — равен сумме произведений числа женщин в каждом возрастном интервале на фактический коэффициент рождаемости для этого интервала; знаменатель — сумма произведений числа женщин в каждом из возрастных интервалов на рождаемость гуттеритов в этом интервале. Еще более существенно то, что стандартизация по возрасту, полученная таким образом, требует минимума демографических данных: фактическое среднегодовое число всех рождений, брачных рождений и внебрачных рождений, а также распределение женщин в возрастах от 15 до 50 лет по возрасту и брачному состоянию.

Индекс доли женщин, состоящих в браке, требует для своего построения только данных о числе женщин в каждом пятилетнем возрастном интервале, распределенных по брачному состоянию. Индекс доли состоящих в браке имеет ту особенность, что больший вес придается брачному состоянию в более плодородных возрастах, иными словами, существенное влияние на индекс оказы-

вает доля состоящих в браке в возрастах 20—24 года, а доля женщин в возрастах 45—49 лет влияет в незначительной степени. Этот индекс можно переписать следующим образом:

$$I_m = \frac{\sum \omega_i F_i \cdot \frac{m_i}{\omega_i}}{\sum \omega_i \cdot F_i},$$

т. е. как взвешенную среднюю долей состоящих в браке в каждом возрастном интервале, где веса ($\omega_i F_i$) — число рождений, которые имели бы место в каждом возрастном интервале при возрастных коэффициентах брачной рождаемости гуттеритов у всех женщин.

Число рождений в каждом интервале зависит от возрастного распределения женщин в возрастах между 15 и 49 годами, а также от набора возрастных коэффициентов рождаемости гуттеритов. Это обстоятельство означает, что у населений с высокой рождаемостью, для которых обычно характерно постепенное убывание доли возрастных групп от младших к старшим, доле состоящих в браке в возрастах 15—19 лет и 20—24 года придается больший вес, чем у населений с низкой рождаемостью, в которых доля состоящих в браке в этих возрастах обычно невелика. Таким образом, даже если оба населения имеют одинаковые доли состоящих в браке в каждом возрастном интервале, то население с более высокой рождаемостью будет иметь тенденцию к меньшей величине I_m . Когда выяснилось наличие вероятности того, что это свойство I_m может привести к ошибочным заключениям, мы воспользовались альтернативным показателем I'_m :

$$I'_m = \frac{\sum F_i \cdot \frac{m_i}{\omega_i}}{\sum F_i},$$

который независим от возрастного распределения. Впрочем, I_m и I'_m редко различаются настолько, чтобы это могло повлиять на выводы. Мы сохраним I_m как основную меру доли женщин, состоящих в браке, ввиду тех преимуществ, которые дает тождество

$$I_f = I_g \cdot I_m + (1 - I_m) I_h.$$

ИСХОДНАЯ ГИПОТЕЗА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИРОДЫ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ЕВРОПЕ

В качестве одной из причин разработки и применения приведенных индексов рождаемости нужно назвать то обстоятельство, что уже на ранних этапах планирования нашего исследования о снижении рождаемости в Европе мы уяснили наличие следующей ситуации: еще до сколь-либо широкого распространения среди брачных пар внутрисемейного регулирования рождаемости на большей части территории Европы возник тип брачности, который обусловил снижение рождаемости до уровня, значительно меньшего, чем в любом другом районе мира. Иными словами, для большей части Европы XVIII и начала XIX веков были свойственны низкие значения I_m . Джон Хаджнал в ряде своих статей привлек внимание исследователей к этому специфическому типу брачности [1], распространение которого означало, что величина I_1 (а также и другие меры общей рождаемости) для населения большинства стран Европы снизилась благодаря тому, что можно назвать мальтузианским методом — «мальтузианским», поскольку воздержание от вступления в брак, которое Мальтус рассматривал как моральное ограничение, было тем самым методом снижения рождаемости, который он пропагандировал.

Далее, в рамках нашей предварительной гипотезы мы предполагали, что все состоящее в браке европейское население в некоторый период времени в не очень отдаленном прошлом характеризовалось «естественной рождаемостью». «Естественная рождаемость» — термин, предложенный Луи Анри в качестве более реалистичного антонима «контролируемой рождаемости», чем существовавший до этого термин «биологический максимум рождаемости». Естественная рождаемость означает отсутствие какого-либо определенного типа сознательно контролируемой рождаемости. «Можно сказать, что контроль имеет место, если поведение брачной пары определяется числом уже рожденных детей, и видоизменяется, когда это число достигает максимума, который пара не желает превышать; сюда не относятся запреты, касающиеся лактации, которые не зависят от числа уже рожденных детей» [2]. Можно предположить, что естественная рождаемость брачных пар в разных населенных раз-

лично ввиду несходства таких факторов, как степень и продолжительность кормления грудью, обычаи, связанные с воздержанием, средняя частота сношений, здоровье (особенно те обстоятельства, которые могут вызывать спонтанное прерывание беременности), генетически predeterminedенные различия в стерильности и плодовитости и т. д. Могут наблюдаться также колебания показателя I_g на протяжении некоторых периодов времени в населении, которое не практикует контроля рождаемости в том смысле, как это понимает Л. Анри, ввиду изменений некоторых из перечисленных факторов, например средней продолжительности срока кормления грудью. Мы ожидали также значительных колебаний величины I_f в населении, где отсутствует сознательный контроль рождаемости брачных пар, ввиду изменений величины I_m и, возможно, частоты внебрачных рождений.

Хотя воздействия малых величин I_m и малых величин I_g на I_f эквивалентны, различия значений I_m у разных населений в некоторый данный период времени и колебания значений I_m на протяжении некоторого времени в том же самом населении отражают различные влияния социальных условий или изменения мотивации, которые лежат в основе обращения к добровольному контролю рождаемости в различных местах или в разные периоды времени. Когда контроль рождаемости только начинает практиковаться супружескими парами, рождаемость сначала обычно снижается у женщин с большим числом рожденных детей и у женщин старше 35—40 лет. Эта тенденция ясно показывает, что сознательный контроль рождаемости обычно прежде всего применяется, чтобы избежать рождения детей сверх того числа, которое желает иметь супружеская пара. Мотив добровольного ограничения может косвенно обнаруживаться в характере изменения рождаемости в зависимости от возраста. С другой стороны, представляется весьма сомнительным, что если пара заключает брак, когда невесте не 25 лет, а 26 лет, то это делается с целью снижения числа детей, которое они собираются иметь, на одного ребенка. Более правдоподобно предположить, что пары откладывают заключение брака, поскольку они еще не располагают ресурсами, традиционно считающимися необходимыми для брачного союза в системе западноевропейской традиции корневой семьи. Будущие супруги могут полагать, что необходимо обзавестись собственным домом или по

крайней мере своей квартирой, прежде чем вступить в брак. Подобное откладывание брака может привести к существенному снижению рождаемости, не будучи, однако, мотивированным стремлением к такому снижению. В тяжелые времена — неурожай, военное поражение и т. п. — коэффициент брачности может резко снизиться, а средний возраст вступления в брак увеличиться не потому, что пары ощущают возможность позволить себе иметь меньшее число детей в долгосрочной перспективе, а потому, что они видят невозможность краткосрочных затрат на заключение брака в ближайшем будущем с учетом, разумеется, немедленного наступления беременности. В противоположность этому в населении, практикующем сознательный контроль рождаемости, лица, ощущающие, что они могут позволить себе иметь лишь определенное число детей, снижают по достижении этого числа свою рождаемость (в идеале до нулевой), и связь между мотивацией и внутрисемейным регулированием рождаемости представляется прямой и очевидной.

Согласно нашей предварительной гипотезе на протяжении последних двух столетий в различные для разных населений Европы периоды времени в каждой из более чем 700 областей Европы стала наблюдаться практика сознательного регулирования рождаемости в браке, что вызвало значительное снижение величины I_g . Благодаря работам более ранних демографов мы можем предположить, что на большей части территории Европы население прибегало в качестве первоначального способа внутрисемейного регулирования рождаемости к прерванному сношению. К числу необходимых условий для развития эффективного контроля рождаемости с применением этого способа относятся, во-первых, знание этого метода, который, безусловно, должен быть известен ряду лиц в каждом обществе и к тому же достаточно очевиден, чтобы к нему можно было прийти самостоятельно, хотя в известной степени его использование большим числом супружеских пар могло быть ускорено благодаря распространению информации от пар, успешно пользующихся этим методом, к парам, неосведомленным о нем; во-вторых, внутреннее отношение как к половому акту, так и к воспроизводству, которое позволяет (т. е. санкционирует) подобную модификацию поведения; в-третьих, сильное желание, разделяемое и женщиной, избежать последующей беременности и родов, так

как эффективность этого метода может быть обеспечена только при наличии значительной самодисциплины.

При возникновении обстоятельств, вызывающих подобного рода поведение, формируется (согласно предварительной гипотезе) тенденция к распространению внутрисемейного регулирования рождаемости среди населения. Поскольку меры такого регулирования оказывают воздействие на рождаемость в первую очередь женщин в поздних детородных периодах и с наибольшим числом детей и лишь затем на женщин до 30 лет с небольшим числом рожденных детей, то в качестве самого чувствительного показателя контроля брачной рождаемости следует рассматривать снижение возрастных коэффициентов рождаемости у женщин старше 30 лет. Однако наличие зафиксированных возрастных коэффициентов — редкое явление, и мы вынуждены находиться в зависимости от того факта, что названное снижение должно быть очевидным в любом населении с точной статистикой рождаемости, если снижается I_g . Снижение брачной рождаемости представляет собой характерную форму снижения, ожидаемую в ходе демографического перехода, т. е. в процессе модернизации.

Разделение эффектов воздействия на уровень рождаемости типа брачности и применения контрацепции с помощью индексов доли состоящих в браке и брачной рождаемости способствует внесению ясности в сравнения как различных районов между собой, так и различных периодов времени в пределах одного и того же района. Различия значений I_m могут быть результатом существенных социальных различий. Например, различия в системе наследования способны оказать воздействие на отношения внутри семьи, не вызывая прямой ассоциации с числом детей, которое желает иметь супружеская пара, или изменений в ее отношении к рамкам допустимого поведения. Мы знаем, что регулирование брачной рождаемости развивалось как в населенных, характеризующихся поздними браками и значительной долей женщин, не вступивших в брак, так и в населенных с фактически всеобщей брачностью и ранним средним возрастом вступления в брак. Низкие значения I_m в Западной Европе, по всей очевидности, установились на одно-два столетия ранее, чем там произошло снижение брачной рождаемости. Но в некоторых странах Восточной Европы значения I_m до сих пор остаются высокими.

Так, коэффициент рождаемости в Англии 1870 г. был ниже, чем любой из зафиксированных в Венгрии до периода после 1910 г. Однако брачная рождаемость этих двух населений начала снижаться примерно в одно время и почти одинаковыми темпами. Более высокий коэффициент рождаемости в Венгрии объясняется существенно большей долей вступающих в брак.

УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОЙ ГИПОТЕЗЫ

Результаты наших исследований по состоянию на настоящий момент показали (как и можно было ожидать) чрезмерную упрощенность нашей исходной схемы рассуждений. Схема предполагает, что в каждой области на протяжении периода «естественной рождаемости», предшествовавшего снижению I_g , существовал уровень постоянного в основном его значения; затем по мере распространения внутрисемейного регулирования рождаемости началось длительное и непрерывное снижение, составившее в итоге приблизительно 50%. Действительно, такого рода модель была довольно распространенной, и даже некоторые исключения (например, когда величина I_g , как предполагается, повышается перед введением контроля рождаемости) должны, по сути дела, быть отнесены за счет неправильных данных; иными словами, имеются основания полагать, что кажущееся увеличение есть в действительности результат более полной регистрации рождений. Однако существуют бесспорные указания на то, что так называемая естественная рождаемость не представляет собой столь четко определенного понятия и что отсутствие внутрисемейного регулирования рождаемости никогда не было настолько повсеместным, как это предполагает предварительная схема наших рассуждений. Прежде всего диапазон колебаний значения I_g в различных частях Европы до начала систематического снижения рождаемости был весьма значительным — от 0,65 до 1,00. Попытки объяснить различия такого порядка за счет несходства обычаев, связанных с кормлением грудью, оказались безуспешными; непохоже также, что их с легкостью можно отнести и за счет различий в состоянии здоровья, поскольку некоторые группы с максимальным уровнем рождаемости встречались в бедных губерниях России, где детская смертность была чрезвычайно высокой, средний доход,

как можно предположить, очень низким, а условия жизни плохими. Нельзя не согласиться и с объяснением причины обнаруженной Кноделем и Ван де Валле сильной корреляции между детской смертностью и брачной рождаемостью в районах Германии, где лишь немногие женщины сами кормили детей грудью: сексуальное поведение сознательно подвергалось изменениям таким образом, что уменьшалась вероятность зачатия в период, следующий за рождением живого ребенка [3].

Действительно, имеется множество указаний как прямых, так и косвенных относительно того, что сознательное внутрисемейное регулирование рождаемости в каких-то формах подспудно существует в населенных, где еще не наблюдается постоянного и интенсивного снижения рождаемости; таким образом, открывается возможность наличия группы лиц постоянной численности, которые в течение длительного периода времени практикуют ту или иную форму сознательного внутрисемейного регулирования рождаемости. Основываясь на анализе генеалогий правящих семейств Женевы и французской знати, демографы французского Национального института демографических исследований пришли к выводу, что в этих группах в XVII веке существовало довольно явно выраженное регулирование брачной рождаемости [4], а анализ данных приходских книг Колитона (Восточный Девоншир), проведенный сотрудниками Кембриджской группы истории населения и социальной структуры, показал, что вне всякого сомнения население Колитона во второй половине XVII века практиковало сознательное внутрисемейное регулирование рождаемости, степень интенсивности которого впоследствии снизилась [5]. И наконец, участник нашего исследовательского проекта профессор Массимо Ливи-Баччи из Флоренции обнаружил убедительное, если не сказать бесспорное, доказательство наличия снижения рождаемости в Испании на 10—12% за период с конца XVIII века приблизительно по 1860 г. Это снижение (на него указывают возрастные распределения, зафиксированные в переписях 1787 и 1797 гг., которые могут быть объяснены с демографической точки зрения только при условии высокой рождаемости, преобладавшей до переписей 1860 и 1887 гг.) происходило, насколько можно судить, довольно плавно и не было началом того резкого и устойчивого снижения, которое мы в ходе своих исследований зафиксировали

почти для всех областей Европы. Короче говоря, мы уже не столь уверены, как это было в начале исследований, что плато значений I_g , которое мы считали типичным для периода, предшествовавшего снижению, представляется идеально ровным, или что «естественная рождаемость» в Европе (т. е. наличие пренебрежимо малой доли прибегающих к контрацепции или абортам с целью ограничения размера семьи) была действительно повсеместной настолько, насколько утверждала наша предварительная гипотеза.

Тем не менее общая картина, характеризующая типичную рождаемость европейских населений, достаточно однородна, а именно: на фоне различных ситуаций и тенденций брачности почти у всех европейских населений наблюдалось отклонение от в основном постоянного или лишь незначительно колеблющегося уровня брачной рождаемости (составлявшего 65—100% уровня брачной рождаемости гуттеритов) в сторону устойчивого снижения, сопровождавшееся все более активным применением средств сознательного внутрисемейного регулирования рождаемости. Такое положение вещей прекрасно проиллюстрировано на рис. 1, где нанесены кривые общего коэффициента рождаемости населения Тускании (Италия) за период 1819—1959 гг. и средних значений общих коэффициентов брачности за 10 лет, предшествовавших каждой дате. Заметим, что общий коэффициент рождаемости колебался в диапазоне порядка 25% от его максимального значения в период от 1819 до приблизительно 1880 г. Однако наблюдались также и крайние колебания коэффициента брачности. Мы не располагаем данными о брачном состоянии населения Тускании по возрасту и не можем вычислить I_m , но доля населения, которую составляли женщины в течение первых десяти лет их замужества, адекватно представлена средней величиной коэффициента брачности за предыдущие 10 лет. Поскольку средний возраст вступления в брак для женщин в Тускании приблизительно 25 лет, подавляющее большинство рождений приходится на первые 10 лет брака. Если бы брачная рождаемость была постоянной, можно было бы ожидать, что колебания коэффициента рождаемости будут вполне соответствовать колебаниям среднего коэффициента брачности за предшествующие 10 лет. Следует обратить внимание на то, что эти две кривые почти совпадают вплоть до 1875 или

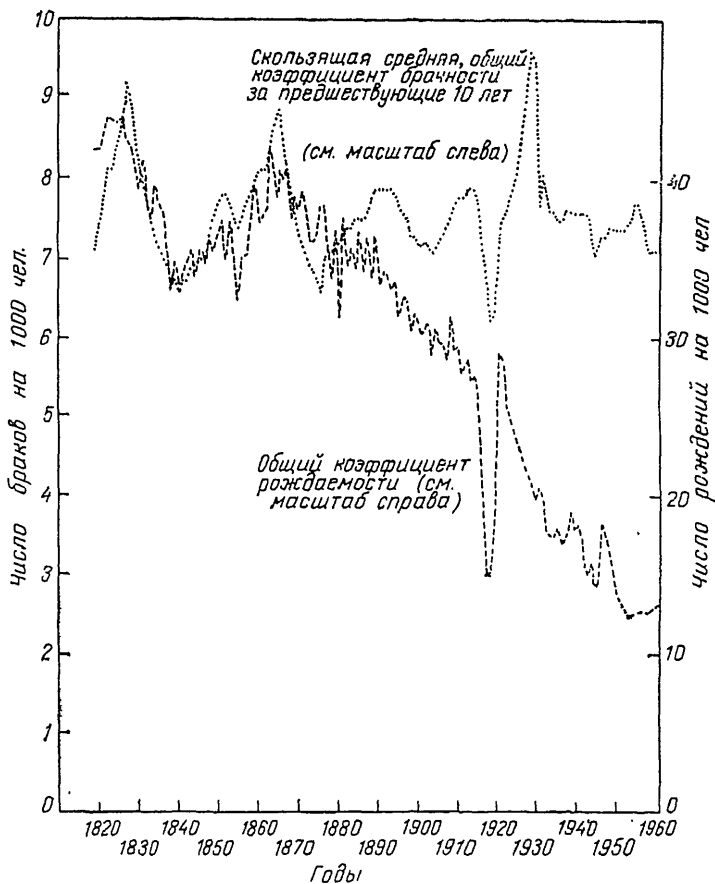


Рис. 1. Тоскания. Число рождений на 1000 человек, среднее число браков на 1000 человек за предшествующие 10 лет, 1819—1959 гг.

1880 г., после чего колебания коэффициента брачности удерживаются на уровне горизонтальной средней, а коэффициент рождаемости падает все ниже. Представляется очевидным, что если бы мы располагали данными для вычисления наших индексов, то I_f и I_m изменялись бы одинаково (при почти постоянном I_g) до последней четверти XIX века, после чего последовало бы устойчивое и довольно быстрое снижение величины I_g .

РЕЗУЛЬТАТЫ

Я намерен построить изложение полученных нами выводов исследования о снижении рождаемости в Европе, базируясь на трех географических картах, отражающих индексы общей рождаемости, брачной рождаемости и доли лиц, состоящих в браке в 1900 г., по областям всех стран Европы, за исключением нескольких Балканских государств (карты здесь не приводятся. — *Примеч. ред.*).

Рассмотрим сначала карту, отражающую значения индекса доли лиц, состоящих в браке. Выбор предложенной Джоном Хаджналом линии «Ленинград — Триест»*, видимо, хорошо подтверждается, если принять величину I_m , равную 0,55, как границу между европейским и неевропейским типами брачности и если не учитывать некоторые районы Западной Европы, где эта величина выше. Высокие доли состоящих в браке во Франции, очевидно, объясняются специфическим характером французской истории рождаемости, в частности ранним началом снижения там брачной рождаемости и низким ее уровнем, достигнутым к концу XIX века. Мы еще вернемся к этому обстоятельству. Довольно своеобразное объяснение причины несходства типа брачности в некоторых районах Испании с европейским типом заключается в наличии мавританского компонента в испанской культурной традиции.

Весьма примечательный характер колебаний величины I_m наблюдается в России¹. Только в четырех губерниях района Прибалтики (Санкт-Петербургская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская)** величина I_m была ниже 0,55 и на карте они представляют собой естественное продолжение типов, свойственных южно-балтийским районам Дании и Германии. Эти губернии охватывают кольцом район, где величина I_m минимальна для неевропейского типа брачности и составляет 0,600—

* См. с. 15 настоящего сборника. — *Примеч. ред.*

¹ Согласно данным переписи 1897 г.

** У автора — Латвия, Литва и Эстония, однако мы сочли более целесообразным привести названия губерний бывшей Российской империи, поскольку итоги переписи населения 1897 г., которыми пользуется автор, относятся именно к этим губерниям, их границы не совпадают в точности с границами Латвии, Литвы и Эстонии. — *Примеч. пер.*

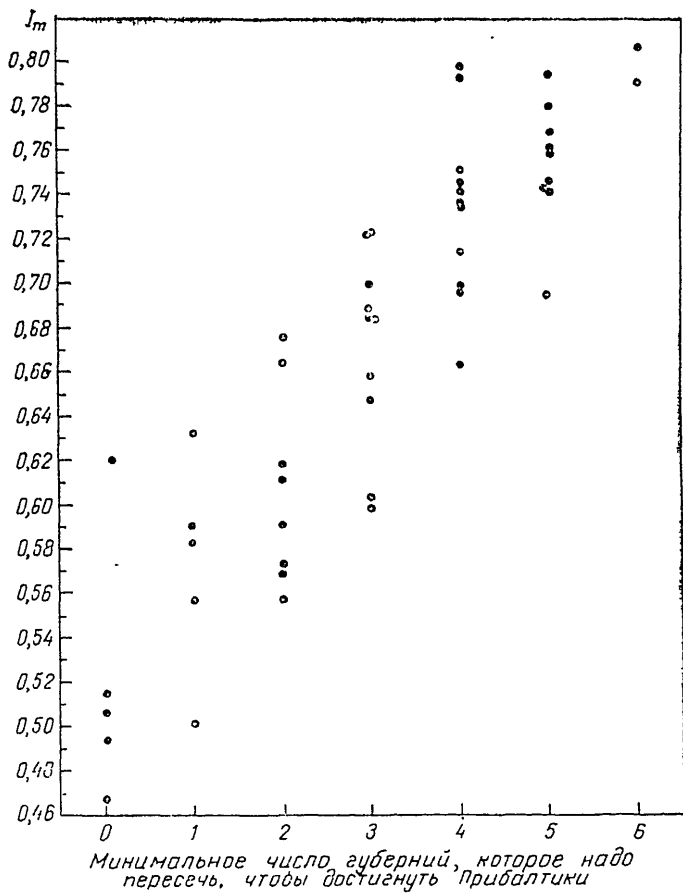


Рис. 2 Индекс доли состоящих в браке и «расстояние» от прибалтийских губерний России, 1897 г.

0,649. Затем более или менее равномерно и в соответствии с увеличением расстояния от Прибалтики величина I_m возрастает и в юго-восточных губерниях превосходит 0,75, т. е. достигает уровня, при котором практически все женщины вступают в брак и средний возраст вступления в брак не выше 20 лет. Укажем для примера, что индекс доли состоящих в браке в Индии приблизительно в то же время равнялся 0,80, и этой величины достигли 5 губерний России, где доля состоящих в браке была наи-

высшей. На рис. 2 эта картина представлена в иной форме. Там даны величины I_m для каждой из губерний европейской части России в 1897 г. в зависимости от числа губерний, которые необходимо пересечь, двигаясь от данной конкретной губернии к прибалтийским. Так, названные четыре прибалтийские губернии имеют показатель расстояния 0, пять граничащих с ними губерний имеют показатель расстояния 1, две губернии, граничащие с этими пятью, — показатель расстояния 2 и т. д. Эта взаимосвязь поразительна, коэффициент корреляции равен 0,91. Трудно удержаться от интерпретации карты состоящих в браке в России и рис. 2 как зафиксированного в определенный момент отражения постепенного распространения по территории России западного типа брачности. К сожалению, трудно, если не невозможно, документировать положение вещей до переписи 1897 г., так как это была первая российская перепись, содержащая необходимые данные для совместной разработки по возрасту и брачному состоянию*. К 1959 г. значения I_m были более однородными, а уровень их — значительно ниже, но интерпретация этих данных затруднительна, если учесть бурную историю России за этот период, в частности, снижение значения I_m к 1959 г. из-за потерь мужчин во время второй мировой войны.

Полярно противоположное положение вещей (т. е. очень низкая доля состоящих в браке) сложилось во второй половине XIX века в Ирландии и послужило объектом многочисленных комментариев. В качестве объяснений указывались последствия голода, наличие специфических законов и обычаев наследования, эмиграция мужчин, соображения религиозного характера. Интересно отметить, что доля состоящих в браке в северо-западной Шотландии и в Уэльсе на побережье Ирландского моря находится в общем на таком же уровне.

Карта, отражающая значения индекса брачной рождаемости в 1900 г., показывает эффект различий величин I_g до начала их постоянного снижения в сочетании со снижением как таковым в тех провинциях, где оно

* Вопросы брачности населения России в конце XIX века и индексы доли состоящих в браке в этот период подробно рассмотрены в книге «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР» (М., «Статистика», 1977). — *Примеч. ред.*

имело место. Читая эту карту, полезно рассматривать величину I_g , равную 0,6, как точку, разделяющую различные уровни низкой рождаемости и различные уровни высокой рождаемости. В самом деле, разумно установить, что при всяком значении показателя брачной рождаемости, составляющем менее чем 60% рождаемости гуттеритов, почти наверняка имеет место некоторая форма внутрисемейного регулирования рождаемости. Однако неверно утверждать обратное: области, где значение I_g до снижения было практически таким же, как и у гуттеритов, могли характеризоваться очень высокими темпами снижения рождаемости и все же не достигнуть к 1900 г. величины 0,6.

Мы с удивлением обнаружили, что отличия брачной рождаемости в пределах всего 10% коэффициента рождаемости гуттеритов наблюдались в ряде областей: три — в России, две — в Германии и две — в Нидерландах. (В 1870 г. значениями I_g выше 0,9 характеризовались две провинции в Германии, две — в Нидерландах и две — в Бельгии.) Следует отметить несколько географических особенностей, на которые указывает эта карта. Прежде всего обнаруживается достаточно явно выраженная общая тенденция, согласно которой уровни рождаемости в соседствующих провинциях не очень отличаются. Иными словами, наблюдается высокая степень взаимосвязи. Области с величиной I_g выше 0,6 в Скандинавии соединяются через Финляндию с российскими губерниями, где I_g превышает 0,6 повсюду, кроме трех прибалтийских губерний, а через Польшу и Пруссию — с Австрией, северо-восточной Италией, Швейцарией, южной и западной Германией, Голландией и районами Бельгии. Изолированная провинция с более низким значением I_g в Австрии включает Вену; когда будет составлена карта с брачной рождаемостью сельского населения, она продемонстрирует, что величина I_g здесь значительно выше 0,6. Чрезвычайно низкая рождаемость во Франции не вызывает удивления, а тот факт, что самая низкая брачная рождаемость для Испании наблюдается в Каталонии, а также наличие полосы низкой рождаемости, протянувшейся от французской границы вниз, в Италию, могут быть отчасти результатом воздействия французской культуры. Некоторые примеры низкой рождаемости в 1900 г. вызывают удивление. Весьма впечатляет тот уро-

вень, до которого упала брачная рождаемость в отдельных департаментах Франции: в некоторых из них величина I_g в 1900 г. ниже, чем в Германии в 1933 г. Неожиданными представляются низкие уровни брачной рождаемости в Южной Испании и в районах Италии, расположенных на Апеннинском полуострове. Возможно, наибольшее удивление вызывает величина I_g ниже 0,4 в чисто сельской области Крашшо-Сёрени на юге Венгрии. По сути дела, показатель общей рождаемости (I_f) для этой области был самым низким для всей Венгрии, исключая область, в состав которой входит Будапешт, — и это несмотря на то обстоятельство, что величина I_m в Крашшо-Сёрени в основном совпадала с общеввропейской и что рождаемость у незамужних женщин там составляла 21% брачной рождаемости гуттеритов — максимальный показатель внебрачной рождаемости в Венгрии, иными словами, несмотря на высокую долю состоящих в браке и на то, что внебрачная рождаемость равнялась $\frac{2}{3}$ рождаемости у замужних женщин. Заметим, что доля областей с низкой брачной рождаемостью в Венгрии в 1900 г. примерно соответствует данным для Англии и Уэльса. Несколько меньшее удивление вызывает тот факт, что рождаемость в Санкт-Петербургской и в двух прибалтийских губерниях была ниже, чем в любой из провинций Финляндии или Восточной Пруссии. Еще одно заключительное замечание относительно географического типа. Можно выделить, с большей или меньшей основательностью средиземноморский тип низкой рождаемости (часть Италии, Франция, разумеется, Каталония и юг Испании), балтийский тип низкой рождаемости (Россия и Швеция) и атлантический тип умеренно высокой рождаемости (Норвегия, Северная Шотландия, Ирландия, Бретань и Атлантическое побережье Иберии).

Карта, отражающая значения показателя общей рождаемости, в первую очередь демонстрирует совокупный эффект брачности и брачной рождаемости. Области Восточной Европы, особенно в России, где соединены высокие значения обоих показателей, имеют уровень общей рождаемости, значительно больший, чем где-либо на Западе. Ввиду того, что районы Франции с низкой брачной рождаемостью наряду с этим характеризовались высокими значениями I_m и области Западной Европы, имевшие максимальную брачную рождаемость, характеризо-

вались низкими долями состоящих в браке, существует общая тенденция к большей однородности значений I_f на западе в целом, чем в любой из стран, входящих в состав этого региона.

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ

Поскольку процесс сбора данных далек от завершения, а расчеты индексов, с учетом поправок на неполноту сведений о рождениях, завершены еще в меньшей степени, я не в состоянии приступить так, как мне этого хотелось бы, к детальному описанию периода, когда западный тип брачности, вызвавший низкие значения I_m , сформировался в каждой из областей и когда в каждой из них начался процесс снижения брачной рождаемости. По сути дела, эти вопросы выходят за пределы нашего исследовательского проекта, так как данные о брачном состоянии в тот период, когда началось снижение значений I_m , для большинства населений просто не существовали.

В качестве довольно разочарывающей замены детального описания тенденций рождаемости я представляю ряд значений I_m и I_g , вычисленных для нескольких пред-

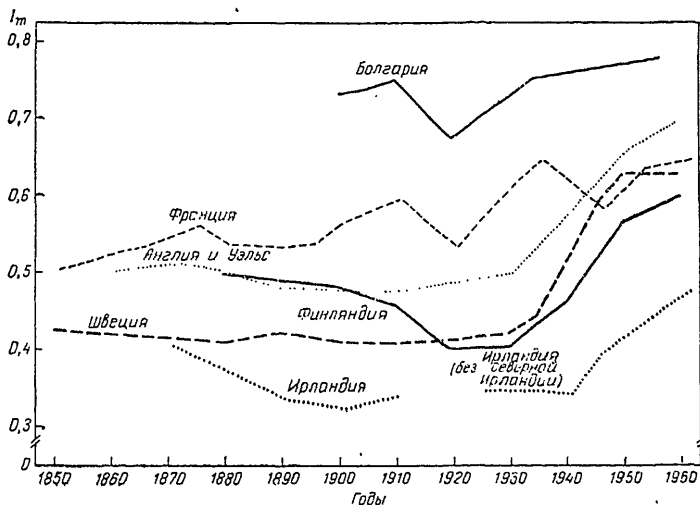


Рис. 3. Индекс доли лиц, состоящих в браке (I_m), некоторые страны Европы, 1850—1960 гг.

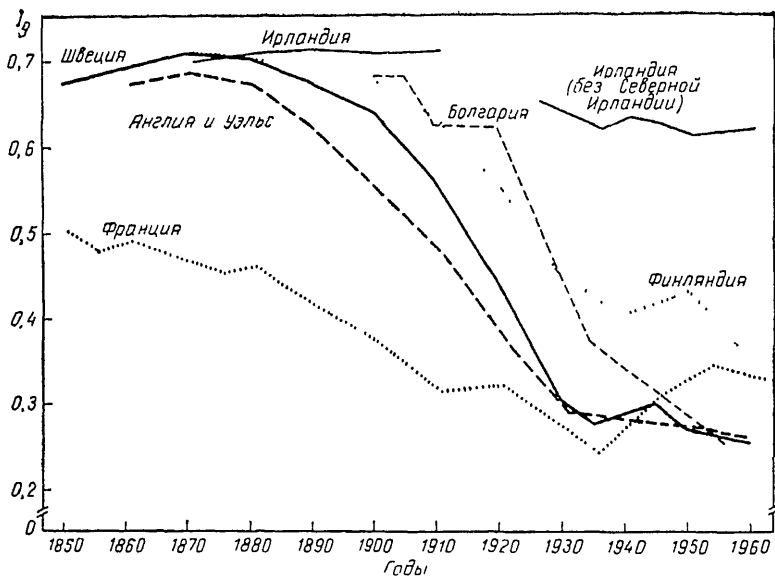


Рис. 4. Индекс брачной рождаемости (I_g), некоторые страны Европы, 1850—1960 гг.

ставляющих интерес европейских стран за период с некоторого момента в XIX веке до 1960 г. Эти страны — Франция, Швеция, Англия и Уэльс, Ирландия, Финляндия и Болгария. Вычисленные значения I_m даны на рис. 3, значения I_g — на рис. 4. Ряд значений I_m для Англии и Швеции иллюстрирует тип, общий для многих западноевропейских населений (особенно для Шотландии и Норвегии). Этот тип отличается значительным постоянством величин I_m с любого момента в XIX веке до 30-х годов XX века, когда началось продолжавшееся до 1960 г. заметное увеличение доли состоящих в браке. Поскольку мы ограничили себя периодом со времени французской революции до второй мировой войны, я не буду рассматривать широко известный подъем брачности во многих из этих стран после второй мировой войны. Удивляет рост значений I_m , зафиксированный в некоторых странах в 30-е годы (как, например, в Швеции и Франции). Болгария характеризуется очень высокими значениями показателя доли состоящих в браке, которые резко снижались во время первой и второй мировых войн, как пока-

зали послевоенные переписи, и сразу же повышались, как показывали последующие переписи, из чего ясно видно, что нормальная для Болгарии доля состоящих в браке не подвергалась воздействию обычаев позднего брака и воздержания от вступления в брак, свойственных западному типу. В первой финской переписи, содержащей совместную разработку по возрасту и брачному состоянию (1880 г.), индекс доли состоящих в браке был около 0,5, что близко к максимуму для западноевропейского типа и по крайней мере выше, чем в других северных странах. К 1910 г. величина этого показателя снизилась, а к 1930 г. стала ниже шведского уровня. В 30-е годы, а также в послевоенный период Финляндия, подобно другим странам с низким значением I_m , переживала «брачный бум». Менее надежные сведения указывают на то, что в XVIII веке доля состоящих в браке в Финляндии, возможно, была близка к уровню, характерному для неевропейского типа брачности. Демографические данные для Финляндии вплоть до 1880 г. отражают возрастной состав населения и распределение по брачному состоянию, но без сочетания с возрастом. Доля замужних женщин по отношению к общему числу женщин в возрастах старше 20 лет снизилась с более чем 65% в 1751 г. до почти 58% в 1880 г., хотя изменения возрастной структуры населения, состоящего в браке, которых можно было бы ожидать ввиду зафиксированного снижения рождаемости и смертности, могли увеличить долю состоящих в браке в возрастах старше 50 лет. В таком случае мы можем предположить, что в период с середины XVIII до середины XIX века и далее, в XX веке, Финляндия находилась в состоянии перехода к западноевропейскому типу брачности, который к концу XIX века все еще распространялся по территории России. Снижение величины I_m в Ирландии, по-видимому, началось с уровня, не очень отличающегося от характерного для Англии и Уэльса, но в конечном итоге значения индекса упали до самых низких из зафиксированных для населения какой-либо страны. Послевоенный «брачный бум» коснулся Ирландии лишь в незначительной степени.

Индекс доли состоящих в браке для Франции представляет особый интерес, поскольку он демонстрирует общую тенденцию к повышению начиная с 1850 г. Эта тенденция ослабела к концу XIX века и нарушилась после первой мировой войны, но к 1936 г. I_m был на 15 пунк-

тов выше, чем в середине предыдущего столетия. Если исключить воздействия последствий войны, то в целом подъем был вполне устойчивым начиная с 1890 г.

Предварительная оценка этих данных привела меня к выводу о том, что рост доли состоящих в браке во Франции представлял собой более или менее непосредственное следствие регулирования рождаемости в браке, к которому Франция пришла существенно раньше других стран. Величина I_g составляла менее 0,4 еще до начала XX века. Недавний рост брачной рождаемости в других западных странах произошел вскоре после того, как их брачная рождаемость упала ниже 0,4. Однако похоже, что всякая элементарная гипотеза относительно европейской рождаемости сталкивается с препятствиями или по крайней мере с ограничениями. Значения I_m также увеличились с середины прошлого века в Бельгии и Голландии и в меньшей степени в Дании, т. е. в районах, где существенное снижение величины I_g произошло намного позже, чем во Франции.

Существует дополнительное доказательство в пользу предположения о наличии причинной связи между достижением весьма эффективного регулирования брачной рождаемости и увеличением доли состоящих в браке. К 1870 г. в нескольких французских департаментах брачная рождаемость снизилась до 0,4, а по меньшей мере в одном (Ло-э-Гаронн) — до 0,3. Доли состоящих в браке в этих департаментах составляли в основном более 0,65, а в Ло-э-Гаронн — более 0,7. На рис. 5 показана связь I_g и I_m' (индекс доли состоящих в браке, не зависящий от возрастного распределения).

ОБЩИЙ ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ

В рамках различий общей рождаемости, вызванных в основном неодинаковым отношением к браку, отношению, источники которого слишком отдалены во времени, чтобы существовала возможность их достоверной статистической документации, и уж, безусловно, лежат за пределами рассматриваемого нами периода, практически во всей Европе установилась система внутрисемейного регулирования рождаемости, эффективность которой оказалась достаточной для того, чтобы снизить брачную рождаемость по крайней мере на 50%. Исключения составляют Ирландия, некоторые области Испании

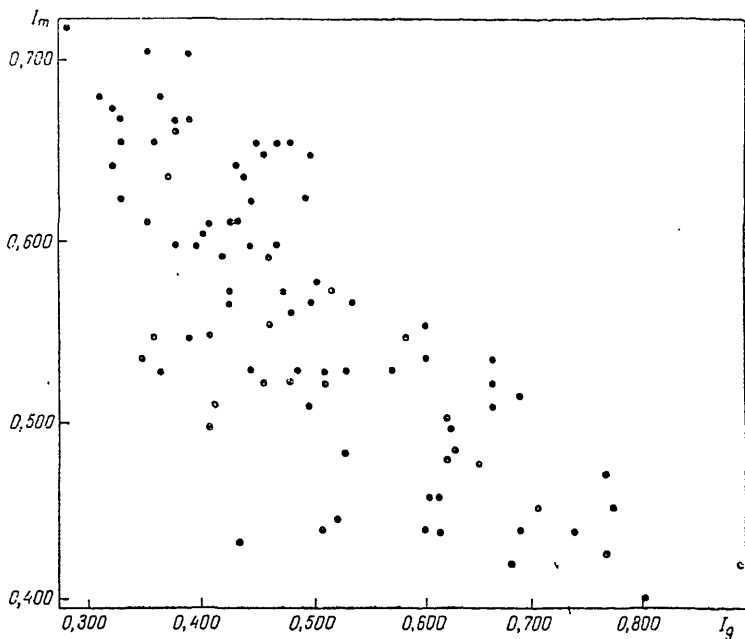


Рис. 5. Корреляция между I_g и I'_m , департаменты Франции, 1866 г.

и Португалии, Албания и одна-две области Югославии. Если смотреть по состоянию на начало второй мировой войны, то список районов, где брачная рождаемость не снизилась до 50%, значительно увеличится и будет включать некоторые районы Италии, большее число областей Испании и Португалии, больше районов России и дополнительные районы на Балканах. Указанное снижение началось во Франции, где в нескольких департаментах рождаемость снижалась уже к концу XVIII века. Пока что кроме Франции мы не в состоянии указать с достаточной определенностью какое-либо место (исключая Женеву), где бы снижение началось до середины XIX века. К 1900 г. процесс снижения брачной рождаемости, безусловно, имел место в Скандинавии, Великобритании, Германии, Италии, Испании, Австрии, Швейцарии, Голландии, Бельгии и Венгрии, а к началу первой мировой войны — в Болгарии, Румынии, Польше и России. Существует более явно выраженная параллель, нежели мы

предполагали, между тенденциями в Восточной и Западной Европе, несмотря на отставание темпов снижения брачной рождаемости на востоке. Возможно, этот параллелизм оказался незамеченным отчасти ввиду стабильно более высоких долей состоящих в браке к востоку от линии, указанной Хаджналом, которые означали, что показатели общей рождаемости в любой данный момент времени для Восточной Европы были на более высоком уровне до тех пор, пока в период после второй мировой войны процесс снижения рождаемости в некоторых восточных странах не достиг такого уровня, что их показатели общей рождаемости стали самыми низкими в Европе (особенно на фоне одновременного увеличения значений I_m на Западе).

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

В 1965 г. я составил следующий список факторов, обычно приводимых демографами в качестве объяснений процесса снижения брачной рождаемости [6].

«1. Снижение смертности. Когда выживает большее число детей, требуется меньше рождений, чтобы достигнуть желаемого размера семьи.

2. Увеличение расходов и уменьшение преимуществ экономического характера, связанных с наличием детей, в промышленно развитых странах. В сельских семьях дети помогают по хозяйству в раннем возрасте и оказывают родителям помощь в старости; в городах дети оказывают меньше помощи и требуют больших расходов, особенно после введения всеобщего начального образования и запрещения детского труда (и то, и другое — характерные особенности промышленно развитых стран).

3. Повышение роли женщины. Распространение действия системы образования на женщин, предоставление им избирательных прав и возможностей занимать те должности, которые раньше были мужской привилегией — это объективные показатели расширения возможностей и повышения роли женщины. Поскольку тяготы беременности, родов и воспитания детей ложатся на женщину, повышение ее роли способствует распространению контроля рождаемости.

4. Изменения и различия в сфере религии. Первоначальное снижение брачной рождаемости во Франции по

сравнению с Испанией и Италией, с одной стороны, и Англией и Скандинавией — с другой, объяснялось тем фактом, что Италия и Испания находятся под прямым воздействием Ватикана, а протестанты достаточно добровольно придерживаются правил своей религии, тогда как Франция отошла, хотя и не откололась, от католицизма. Достаточно уникальное сохранение высокого уровня брачной рождаемости в Ирландии после 1900 г. также относилось за счет особенностей исповедуемой там религии.

5. Распространение рациональных, светских взглядов. Такого рода точка зрения поощряла сознательный контроль рождаемости и считалась неотъемлемой частью процессов индустриализации и модернизации, а также характерной чертой революционной и предреволюционной Франции».

Далее я продолжал: «Можно подыскать примеры, иллюстрирующие воздействие каждого из этих факторов, однако существует едва ли не большее число исключений и примеров, подтверждающих обратное. Любая страна сегодняшнего мира, где не менее 45% рабочей силы занято в добывающей промышленности, где минимум 90% детей школьного возраста посещают начальную школу и где не менее 50% населения живет в городах, характеризуется значительным снижением рождаемости. Но во Франции снижение рождаемости началось прежде, чем там был достигнут хотя бы один из этих пунктов, а Англия достигла их практически полностью, прежде чем там вообще начался процесс снижения брачной рождаемости.

Рождаемость снижается в Испании, Болгарии и других странах юга и востока Европы, где смертность долго оставалась высокой; во многих странах рождаемость одинаково давно и интенсивно начала снижаться как в сельской местности, так и в городах; в одних странах процесс промышленного развития значительно опередил снижение брачной рождаемости, а в других интенсивное снижение рождаемости предшествовало активной индустриализации. Католики в США и Нидерландах характеризуются более высокой рождаемостью, чем протестанты, однако рождаемость некоторых других населений, исповедующих католицизм (например, в Северной Италии) не выше, чем где-либо в мире.

В Европе (по-видимому, повсеместно) процесс снижения рождаемости совпадал с повышением грамотности населения, но начало процесса не связано сколько-нибудь достоверно с долей грамотных в тот период времени.

Снижение рождаемости, очевидно, представляет собой достаточно универсальную характерную черту развития современных нерелигиозных обществ, но переход к этому процессу и его распространение пока что еще не могут быть объяснены с помощью простой, всесторонне обоснованной модели или обобщающего описания.

Два года спустя два участника нашего исследовательского проекта изучили показатели доли лиц, состоящих в браке, общей рождаемости, детской смертности, урбанизации, промышленного развития и грамотности во многих европейских странах в период начала снижения брачной рождаемости и пришли к следующему выводу [7]: «Диапазоны значений каждого из показателей весьма широки, так что, по-видимому, в статистических документах стран Европы вряд ли содержатся данные, подтверждающие наличие связи между началом снижения рождаемости и каким бы то ни было уровнем, или порогом, экономического и социального развития».

Следует отметить, что мы все еще заняты сбором данных и составлением документации истории рождаемости как таковой с целью осуществления в дальнейшем более кропотливого исследования, нежели то, что было основано на материалах отдельных стран. Возможно, благодаря интуиции или счастливой случайности будет достигнуто особо важное обобщение, которое представит нам сжатое и в то же время всесторонне обоснованное объяснение снижения брачной рождаемости в Европе. Но в настоящее время мы видим, что рассматриваемый процесс оказался более сложным, тонким и многообразным, чем предполагалось; только оптимист все еще будет ожидать простого ответа на вопрос о причинах снижения рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hajnal J. European marriage patterns in perspective. In: Glass D. V. and Eversley D. E. S., eds Population in History, London, 1965. Перевод статьи печатается в этом сборнике, с 14—70

2. Henry L. Some data on natural fertility. *Eugenics Quarterly*, VIII (1961), p. 81—91.

3. Knodel J. and van de Walle E. Breastfeeding, fertility and infant mortality: an analysis of some early German data. *Population Studies* (forthcoming).

4. Henry L. *Anciennes familles Genevoises*. Paris, 1956; Levy C., Henry L. Ducs et pairs sous l'ancien régime. *Population*, XV, (1960), p. 807—830.

5. Wrigley E. A. Family limitation in pre-industrial England. *The Economic History Review*, Second series, vol. XIX, (1966), p. 82—109.

6. Coale A. J. Factors associated with the development of low fertility: a historic summary. In: United Nations, World Population Conference, 1965, II, p. 205—209.

7. Van de Walle E. and Knodel J. Demographic transition and fertility decline: the European case. Paper presented at the 1967 Conference of the International Union for the Scientific Study of Population, Sydney, Australia.

Кальман Текше

ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Kálmán Tekse. Some fertility patterns in Central and Southern Europe before World War I. Доклад на Международном симпозиуме по проблемам воспроизводства населения. Варна, 1968 г.

1. ВВЕДЕНИЕ

Теория демографического перехода — т. е. обобщение тех демографических изменений, в ходе которых наблюдалось существенное снижение прежде высоких уровней рождаемости и смертности населения, — базируется в основном на европейском опыте, в первую очередь на опыте Западной Европы за последние 100—150 лет. Известно несколько разновидностей этой теории, которые, однако, сводимы к некоторому упрощенному варианту, согласно которому «западный» переход характеризуется тем, что общество с относительно умеренным уровнем рождаемости и смертности, с трудоемким экстенсивным сельским хозяйством, нуклеарной семьей и рождаемостью, регулируемой посредством контроля брачности (в основном за счет откладывания браков), превращается в промышленное общество с развитым индивидуализмом, сравнительно низкой рождаемостью (регулируемой в основном посредством контрацепции) и низкой смертностью. Другой, так называемый «незападный», тип перехода характеризуется тем, что общество с высоким уровнем рождаемости и смертности, с трудоэкономящим интенсивным сельским хозяйством и сложной семьей (в которой, однако, рождаемость подвергается воздействию абортов, детоубийств-

ва* и воздержания) превращается в общество, соответствующее тому, которое складывается к концу перехода западного типа [10]. При рассмотрении как одного, так и другого типов перехода можно выделить период, когда рождаемость, смертность и естественный прирост населения остаются относительно стабильными на протяжении длительного срока, даже если существуют некоторые различия их уровней по регионам, группам населения и т. д., период снижения уровня смертности и увеличения продолжительности человеческой жизни (когда естественный прирост населения начинает значительно увеличиваться) и период необратимого снижения уровня рождаемости (при уменьшении суммарной рождаемости женщин). Наконец, в период после снижения рождаемости, в условиях низких уровней смертности и рождаемости, прирост населения снова становится умеренным. Что касается причин перехода, то, по сути дела, на этот счет существуют только самые общие соображения. В частности, предполагается, что демографический переход представлял собой как бы «реакцию» на социально-экономическое развитие в течение нескольких последних столетий, когда феодальная, аграрная социально-экономическая структура сменилась промышленной, буржуазной. Взаимодействие демографических переменных под влиянием этого развития также сыграло важную роль в осуществлении демографического перехода [3].

Демографический переход в Восточной и Южной Европе (сюда же, исходя из целей настоящей работы, отнесем и некоторые страны Центральной и Восточной Европы) интерпретируется, хотя и недостаточно документированно, прежде всего в свете исследований по материалам стран Западной Европы [3], [12]. Так, переход в Восточной Европе следовал за предшествовавшим ему переходом в некоторых районах Западной и Северной Европы с опозданием на 50—100 лет, что соответствует более позднему началу процесса социально-экономического развития. С другой стороны, согласно некоторым мнениям в значительных частях этого региона снижение

* Детоубийство играло определенную роль в ограничении роста населения, но, строго говоря, его нельзя считать методом контроля рождаемости.— *Примеч. ред.*

уровней рождаемости и смертности началось примерно в одно и то же время, так что в отдельных местах не отмечалось даже краткосрочного существенного увеличения естественного прироста населения. В общем виде предполагается, что в период, предшествовавший снижению рождаемости, ее уровень был в основном достаточно стабилен и значительно превосходил соответствующие показатели для Западной Европы. Рассматривая основные характеристики перехода в регионе, следует связывать происходившие там процессы со вторым типом демографического перехода.

Более детальное исследование перехода, а точнее говоря, процесса снижения рождаемости, демонстрирует, однако, что упомянутая теория может расцениваться лишь как упрощенная модель. Изменения в некоторых странах как Западной, так и Восточной Европы не отвечают в полной мере «западному» или соответственно «незападному» типу перехода. Даже если не учитывать изменения смертности, недавние исследования [2] показали, что например, в некоторых регионах рождаемость нельзя было расценивать как стабильную даже в период, предшествовавший ее снижению, и, напротив, можно предположить, что она в некоторых странах претерпевала существенные изменения. Возможно (в частности, для Испании [8]), что имело место неинтенсивное ее снижение на протяжении многих десятилетий, предшествовавших началу так называемого периода «снижения».

С другой стороны, в некоторых районах Восточной Европы (например, в отдельных областях Венгрии) проявления демографического перехода были настолько своеобразны, что их невозможно объяснить в полной мере исходя из характеристик перехода как западного (контроль рождаемости посредством откладывания браков), так и незападного типа (значительная доля состоящих в браке при строго добровольном регулировании рождаемости). И наконец, в Восточной Европе, рассматриваемой как единое целое (с точки зрения как брачности, так и рождаемости), уже к концу XIX века существовали весьма значительные географические различия уровней рождаемости — от очень высокого, приближающегося к уровню гуттеритов (например, в некоторых губерниях России) до столь низкого уровня брачной рождаемости, который редко можно было наблю-

дать даже в Западной Европе в начале века, исключая Францию, некоторые провинции Бельгии и ряд крупных городов (например, в типично сельской области Венгрии Крашшо-Сёрени [2]). Аналогичным образом теории и интерпретации демографического перехода, или, точнее говоря, факторов и мотивов снижения уровня рождаемости, во многих отношениях не в состоянии должным образом объяснить некоторые из числа недавно выявленных фактов [15]. В ходе работ последних лет Отдела демографических исследований Принстонского университета, как отмечает Э. Дж. Коул, было показано, что «существует более явно выраженная параллель, нежели мы предполагали, между трендами в Восточной и Западной Европе, несмотря на отставание темпов снижения брачной рождаемости на востоке» [2]. Все эти обстоятельства привели к необходимости тщательного исследования истории рождаемости Центральной и Южной Европы XIX века, а также характеристик рождаемости на различных стадиях перехода [1]. Исследования проводились в Демографическом институте ЦСУ ВНР под руководством д-ра Эгона Сабади, они охватывают, по сути дела, историю рождаемости населения Богемии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Сербии до первой мировой войны. По целям, тематике и методам они тесно связаны с работами, проводившимися сотрудниками Отдела демографических исследований Принстонского университета под руководством профессора Э. Дж. Коула, которые охватывали всю Европу [1], [2]. Исследования пока что находятся на предварительном этапе, и на основе полученных материалов можно лишь попытаться обрисовать некоторые характеристики рождаемости в рассматриваемом регионе до начала первой мировой войны. В некоторых областях региона этот период совпал с началом снижения рождаемости, в других областях, однако, это был период, предшествующий снижению рождаемости, без каких-либо признаков начала такого снижения. Наконец, в ряде областей снижение рождаемости началось, видимо, настолько давно, что мы не располагаем на этот счет достоверными статистическими данными. Тем не менее даже предварительные результаты позволяют хотя бы отчасти постигнуть механизм изменения уровней рождаемости в рассматриваемом нами весьма своеобразном регионе Европы,

II. ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДАННЫЕ И ИНДЕКСЫ РОЖДАЕМОСТИ

В основу настоящего исследования были положены материалы переписей населения и статистика естественного движения населения. Оба типа источников для большинства стран региона охватывают длительный период времени. Так, в Богемии и Венгрии переписи населения проводились регулярно с 1869 г., как правило, с десятилетними интервалами; для Болгарии мы располагаем материалами переписей населения с 1881 г., хотя они проводились и не столь регулярно. Что касается Сербии, то там переписи населения (в современном смысле этого термина) восходят к 1890 г. И наконец, первая перепись населения Румынии была осуществлена в 1899 г. На настоящем этапе наших исследований не учитываются те переписи населения, которые проводились до указанных дат и относительно полноты которых мы не располагаем достаточно определенными сведениями (в частности, теоретически полное исчисление населения Румынии 1859—1860 гг., сравнительно частые подсчеты населения Сербии до 1890 г. и переписи населения Венгрии до 1869 г.); они проводились более или менее регулярно, но их результаты не были детально разработаны. Настоящее исследование основано в первую очередь на данных переписей о распределении населения по полу, возрасту и брачному состоянию; широко используются также в принципе все существующие совместные разработки аналогичного характера по различным группам населения (согласно вероисповеданию, национальности, экономическому положению и т. д.). В общем данные для страны в целом имеются практически в каждой переписи, но разработки для отдельных групп населения встречаются редко. В некоторых последующих переписях не осуществлялась даже простейшая совместная разработка, очевидно, потому, что основная цель их проведения состояла в определении точной численности населения и, возможно, распределения по национальному составу (ввиду перемен, вызванных войнами, изменениями национальных границ и фактами значительного движения населения).

Временные ряды данных о естественном движении населения для рассматриваемых стран восходят еще к более позднему времени, хотя в большинстве случаев

первые относительно детализированные статистические разработки были выполнены только в 70-х и 80-х годах XIX века. К началу XX века, однако, как регистрация событий естественного движения населения, так и применявшиеся методы обработки данных сделали такие детальные разработки доступными, что позволяет осуществлять более глубокий анализ демографических явлений. С первого взгляда на публикации данных о естественном движении населения в начале века (например, о рождаемости у брачных когорт Венгрии) становится ясным, что в этот период уровень развития статистики населения стран Центральной и Южной Европы был аналогичен тому, который снова мог быть достигнут лишь несколько десятилетий спустя, после преодоления связанного с войной упадка.

Рассматривая степень достоверности статистики населения, следует помнить, что значительные ошибки могут иметь место с точки зрения как полноты, так и содержания данных. Так, нередки ошибки в данных о возрасте при проведении переписей населения (они менее заметны благодаря 5-летним возрастным группам) или ошибки, вызываемые неполнотой регистрации событий естественного движения населения. Количество абсолютно точной информации, на которой базируются наши исследования, невелико, и в настоящей работе мы должны довольствоваться предварительными оценками, выполненными сотрудниками Отдела демографических исследований Принстонского университета на основе моделей стабильного населения. Эти предварительные оценки указывают на более или менее значительный недоучет живорождений в каждой из стран региона на протяжении последнего десятилетия XIX века (14%, т. е., видимо, максимальный недоучет, в Румынии и около 10% в Сербии). В Богемии и Венгрии недоучет в конце XIX века составил 1—2%, в Венгрии он равнялся почти 3% в 80-е годы и 7% в 70-е годы XIX века, а в Болгарии в последние годы XIX века — приблизительно 8%. Однако по состоянию на начало XX века на большей части территории региона регистрация событий естественного движения населения может рассматриваться как достаточно полная. Делая основные выводы из нашего исследования, по крайней мере на уровне отдельных стран, следует учитывать названные ошибки данных о естественном движении населения.

Для измерения уровня и тенденций рождаемости были использованы индексы рождаемости, предложенные Э. Дж. Коулом[†]. Эти индексы были вычислены нами для тех лет, в которые проводились переписи населения, на основе средних данных статистики естественного движения населения за четырехлетние периоды, середина которых приходилась на годы проведения переписей (таким образом, уменьшалось искажающее воздействие временных колебаний). Исключение составляют только переписи населения Болгарии, Сербии и Богемии 1880 г., когда применение названного метода не представилось возможным отчасти ввиду полного отсутствия данных за период, предшествовавший переписи, а отчасти из-за значительного изменения административного деления страны незадолго до года проведения переписи. В этих случаях были использованы данные за такие четырехлетние периоды, середины которых были максимально близки к дате переписи. Далее представлены даты проведения национальных переписей и периоды, для которых производились расчеты.

Дата проведения переписи населения	Страна	Период, для которого производились расчеты
	Богемия	
31.12 1880 г.		1881—1882 гг.
31.12 1890 г.		1889—1892 гг.
31.12 1900 г.		1899—1902 гг.
31.12 1910 г.		1909—1912 гг.
	Болгария	
1.1 1881 г.		1881—1884 гг.
1.1 1888 г.		1888—1891 гг.
31.12 1900 г.		1901—1904 гг.
31.12 1910 г.		1909—1912 гг.
	Венгрия	
31.12 1880 г.		1879—1882 гг.
31.12 1890 г.		1889—1892 гг.
31.12 1900 г.		1899—1902 гг. [†]
31.12 1910 г.		1909—1912 гг.
	Сербия**	
31.12 1890 г.		1890—1893 гг.
31.12 1895 г.		1894—1897 гг.
31.12 1900 г.		1900—1903 гг.
	Румыния***	
1.12 1899 г.		1899—1901 гг.

[†] За 1899 г. доля внебрачных рождений основана на оценке.

** Данные за 1910 г. отсутствуют.

*** Данные за 1912 г. отсутствуют.

* См. с. 72—75 настоящего сборника. — *Примеч. ред.*

III. БРАЧНАЯ РОЖДАЕМОСТЬ И ЕЕ ТЕНДЕНЦИИ

Согласно широко распространенной точке зрения в период, предшествовавший снижению рождаемости, уровень рождаемости в Восточной Европе был намного выше, чем в Западной Европе [10]. В самом деле, к концу XIX века показатель общей рождаемости I_f в Западной Европе был ниже 0,40, а в странах Центральной Европы (кроме Германии, Австрии, а также Богемии), равно как и в Великобритании и Италии, величина I_f не превышала даже 0,35 [1], [15]. В тот же период времени общая рождаемость на значительной территории Восточной Европы составляла чуть ли не 50% брачной рождаемости гуттеритов. В Венгрии, однако, индекс общей рождаемости колебался между

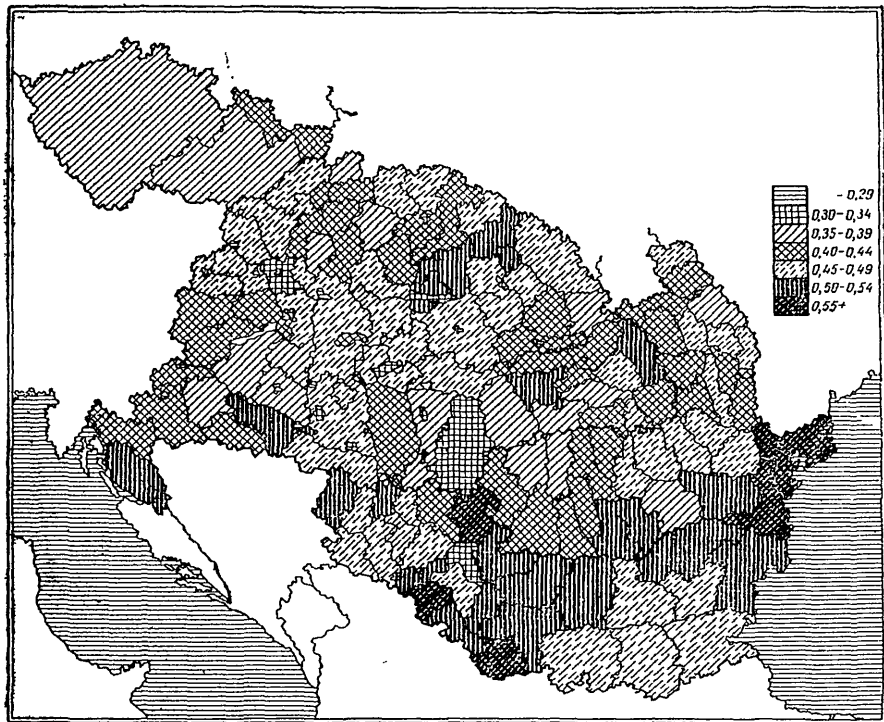
Таблица 1

Индексы общей (I_f), брачной (I_g) и внебрачной (I_h) рождаемости в Центральной и Южной Европе, 1880—1910 гг.

Год	Страна				
	Болгария	Богемия	Венгрия	Румыния	Сербия
I_f					
1880	0,413*	0,391	0,430	—	—
1890	0,478**	0,371	0,446	—	0,487+***
1900	0,504	0,363	0,425	0,446†††	0,468
1910	0,474	0,298	0,393	—	—
I_g					
1880	—	0,709	0,584	—	—
1890	—	0,673	0,581	—	0,616****
1900	0,687	0,605	0,575	0,561***	0,586
1910	0,629	0,489	0,541	—	—
I_h					
1880	—	0,094	0,103	—	—
1890	—	0,094	0,125	—	0,025****
1900	0,008	0,099	0,119	0,142***	0,025
1910	0,012	0,080	0,109	—	—

* 1881 г.
 ** 1888 г.
 *** 1899 г.
 **** 1895 г.

Карта 1. Индекс общей рождаемости (I_f). Области Центральной и Южной Европы, 1900 г.



значениями для Западной и Восточной Европы и едва превышал 0,40 к концу XIX века (см. табл. 1). В Центральной Европе общая рождаемость начала снижаться в начале XX века, сначала (и весьма интенсивно) в Богемии, затем в Венгрии; к 1910 г. величина I_f в этих странах составляла соответственно менее 0,30 и 0,40. В Южной Европе уровень общей рождаемости снижался до начала первой мировой войны, по-видимому, не очень интенсивно; однако в Болгарии и Сербии (а также, возможно, и в Румынии) наблюдалось существенное снижение даже в первом десятилетии XX века. К 1930 г. в этом социально и экономически отсталом районе Европы общая рождаемость населения составляла всего 35% (или менее) брачной рождаемости гуттеритов. На карте 1 представлено региональное распределение значений показателя общей рождаемости за 1900 г.

Даже в ходе современных демографических исследований [16] особо подчеркивается то обстоятельство, что до первой мировой войны одним из наиболее важных компонентов высокой общей рождаемости в Восточной Европе была высокая доля замужних женщин и низкий средний возраст женщин при вступлении в первый брак. Действительно, столь значительные различия не могут быть объяснены за счет уровня рождаемости замужних женщин; по сути дела, в начале XX века в некоторых районах Центральной Европы, а именно в ряде областей Венгрии, рождаемость замужних женщин была ниже, чем в большинстве стран Западной Европы.

Как известно, в период, предшествовавший снижению рождаемости, на уровень рождаемости оказывают воздействие, помимо брачности, еще некоторые факторы, а именно: санитарно-гигиенические условия, местные обычаи, определяющие характер и частоту половых сношений, продолжительность периода кормления грудью и т. д. [2]. Помимо этого, основываясь как на источниках того времени, так и на недавних исследованиях, можно все с большей вероятностью утверждать, что замужние женщины, принадлежавшие к ряду групп населения Восточной Европы (величина и распространенность которых, видимо, менялись с течением времени), с давних пор пользовались некоторыми методами добровольного и сознательного контроля рождаемости (в первую очередь следует отметить аборты, детоубий-

ство и прерванные сношения) [11]. Подобного рода контроль рождаемости мог оказывать существенное воздействие на общий уровень брачной рождаемости в период, предшествовавший ее снижению. Таким образом, для многих стран Центральной и Южной Европы довольно сложно определить тот момент времени, когда можно было говорить о «естественной рождаемости» населения (в том смысле, как это определяет Л. Анри, т. е. о рождаемости населения, не практикующего сознательного контроля ее).

Таблица 2

Скорректированные* значения индексов
брачной рождаемости (I_g) в Центральной и Южной Европе,
1880—1910 гг.

Год	Страна				
	Болгария	Богемия	Венгрия	Румыния	Сербия
1880	—	0,747	0,628	—	—
1890	—	0,694	0,614	—	0,685***
1900	0,715	0,617	0,593	0,652**	0,651
1910	0,629	0,489	0,541	—	—

* С поправкой на недоучет живорождений и при допущении, что недоучет как брачных, так и внебрачных рождений был одинаковым.

** 1899 г.

*** 1895 г.

Из данных ограниченной полноты, приведенных в табл. 2, видно, однако, что в странах Центральной и Южной Европы — исключая, возможно, Венгрию — рождаемость замужних женщин оставалась на относительно постоянном уровне до начала XX века (если не учитывать периоды войн с последующими трудностями экономического характера и периоды эпидемий, что могло вызывать значительные, хотя лишь временные, колебания уровня рождаемости замужних женщин)¹. В

¹ В современных демографических исследованиях годовые колебания числа живорождений часто соотносятся с колебаниями урожая сельскохозяйственных культур в предыдущем году. Представляется естественным, что результаты урожая оказывают непосредственное воздействие прежде всего на брачность, а их воздействие на брачную рождаемость невелико, если оно вообще имеет место.

период, предшествовавший снижению рождаемости, рождаемость замужних женщин составила 75% брачной рождаемости гуттеритов в Богемии, по крайней мере 68% (а возможно, и более 70%) в Сербии, 72% в Болгарии, 63% в Венгрии и не менее 65% в Румынии. Данные для Румынии, а также для Сербии, видимо, даже с поправкой на недоучет событий, связанных с естественным движением населения, следует рассматривать только как минимальные оценки брачной рождаемости. На показатель брачной рождаемости в Румынии могла также оказать значительное воздействие очень высокая доля внебрачных рождений. Дело в том, что, несмотря на весьма ранний средний возраст вступления в первый брак и весьма значительную долю замужних женщин, во многих случаях первый ребенок был рожден до брака, благодаря чему снижалась брачная рождаемость этих матерей, вступавших в брак после рождения ребенка. (Указанное обстоятельство, например, объясняет распределение брачных рождений по порядку рождений. В 1900 г. доля рожденных живыми детей седьмого и более высоких порядков составляла в Румынии только 18%, тогда как та же доля составляла 21% в Венгрии, где уровень рождаемости был значительно ниже.) С другой стороны, не исключено, что некоторые незамужние матери (вероятно, прежде всего в молодом возрасте) при проведении переписи с их слов были зарегистрированы как состоящие в браке. (На подобного рода ситуации может указывать искаженная пропорция числа замужних женщин и женатых мужчин, которые старше их на 5 лет.) Если мы постараемся уменьшить возможное воздействие этих факторов, приняв во внимание при вычислении индекса I_g как брачные, так и внебрачные рождения, то брачная рождаемость румынских женщин повысится почти до 72% брачной рождаемости гуттеритов уже в 1899 г. Приведенные значения индекса брачной рождаемости свидетельствуют о том, что к концу XIX века рождаемость в Южной Европе была почти на том же уровне, что и рождаемость в аграрных странах (т. е. странах, где не менее 40% мужской рабочей силы занято в сельском хозяйстве), в которых наблюдался демографический переход западного типа [14].

В Венгрии, однако, на рождаемость замужних женщин в период, предшествовавший снижению рождае-

мости (индекс которой составил 0,63 даже в 1880 г., т. е. как в Испании до начала снижения), по всей видимости, не воздействовали в значительной мере те факторы, которые были указаны для Румынии. Хотя доля внебрачных рождений была высока и в Венгрии (равно как и в других странах Центральной Европы, например в Богемии), все-таки значительная доля незаконнорожденных должна быть в первую очередь отнесена за счет проживающих в стране румын и сербов (принадлежащих к православной и унитарной церквям и населяющих в основном район восточного берега Тисы; см. табл. 6). В Венгрии, однако, родители незаконнорожденного ребенка жили в большинстве случаев не в юридическом, а в фактическом браке (чему, кстати, могло способствовать менее строгое — как в моральном, так и в административном отношении — влияние православной церкви в Венгрии). Основываясь на некоторых фактах, можно предположить, что медленное, но непрерывное снижение рождаемости замужних женщин началось еще до 1880 г., т. е. в периоде, предшествовавшем повсеместному снижению рождаемости. Эта ситуация в чем-то сходна с той, что описана М. Ливи Баччи в работе [8], она имела место в Испании, где с конца XVIII века по 60-е годы XIX века, по всей вероятности, наблюдалось медленное (10—12%) снижение рождаемости. Что касается Венгрии, то некоторые источники позволяют предположить, что медленное снижение относительно невысокого исходного уровня рождаемости началось там с середины XIX века (точнее говоря, с 1849 г., года поражения в революционной войне за независимость, начала политической реакции и экономической депрессии, с одной стороны, и полной ликвидации феодально-крепостнической системы и начала развития капиталистического способа производства в сельском хозяйстве — с другой).

Это снижение рождаемости замужних женщин, безусловно, связано с распространением сознательного ограничения рождений в браке. Указания на наличие фактов регулирования рождаемости замужними женщинами можно обнаружить уже в начале XIX века [9]. Даже в первые десятилетия XIX века «однодетная система» широко распространена в некоторых типично сельскохозяйственных районах Венгрии; семьи ограничиваются одним или в лучшем случае двумя живыми

детьми. Количество таких деревень составляет согласно оценке, приведенной в работе [9], не более 50 до 1850 г. (приблизительно 50—55 тыс. чел.), и они представляют собой прежде всего поселения, где проживают лица немецкой и сербской национальностей (в областях Баранья, Тольна и Крашшо-Сёрени и на прилежащей территории). Развитие контроля рождаемости после 1850 г., как предполагается, шло двумя путями. С одной стороны, имело место дальнейшее углубление и прежде уже широко распространенного регулирования рождаемости в браке в ряде поселений или регионов, например в районах Шаркёз (область Тольна), Орманшаг (область Баранья), на южных склонах Карпат (между реками Гарам и Хернад), а также в области Крашшо-Сёрени. С другой стороны, наблюдалось распространение практики внутрисемейного регулирования рождаемости как в районах, расположенных рядом с названными, так и в отдаленных от них местах, например к юго-востоку от Средневенгерских гор (области Шомодь и Ваш, район Оршег), в районе впадения Мароша в Тису (область Темеш), а также в области Хуньяд, и,

Таблица 3

Индекс доли замужних женщин (I_m) и средний возраст (A_m) женщин при вступлении в первый брак в Центральной и Южной Европе, 1880—1910 гг.

Год	Страна				
	Болгария	Богемия	Венгрия	Румыния	Сербия
	I_m				
1880	—	0,484	0,680	—	—
1890	—	0,477	0,699	—	0,782 ²¹
1900	0,731	0,523	0,670	0,727*	0,789
1910	0,749	0,535	0,665	—	—
	A_m , лет				
1880	—	26,13	20,66	—	—
1890	—	26,41	20,58	—	18,66**
1900	20,90	24,38	21,98	20,31*	18,71
1910	20,90	24,23	22,08	—	—

* 1899 г.

** 1895 г.

наконец, в районе от Средневенгерских гор до области Пешт. Последний этап этого процесса (распространение внутрисемейного регулирования рождаемости на значительной части территории страны) относится к последней четверти XIX века и достоверно документирован.

В 1880 г. существовала единственная (аграрная) область Венгрии, где показатель брачной рождаемости был ниже 0,45, и еще 6 областей, где эта величина была ниже 0,50. В одной из них (Крашшо-Сёрени) рождаемость замужних женщин составляла только 42% брачной рождаемости гуттеритов в 1880 г. и была ниже средней брачной рождаемости Франции в этот период. Можно предположить, что к тому времени закончился первый этап процесса снижения рождаемости в этих областях. После 1880 г., однако, в четырех областях (включая Баранью) начался второй этап снижения рождаемости, к моменту завершения которого (1910 г.) показатель брачной рождаемости составлял менее 0,43. В областях Баранья и Хонт (где величина I_g в 1880 г. была еще на 15—20% выше, чем в Крашшо-Сёрени)

Таблица 4

Индексы брачной рождаемости (I_g) и доли замужних женщин (I_m) в некоторых областях Венгрии, 1880—1910 гг.

Области	I_g				I_m			
	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
	Области низкой брачной рождаемости							
Баранья	0,502	0,451	0,433	0,372	0,753	0,774	0,756	0,774
Хонт	0,480	0,447	0,448	0,410	0,720	0,741	0,758	0,766
Крашшо-Сёрени	0,420	0,422	0,386	0,361	0,705	0,713	0,671	0,658
Хуньяд	0,464	0,454	0,466	0,426	0,703	0,745	0,717	0,707
	Области высокой брачной рождаемости							
Мошон	0,691	0,722	0,713	0,671	0,621	0,613	0,606	0,606
Ньитра	0,662	0,674	0,699	0,654	0,675	0,662	0,674	0,672
Сабольч	0,613	0,719	0,713	0,678	0,646	0,701	0,696	0,653
	Венгрия в целом							
	0,584	0,584	0,575	0,541	0,680	0,699	0,670	0,665

брачная рождаемость продолжала снижаться и после 1880 г. После 1880 г., однако, продолжалось дальнейшее снижение брачной рождаемости и в Крашшо-Сёре-ни, в результате чего эта величина составила менее 40% брачной рождаемости гуттеритов к 1900 г. (подобно уровню брачной рождаемости в Баранье в 1910 г.). Рождаемость в областях Хонт и Хуньяд снижалась несколько медленнее (см. табл. 4). Значительные различия на уровне страны в целом существовали между рождаемостью замужних женщин в городах и сельской местности; это обстоятельство, однако, можно отнести за счет низкой брачной рождаемости в Будапеште. (В 1900 г. она составляла 42% брачной рождаемости гуттеритов, что все же на 8% выше уровня рождаемости в сельскохозяйственном районе Крашшо-Сёре-ни.) В общем, хотя рождаемость замужних женщин в городах в целом была ниже, чем в сельской местности, тем не менее уровень рождаемости в большинстве городов, исключая Будапешт и некоторые другие промышленные центры, соответствовал скорее тому, который наблюдался у окрестного сельского населения, чем общей тенденции городской рождаемости (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Брачная и внебрачная рождаемость
в Венгрии и Румынии, 1900 г.

Страна, область (год, период)	Число живорождений на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет		
	замужних	незамужних	всего
Венгрия*			
1900—1901	218	42	157
Село	221	—***	162
Город	185	—***	113
Румыния* †	235	47	177
Село	243	45	187
Город	196	54	136

* Включая детей, рожденных матерями в возрасте 50 лет и старше.

** Дети, рожденные матерями в возрастах 15—50 лет.

*** Данные отсутствуют.

Процесс развития низкой брачной рождаемости хорошо иллюстрируется ее возрастными коэффициентами

Число детей, рожденных живыми, на 1000 замужних женщин по возрастным группам

Число детей, рожденных живыми, на 1000 всех женщин по возрастным группам

Некоторые области Венгрии, 1900-1901 гг.

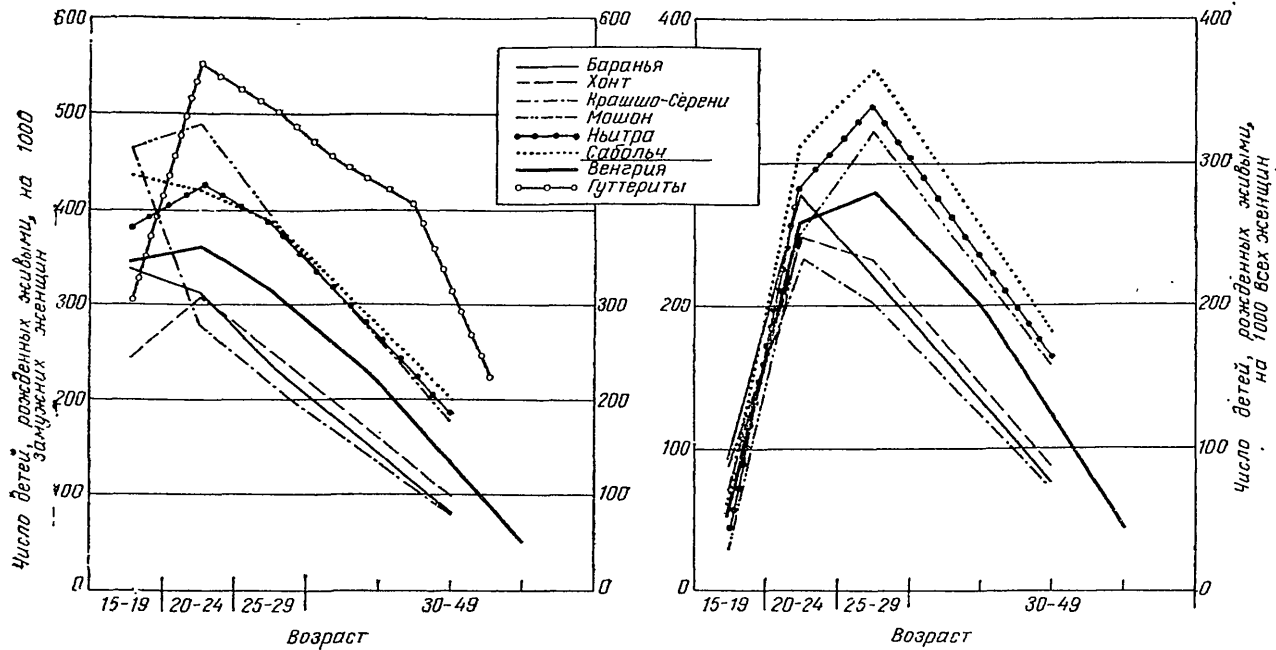


Рис. 1

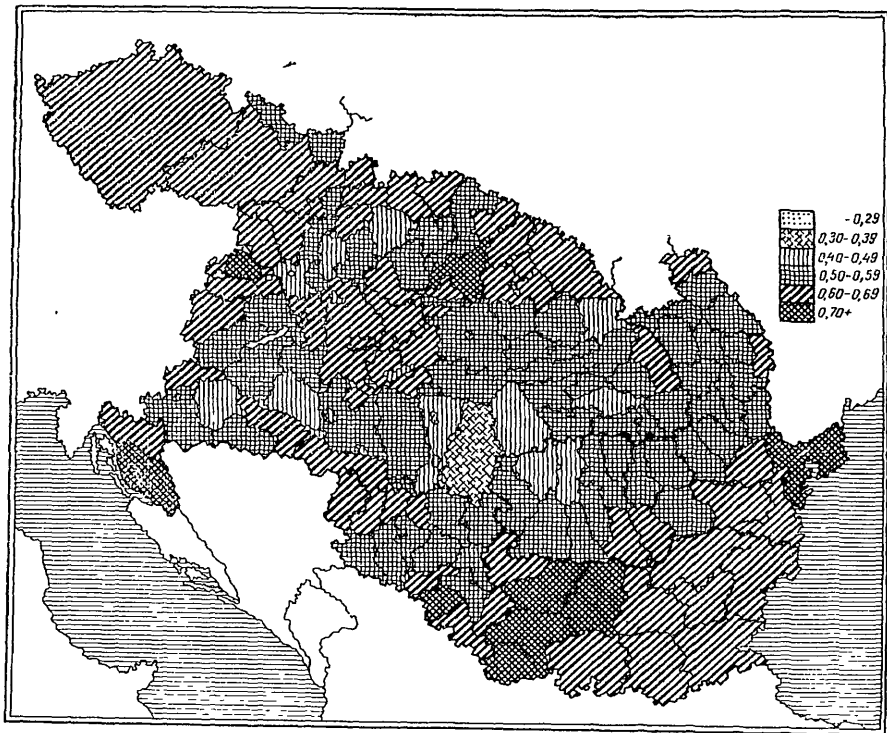
(см. рис. 1). До 20-летнего возраста значения коэффициентов не указывают на наличие какого-либо регулирования рождаемости; по сути дела, коэффициент рождаемости для венгров даже выше, чем для гуттеритов (это можно объяснить также и влиянием относительно большого числа добрачных беременностей на брачность в регионе). Однако в областях с низкой рождаемостью ее регулирование в браке начинается уже в 20-летнем возрасте и весьма эффективно в старших возрастах. В областях с высокой рождаемостью более интенсивное регулирование рождаемости начинается в 25-летнем возрасте, но с меньшей эффективностью впоследствии (см. рис. 1). Соответственно доля живорождений более высоких очередностей в одном и том же браке существенно меньше в областях с низкой рождаемостью. Так, например, в некоторых областях Венгрии в 1900 г. доля рождений шестых и более поздних детей в одном и том же браке составляла:

Области с низкой рождаемостью	%	Области с высокой рождаемостью	%
Баранья	22	Мошон	36
Хонт	21	Ньитра	33
Крашшо-Сёренн	25	Сабольч	36

(Та же величина для страны в целом составляла 30%.)

Таким образом, хотя брачная рождаемость населения Венгрии устойчиво снижалась после 1880 г. и до первой мировой войны, все-таки снижение на 10% (начиная с весьма небольшого уровня, характерного для периода, предшествовавшего снижению рождаемости) было достигнуто только к 1905 г. В то же время в Богемии, например, первоначально высокая брачная рождаемость начала интенсивно снижаться к концу XIX века и достигла 10%-ного снижения (по сравнению с периодом, предшествовавшим снижению рождаемости) уже в 1893 г. Фактически к 1910 г. ее уровень составлял менее 50% брачной рождаемости гуттеритов. Несколько ранее началось снижение рождаемости в Сербии и Болгарии, где согласно некоторым оценкам 10%-ное снижение имело место уже к 1905—1908 гг., а возможно, и на год-два раньше (см. табл. 2). Пока что мы еще не располагаем данными об изменениях брачной рождаемости в Румынии до первой мировой войны. Однако исходя из материалов карты 2 вполне естественно пред-

Карта 2. Индексы брачной рождаемости (I_g). Области Центральной и Южной Европы, 1900 г.



положить, что в условиях умеренного внутрисемейного регулирования рождаемости, свойственного городскому населению, скорректированное число брачных живорождений на 1000 замужних женщин в возрастах 15—50 лет в Румынии было, например, выше для городского населения, чем для сельского населения Венгрии в 1900 г. (см. табл. 5), к 1899 г. несколько более низкая брачная рождаемость наблюдалась только в областях Горжин и Валча, соединенных через Хуньяд с Крашшо-Сёрени (см. карту 2). Можно также предположить, что контроль рождаемости распространился из Крашшо-Сёрени не только в соседние венгерские области, но также и (в результате интенсивной миграции населения Румынии) через национальные границы.

Картину тенденций брачной рождаемости в Венгрии следует дополнить учетом того обстоятельства, что темпы снижения рождаемости были не столь высокими ввиду притока групп населения с высокой рождаемостью (в основном русинов) с востока, в первую очередь из Галиции, в восточные и северо-восточные области Венгрии. В этой части страны в 1880 г. еще оставались 4 области, где величина I_g превышала 0,6. К началу XX века число граничащих между собой областей с высокой рождаемостью достигло семи.

Положение вещей в 1900 г., сложившееся в результате описанных изменений и тенденций (см. карту 2), характеризуется наличием 5 регионов с высокой брачной рождаемостью в Центральной и Южной Европе. Наиболее значительный из них, по-видимому, регион, включающий Богемию, Моравию, Северо-Восточную и Восточную Венгрию, населенный в основном чехами и словаками и смыкающийся на западе с австрийским и немецким регионами с высокой рождаемостью. Провинции Южной Хорватии и Северо-Западной Сербии также образуют большой регион с высокой рождаемостью, который, вероятно, соединялся с аналогичными провинциями Юго-Западной Хорватии через Боснию и Герцеговину.

Прилегающий к Будапешту и охватывающий территорию примерно семи областей район Большой Среднедунайской низменности, а также упомянутые части Северо-Восточной Венгрии представляют собой еще два региона с высокой рождаемостью. И наконец, Южная Сербия, Болгария (особенно западные области), а так-

же южные и юго-восточные области Румынии (особенно Тулча, где наблюдалась максимальная для Румынии брачная рождаемость) образуют пятый регион. Эти регионы не представляют собой единого целого ни с точки зрения их экономической структуры, ни в плане национального состава и религиозной принадлежности их населения.

Помимо уже названных центров с низкой рождаемостью, в Венгрии сравнительно низкая брачная рождаемость наблюдалась на значительной части территории Трансильвании с величинами I_g ниже 0,50 в областях Надь-Кюкюло и Бестерце-Насод (в последней, однако, брачная рождаемость позднее увеличилась в результате миграции с востока), в центральных областях Хорватии (величина I_g была ниже 0,5 в области Беловар-Кёрёш), в более равнинных центральных областях Сербии (с минимальным значением в области Тимок), далее, в южной части Северной Венгрии, где низкая рождаемость, и прежде имевшая место в области Хонт, к 1900 г. стала характерной также для областей Гёмёр и Комаром. Таким образом, представляется возможным, помимо указанных Э. Дж. Коулом [2] Средиземноморского и Балтийского регионов с низкой рождаемостью в Европе, выделить еще и Центрально-европейский регион.

Согласно широко распространенному мнению стимулирующее воздействие на начало процесса снижения рождаемости оказал рост урбанизации. В Центральной и Южной Европе существенное различие уровней брачной рождаемости городского и сельского населения наблюдалось уже к 1900 г.² В Венгрии, Сербии и Болгарии рождаемость сельских замужних женщин превышала рождаемость городских почти на 20%. Существенные различия имелись и в Румынии, но их, однако, следует частично отнести за счет большей полноты регистрации рождений в городах. Аналогичным образом доля замужних женщин в сельской местности была, по сравнению с городом, выше на 20% в Венгрии и почти на 10% в Сербии, тогда как средний возраст невест при вступлении в

² Определения понятия «город» существенно различны в зависимости от региона; таким образом, возможность международного сопоставления соответствующих данных представляется по крайней мере спорной. Более того, характер городских поселений весьма неоднороден даже в пределах одной и той же страны.

первый брак в городах был на 3,6 года ниже в Венгрии и только на 1,6 года ниже в Сербии. (На внебрачную рождаемость тип поселения вряд ли оказывал какое бы то ни было влияние.) Низкая рождаемость городского населения, однако, лишь в незначительной степени влияла на уровни рождаемости населения страны в целом. Величина показателя I_g для всего населения страны меньше величин для сельского населения максимум на 1—2 пункта (ввиду незначительной доли городского населения — в отдельных странах всего до 14—20%). С другой стороны, очевидно, что основные центры низкой рождаемости в рассматриваемом регионе (или по крайней мере в Венгрии) находились, как правило, не в городских поселениях (исключая, возможно, Будапешт и еще некоторые промышленные города), а в типично сельских районах.

В последней четверти XIX века, однако, брачная рождаемость в городах с интенсивно развивавшейся промышленностью (в Венгрии это прежде всего Будапешт и еще несколько городов на севере и западе страны) находилась уже на стадии снижения, т. е. уровень общей рождаемости ограничивался не только благодаря откладыванию браков, но также и путем сознательного контроля брачной рождаемости.

Снижение рождаемости часто связывается с отношением к идее внутрисемейного регулирования рождаемости со стороны лиц определенного вероисповедания или национальности. Так, в Венгрии принято считать, что «однодетная система» (т. е. интенсивное ограничение рождаемости в семье) была свойственна прежде всего протестантам. К сожалению, мы лишены возможности вычислить показатели рождаемости по вероисповеданию или национальности (для этих групп не существует данных переписи, разработанных по возрасту и брачному состоянию). Тем не менее довольно достоверную картину существовавшего положения вещей можно получить исходя из численности брачных рождений на 1000 замужних женщин в возрастах 15—49 лет. Так, в 1900—1901 гг. коэффициент брачной рождаемости был выше у римско-католичек и греко-католичек, чем у женщин других вероисповеданий (см. табл. 6). В последующие 10 лет значение этого коэффициента стало меньшим для женщин всех вероисповеданий, однако весьма значительно он снизился в группах католиков, греко-православ-

Брачная и внебрачная рождаемость в Венгрии по национальностям и вероисповеданию, 1900—1901 гг. и 1910—1911 гг.

Вероисповедание, национальность	Число живорождений на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет					
	замужних		незамужних		всего	
	1900—1901 гг.	1910—1911 гг.	1900—1901 гг.	1910—1911 гг.	1900—1901 гг.	1910—1911 гг.
	Вероисповедание					
Римско-католическое	229	211	39	34	161	148
Греко-католическое	227	221	44	42	169	161
Греко-православное	202	189	65	65	158	148
Лютеранское	202	184	30	24	145	132
Кальвинистское	197	190	40	37	145	138
Унитарное	191	189	56	52	144	138
Иудейское	203	161	26	26	130	105
Всего*	217	202	42	38	157	145
	Национальность					
Венгры	222	206	38	34	156	143
Немцы	199	174	39	37	142	129
Словаки	241	219	38	32	173	156
Румыны	194	190	63	63	152	149
Русины	236	227	28	26	173	163
Хорваты	225	209	27	26	158	147
Сербы	233	217	53	52	175	163
Всего*	217	202	42	38	157	145

* Включая лиц прочих или не установленных национальностей или вероисповеданий.

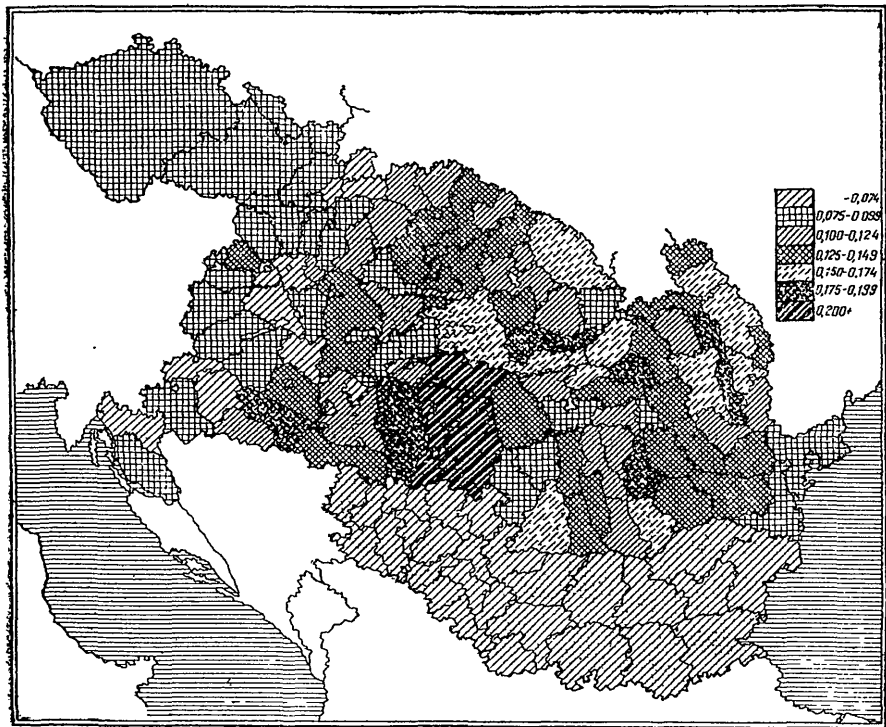
ных, лютеран и (наиболее интенсивно) иудеев. Группа лиц, принадлежащих к одной церкви, состоит из людей разных национальностей. В 1900—1901 гг. минимальный коэффициент общей брачной рождаемости наблюдался у немцев и румын, в то время как у венгров этот коэффициент находился на среднем уровне. В первые десятилетия XX века рождаемость по национальностям претерпела существенные изменения. Рождаемость хорватов, немцев и словаков уменьшилась, но также наблю-

далось и существенное снижение рождаемости венгров и сербов. Первоначально низкая рождаемость румын, проживающих в Венгрии, даже спустя 10 лет все еще оставалась на предпоследнем по величине месте в этой стране. И все же если соотнести формирование центров с низкой рождаемостью в Венгрии (в областях Крашшо-Сёрени, Баранья и Хонт) со степенью одобрения внутрисемейного регулирования рождаемости со стороны лиц той или иной национальности или вероисповедания, то получится довольно запутанная картина. Несмотря на то что ограничение рождаемости в Крашшо-Сёрени практиковалось первоначально среди греко-православных и греко-католиков, минимальная брачная рождаемость была характерна для немцев (хотя у румын она составляла всего на 9% больше). С другой стороны, например, в Баранье следствием внутрисемейного регулирования рождаемости среди кальвинистов была низкая рождаемость венгров (а брачная рождаемость немцев превышала ее на 56%). Наконец, в Хонте в начале XX века минимальной была рождаемость среди лютеран. Другие страны региона, при рассмотрении их в плане национального и религиозного состава населения, представляют, в отличие от Венгрии, более однородную картину. В первом приближении можно сказать, что рождаемость каждой из этих стран в целом сравнительно верно характеризует и рождаемость лиц соответствующей национальности или вероисповедания.

Таким образом, может представляться обоснованным утверждение, что при изучении факторов распространения внутрисемейного регулирования рождаемости в Венгрии, помимо учета распределения населения по национальному и религиозному составу, следует уделить особое внимание культурным и социально-гигиеническим факторам и (причем в большей степени) экономическим факторам, таким, например, как общее экономическое положение населения, землевладение, характер и структура сельскохозяйственного производства и т. д. или их изменения в период медленного перехода от феодальной социально-экономической системы к капиталистической.

Наконец, хотелось бы вкратце затронуть еще один важный компонент общей рождаемости в Центральной Европе и Румынии, а именно рождаемость женщин, не состоящих в браке. Тогда как в Болгарии и Сербии рож-

Карта 3. Индекс внебрачной
рождаемости (I_n). Области
Центральной и Южной Евро-
пы, 1900 г.



даемость незамужних женщин до первой мировой войны составляла лишь 1—2% рождаемости гуттеритов, она равнялась 8—9% в Богемии, 10—12% в Венгрии и 14% в Румынии (см. табл. 1). Это означает, что рождаемость незамужних женщин составила $\frac{1}{5}$ рождаемости замужних женщин в Венгрии и $\frac{1}{4}$ в Румынии. В западных областях Венгрии (включая расположенные на территории Задунайского среднегорья) внебрачная рождаемость была сравнительно низкой (значение I_h не превышало 0,10), тогда как в восточной части страны (прежде всего в районе впадения Мароша в Тису и особенно в области Крашшо-Сёрени, где $I_h=0,21$, а также в центре Трансильвании) она была существенно выше (см. карту 3). Максимальный уровень внебрачной рождаемости в Венгрии наблюдался у румын и соответственно у принадлежавших к греко-православной церкви, составляя почти $\frac{1}{3}$ брачной рождаемости (см. табл. 6).

Очевидно, что снижение брачной рождаемости было связано с некоторым снижением внебрачной рождаемости (в первую очередь среди венгров и словаков). Однако значительное снижение внебрачной рождаемости наблюдалось только после первой мировой войны.

В задачу настоящей работы не входит изучение тенденций брачной рождаемости после первой мировой войны. Можно, однако, заметить, что в 20-е годы XX века темпы снижения рождаемости замужних женщин во всем регионе были ускоренными (прежде всего в Богемии) [13]. При таких темпах брачная рождаемость в 30-е годы составляла чуть более 40% брачной рождаемости гуттеритов, да и то лишь в незначительных областях региона. Как было показано, очень низкий уровень брачной рождаемости в Венгрии в конце 30-х годов и позднее в 60-е годы [13], [14] нельзя считать абсолютно новым явлением, поскольку история низкой рождаемости в Венгрии восходит к достаточно отдаленным временам (по меньшей мере к XIX веку).

IV. ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

В начале XX века на значительной части территории Центральной и Южной Европы высокая доля замужних женщин представляла наиболее важный компонент высокой общей рождаемости. Даже если учесть

брачную рождаемость, уровень которой был сопоставим с величинами для многих стран Западной Европы, где имел место демографический переход европейского типа, а также высокую долю внебрачных рождений, высокая общая рождаемость в этом регионе есть в первую очередь следствием высокой доли замужних женщин и низкого среднего возраста вступления в первый брак.

Некоторые характеристики, определяющие тип брачности, ставят Богемию особняком среди других государств региона, поэтому далее мы не будем подробно рассматривать эту страну. Помимо Богемии весь регион лежит к востоку от линии Ленинград—Триест (т. е. от предложенной Дж. Хаджналом [5] границы типов брачности) и характеризуется неевропейским типом, с низким средним возрастом вступления в первый брак и высокой долей замужних женщин в детородном периоде. На значительной части территории региона средний возраст невест при вступлении в первый брак составлял всего 20—21 год³, в Сербии он не достигал и 19 лет (см. табл. 3). В противоположность этому для европейского типа брачности характерен средний возраст при вступлении в первый брак 24—26 лет (как в Богемии, где этот возраст в конце XIX века даже превышал 26 лет). Доля состоящих в браке в репродуктивных возрастах превышала 70% в Венгрии и Южной Европе и, по сути дела, составляла почти 80% в Сербии. Эта же доля к западу от линии Ленинград—Триест не достигала и 60%, а в Богемии, например, до первой мировой войны она была даже меньше 55% [2]. Характер брачности в Венгрии несколько отличался от южноевропейского (значение индекса I_m 0,67—0,70; средний возраст невест при вступлении в первый брак—22 года), но тем не менее это, безусловно, не западноевропейский тип брачности.

Согласно оценке Дж. Хаджнала [5] распространение европейского типа брачности (с откладыванием браков до старших возрастов) началось в XVII веке, и ему предшествовал неевропейский тип. К концу XIX века европейский тип брачности распространился на значительной части территории Европы к западу от линии Ленинград—Триест. Эта тенденция брачности в общем виде

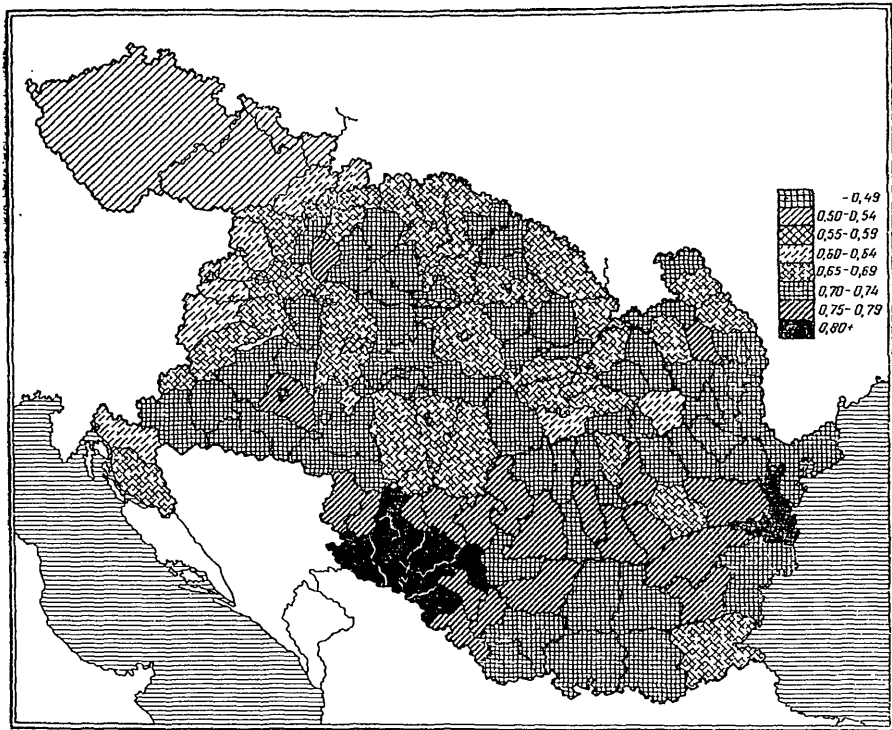
³ Средний возраст женщин при вступлении в брак был оценен по методу, предложенному Дж. Хаджналом [4], на основе данных переписей о распределении населения по полу, возрасту и брачному состоянию.

связывается с ухудшением экономического положения населения и интерпретируется как некая демографическая реакция на изменение такого положения. При объяснении сложившейся ситуации не следует предполагать наличие конкретного плана снижения рождаемости, а скорее исходить из концепции так называемого мальтузианского контроля рождаемости (путем откладывания браков, но без каких-либо сознательных усилий по ограничению брачной рождаемости) [2].

В Венгрии и Южной Европе, однако, не сложился обычай откладывания брака или воздержания от вступления в брак. До первой мировой войны в этом регионе как доля замужних женщин, так и средний возраст женщин при вступлении в первый брак изменялись лишь в незначительной степени (в частности, в Венгрии). После первой мировой войны произошли уже довольно значительные перемены, связанные с характером брачности населения в данном регионе. Наряду с дальнейшим уменьшением величины индекса I_g в районах Чехии началось медленное увеличение первоначально низкого индекса I_m , причем средний возраст вступления в первый брак снизился (что было аналогично тенденциям европейской брачности), хотя описанный процесс и прерывался в годы войны. На территории нынешней Венгрии незначительный рост среднего возраста вступления в брак начался в период между двумя мировыми войнами, но после второй мировой войны он снова понизился (в 1960 г. средний возраст невест при вступлении в первый брак составлял 20,9 года, т. е. лишь немногим выше, чем в конце XIX века), и доля состоящих в браке возросла. Сходная в общем тенденция наблюдается в других частях региона, исключая, возможно, Болгарию, где, если не считать временных последствий военных лет, не отмечалось существенных изменений. Следует заметить, что прежние различия брачности в Восточной и Западной Европе к настоящему времени уменьшились, прежде всего за счет изменений западноевропейского типа брачности после второй мировой войны (увеличение доли состоящих в браке и существенное снижение среднего возраста вступления в брак).

Вряд ли можно наблюдать еще какие-либо существенные региональные различия в рассматриваемой части Европы, кроме указанных. Несколько меньшая доля (65%) замужних женщин имеется только в Венгрии, в

Карта 4. Индекс доли состоящих в браке (I_m). Области Центральной и Южной Европы, 1900 г.



областях на востоке и северо-востоке и в некоторых областях южной Трансильвании (исключая города); см. карту 4. При изучении тенденций брачности, возможно, только характеристики брачности в Венгрии могут рассматриваться как специфические. Факторы, способствующие сознательному и эффективному регулированию брачной рождаемости в некоторых областях этой страны во второй половине XIX века (т. е., по сути дела, действовавшие и раньше, и интенсивнее, чем на значительной части территории Западной Европы), оказались почти абсолютно несостоятельными по отношению к мальтузианскому контролю рождаемости (путем откладывания браков). Напротив, скажем, в 1900 г. доля состоявших в браке была максимальной (I_m более 75%) как раз в тех областях, где сознательное регулирование брачной рождаемости началось раньше всего, например в областях Баранья и Хонт (см. табл. 4). В области Хонт величина индекса I_m даже возросла за период 1880—1910 гг. С другой стороны, постоянное снижение величины индекса I_m в области Крашшо-Сёрени после 1890 г. показывает, что рано начавшийся неомальтузианский контроль рождаемости сопровождался мальтузианским контролем, но с некоторым опозданием (по-видимому, на 40—50 лет). Все сказанное свидетельствует о том, что в период демографического перехода социальные и экономические факторы, регулирующие тенденции рождаемости и брачности, обнаруживают свое влияние настолько сложным образом (воздействуя друг на друга и на демографические явления), что не представляется возможным дать однозначное толкование таких событий, как начало снижения рождаемости, формирование европейского типа брачности и сохранение стабильности неевропейского ее типа в Южной Европе, исходя только из ухудшения экономической ситуации.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первое и пока еще предварительное изучение статистики населения Центральной и Южной Европы показало, что высокая общая рождаемость, характерная для этого региона до первой мировой войны, может быть отнесена, по сути дела, за счет следующих трех факторов.

1. Относительно высокий уровень брачной рождаемости, приблизительно 68—75% брачной рождаемости гуттеритов (что, впрочем, не превышало среднюю величину уровня европейской рождаемости в XIX веке). Благодаря распространению регулирования рождаемости в браке брачная рождаемость начала снижаться примерно в начале XX века сначала в Богемии, потом в Болгарии, Сербии и, возможно, в Румынии такими темпами, что она уменьшилась на 10% с 1895 по 1908 г. Соответствующие европейские данные позволяют сделать вывод о том, что временной лаг между началом снижения рождаемости в Центральной и Южной Европе, с одной стороны, и в Западной Европе — с другой, был, несомненно, не столь велик, как это предполагалось прежде.

2. Высокая доля замужних женщин в детородных возрастах (70—80%), а также очень низкий средний возраст невест при вступлении в первый брак (19—21 год). Брачность в регионе (исключая Богемию) развивалась по неевропейскому типу, хотя в Венгрии значения названных индексов были несколько ближе к западноевропейским (доля состоящих в браке там равнялась 55%, а средний возраст невест при вступлении в первый брак был 24—25 лет). В Восточной Европе только за счет неевропейского типа брачности общая рождаемость была на 30—40% выше той, которая была бы там при европейском типе брачности и том же уровне брачной рождаемости.

3. Высокая доля внебрачных рождений — черта, характерная в первую очередь для стран Центральной Европы и Румынии. В этих странах рождаемость незамужних женщин составляла почти $1/4$ — $1/5$ рождаемости замужних женщин.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, можно если пока еще не доказать, то предположить, что тенденция рождаемости замужних женщин в Венгрии отличается характерными особенностями (и может быть сопоставлена только с аналогичной тенденцией в Испании). До первой мировой войны можно выделить два этапа процесса изменения рождаемости. На первом этапе рождаемость начала снижаться, видимо, в середине XIX века, и процесс снижения медленно протекал до 1880—1890 гг., достигнув столь низкого уровня, который в это время существовал (если не считать

Франции) лишь в Великобритании и Испании. На втором этапе, начавшемся, очевидно, в последние два десятилетия XIX века, процесс снижения рождаемости характеризовался более интенсивными темпами. Центры низкой рождаемости, сформировавшиеся в Венгрии к началу XX века, сопоставимы по уровню (если не считать Франции и ряда провинций Бельгии) только с некоторыми крупными европейскими городами. Самое главное, что эти центры были расположены в типично сельских областях страны, населенных лицами различных национальностей и вероисповеданий, с повсеместно высоким коэффициентом внебрачной рождаемости. Кроме венгров, сознательное регулирование рождаемости в браке практиковали в основном румыны и немцы. На первом этапе значение процесса урбанизации могло оказаться не столь существенным, как это предполагалось ранее.

Описанная тенденция брачной рождаемости способствовала также формированию еще одного района с низкой рождаемостью в Центральной Европе (кроме Средиземноморского и Балтийского) на территории Венгрии, обладающего специфическими социально-экономическими и демографическими характеристиками.

Согласно источникам того времени, первоначально внутрисемейное регулирование рождаемости с интенсивностью распространялось в основном в небольших, типично сельских районах, населенных лицами венгерской национальности, преимущественно среди низшего дворянства. В середине XIX века была ликвидирована феодально-крепостническая система и началось развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Источники свидетельствуют о том, что два основных пути распространения регулирования рождаемости внутри семьи, по крайней мере на первом этапе процесса ее снижения (более интенсивное его протекание в районах, уже знакомых с этим явлением, и распространение на окрестные районы — на юге даже за государственную границу, в Румынию), находятся в тесной связи со стремлением избежать распыления земельной собственности между наследниками. В то же время на втором этапе процесса снижения рождаемости, безусловно, важную роль в активном распространении внутрисемейного регулирования рождаемости мог сыграть фактор интенсивного ухудшения экономического положения широких масс трудя-

щихся, занятых в сельском хозяйстве. (Источники не указывают на воздействие этого фактора на первом этапе). Если в будущем удастся найти более убедительные документы, подтверждающие высказанные соображения, то по-прежнему остается открытым вопрос, почему, несмотря на наличие многих сходных характеристик (распространение интенсивного внутрисемейного регулирования рождаемости) и при воздействии сходных социально-экономических факторов, в Венгрии, с одной стороны, и в некоторых западноевропейских сельскохозяйственных странах — с другой, были столь различные демографические реакции, приведшие к развитию двух разных типов брачности. Возможно, что на появление этих демографических реакций, помимо глубоких социально-экономических процессов (включая новый характер землевладения, изменения в организации и структуре сельскохозяйственного производства, в положении на рынке рабочей силы), оказали еще и косвенное воздействие местные особенности, факторы идеологического характера, традиции и т. д. Возможно также, что эти косвенные воздействия проявили себя отчасти и в плане наличия так называемой системы корневой семьи, столь широко распространенной в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coale A. J. Factors associated with the development of low fertility: a historic summary. United Nations, World Population Conference (1965), vol. II, p. 205—209.
2. Coale A. J. The decline of fertility in Europe from the French revolution to World War II. Princeton, 1967. Перевод статьи печатается в этом сборнике, с. 71—97.
3. Davis K. The theory of change and response in modern demographic history. *Population Index*, 1963, vol. 29, № 4, p. 345—366.
4. Hajnal J. Age at marriage and proportion marrying. *Population Studies*, 1953, vol. 7, № 2, p. 111—136.
5. Hajnal J. European marriage patterns in perspective. In: *Population in History*. Glass D. V. and Eversley D. E. C. (Eds.), London, 1965, p. 101—143. Перевод статьи печатается в этом сборнике, с. 14—70.
6. Henry L. Some data on natural fertility. *Eugenics Quarterly*, 1961, vol. 8, p. 81—91.
7. Hotelling H. and Hotelling F. Causes of birth rate fluctuations. *J. Am. Stat. Assoc.*, 1931, vol. 26, p. 135—149.
8. Livi-Bacchi M. Fertility and nuptiality changes in Spain from the late 18th to the early 20th century. Part I. *Population Studies*, 1968, vol. 22, № 1, p. 83—102.

9. Milhoffer S. A birtokkategóriák hatása, különös tekintettel a népessedésre. Bp. 1902. 77 p.

10. Ryder N. B. Fertility. In: The Study of Population. Hauser P. M. and Duncan O. D. (Eds). The University of Chicago Press, 1959, p. 400—436.

11. Szabady E. (szerk). A születésszabályozás. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. Bp. 1958. 205 p.

12. Szabady E. (szerk). Bevezetés a demográfiába. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. Bp. 1964. 610 p.

13. Szabady E., Tekse K., Pressat R. La Population des Pays Socialistes Européens I. La fécondité. *Population*, 1966, vol. 21, № 5, p. 941—970.

14. Szabady E. Basic fertility tables for some East-European Socialist countries. In: World Views of Population Problems. Szabady E. (Ed). Akadémiai Kiadó, Budapest, 1968, p. 387—408.

15. Van de Walle E. and Knodel J. Demographic transition and fertility decline: the European case. Conference of the International Union for the Scientific Study of Population, Sydney, 1967, Contributed papers, p. 47—55.

16. A Magyar Korona Országainak 1897. évi népmozgalmi statisztikája. Központi Statisztikai Hivatal, Magyar Statisztikai Közlemények, Új folyam. Vol. XXII. Bp. 1900. 180—283 p.

Питер Ласлетт

СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Peter Laslett. La famille et le ménage: approches historiques. Annales. Économies. Sociétés. Civilisations, № 4—5, 1972.

Настоящая статья представляет собой фрагмент введения к работе *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe*. Edited by Peter Laslett with the assistance of Richard Wall (Cambridge, Cambridge University Press, 1972).

Изучение семейной структуры в различных обществах в разные эпохи основано на сравнительном анализе поименных списков жителей. В ходе изложения автор местами ссылается на отдельные главы книги, название которой дается аббревиатурой Н. Ф. Р. Т.

1. ОБЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Источником исследования семейных групп служат поименные списки, в которых имена жителей распределены по домохозяйствам. Всякий исследователь, какую бы страну он ни изучал, при детальном ознакомлении с этими документами может обнаружить, что объединение имен в списках такого рода далеко не произвольно, а, напротив, подчиняется трем требованиям. Индивиды объединены: 1) исходя из того, что обычно они спят под одной крышей, т. е. по географическому признаку; 2) исходя из того, что их связывает совместная деятельность, т. е. по функциональному признаку; наконец, 3) исходя из родственных связей, кровных или супружеских, т. е. по семейному признаку.

Жилище, общность жизнедеятельности и родство

Первые два критерия постоянны: каждое лицо, включенное при переписи в определенную группу, проживало совместно с другими или как-то сотрудничало с ними, покровительствуя им либо находясь в зависимости от них. Но не все из них находились в родственных отношениях, так как меньшинство, которым нельзя пренебрегать, участвовало в деятельности домашней группы, не находясь ни в кровном, ни в супружеском родстве. Это иногда встречающиеся в семейных списках слуги, гости, пансионеры или домовладельцы.

Анализируя документы такого рода, мы склонны полагать, что составители списков исходили из тех же критериев, что и мы. Но среди них представлены разные категории людей: священники, административные служащие, нотариусы, нотариалы и уполномоченные корпораций, начиная с тех, кто составлял списки в древние времена в различных и удаленных друг от друга странах, и кончая организаторами современных переписей.

Мы не уверены в том, что исследователи, трудами которых мы пользуемся, базировались на одних и тех же основаниях и методах в интерпретации поименных списков. Очевидно, в оформлении и деталях столь разнообразных документов, дошедших до нас из разных стран и эпох, были различия. Я думаю, однако, что ради продвижения нашей работы мы должны пренебречь различиями в деталях и не бояться делать обобщения исходя из порой несовершенных данных.

Опишем теперь внутренние связи домашней группы.

Члены домохозяйства

Прежде всего это муж, жена и дети, признанные обществом. Затем близкие, проживающие с ними родственники по крови или через супружество. Наконец, домашние слуги, более многочисленные, чем в наше время и даже во времена наших родителей. Они встречались в Англии чаще, чем в других местах, составляя в доиндустриальную эпоху примерно одну восьмую населения. В Исландии в 1729 г. их было не меньше 17%¹.

¹ Hansen. Tabulation of the Icelandic Population Census of 1729 (mimeograph).

Прислуга, как и другие члены домохозяйства, была подвластна главе домохозяйства, полномочия которого в большинстве случаев определялись правом данной страны. Подчинение этому авторитету наблюдается повсюду, и особенно в Западной Европе; оно таково, что прислуга входит в состав членов «семьи», или, точнее, «домохозяйства» главы семьи, так же, как его жена, дети и другие близкие. Любой представитель челяди, таким образом, оказывается поглощенным семейной группой, каким бы словом его ни называли: подмастерье, лакей или приказчик². В интересующее нас время наибольшая часть домашнего труда была посвящена сельскохозяйственным, промышленным и ремесленным работам и весьма незначительная часть — работе в домашнем хозяйстве. Последний вид труда в нашем словаре продолжает называться экономическим, хотя этот термин сегодня имеет более широкий смысл, чем первоначально (греческое *oikonomia* означает управление хозяйством). Вплоть до прошлого столетия в Англии среди домашней прислуги было столько же мужчин, сколько женщин³.

Положение прислуги легко поддается анализу. Сложнее определить роль некоторых других членов семейной группы — гостей, приглашенных, жильцов-съемщиков и пансионеров. Как относился к ним хозяин дома, будь то дворянин, земледелец, предприниматель, ремесленник, или подручный? Бесспорно, он нес ответственность за этих людей, в некоторых отношениях ему подвластных, хотя в Англии закон фактически запрещал ему селить их у себя. К числу людей, роль которых как членов домохозяйств трудно определить, могут относиться и некоторые лица, входящие в семью.

К сожалению, в большинстве случаев ясно, что гости, съемщики и пансионеры не рассматривались отдельно, что затрудняет сравнительно-исторический анализ структуры домохозяйств. Несмотря на эти трудности, коль

² В начале викторианской эпохи встречается термин «приказчик» (*trade assistant*). Относительно юрисдикции главы семьи см. перепись 1851 г. в Англии (Н.Ф.Р.Т., гл. 5). Еще в начале века приказчики в лондонских лавках жили совместно, как японские рабочие (Н.Ф.Р.Т., гл. 6).

³ См. Н.Ф.Р.Т., гл. 4. Переписи, анализируемые в таблицах этой статьи, говорят о том, что так же обстояло дело во Франции, Сербии и Японии.

скоро список совместно проживающих определен, можно увидеть, кто исключен из семейной группы. Не упоминаются ни дети, покинувшие дом, ни родители, даже живущие совсем близко, тесно участвующие в семейном хозяйстве и регулярно разделяющие трапезы за общим столом. Эти люди соответствуют, однако, двум из названных критериев. Они связаны с домохозяйством, иногда очень тесно, но не являются его членами в полной мере. Согласно этому принципу, который относится как к целым семьям, работающим вместе с другими семьями, так и к тем, кто трудится совместно с отдельными индивидами, представители предыдущих поколений не являются частью семейной группы, даже если они получают от нее материальную поддержку и работают на нее, поскольку ни членами домохозяйства, ни переписчиком они не считаются живущими в доме. Старый ирландский фермер с женой, поселенные женатым сыном в отдаленной части дома, которая обычно предназначается для фей и духов умерших, являются членами домохозяйства своего сына, так как они спят под одной крышей и едят за одним столом. Но супружеская чета, занимающая домик или помещение, которые выходят во двор и имеют отдельную от фермы крышу, живет самостоятельно и не является членом домохозяйства. Вероятно, в глазах переписчика, составляющего список жителей деревни, такие домохозяйства выглядят отдельными. Однако переписчик несомненно склонен, и это очень важно с нашей точки зрения, рассматривать эти два домохозяйства как имеющие общие черты, характерные для одного и того же дома (houseful).

Очевидно, мы встречаемся здесь с новыми трудностями. В пограничных случаях, вроде только что упомянутых, чиновник, составляющий список, может принять то или другое решение, указав в списках либо одно, либо два домохозяйства.

Администрация, проводящая переписи официального характера, устанавливает точные критерии оценки, выдвигая на первый план, например, расположение построек, степень подчинения главе домохозяйства, частоту посещений семейных трапез и расположение спальных мест. Но наше исследование относится к периоду, предшествующему национальным переписям, и часто мы не можем точно знать, из каких представлений исходили чиновники при составлении списков жителей.

II. ТЕРМИНОЛОГИЯ И СХЕМЫ АНАЛИЗА

Следует предположить, что люди прошлого приписывали семейной группе те же границы, что и мы, но не надо думать, что они ясно определяли термины. В английском языке «семья» обозначает обычно то, что мы называем «домохозяйством» (household), но последнее слово также иногда употреблялось, и даже в выражении «семья и домохозяйство». Один из первых ученых, серьезно изучавших эти проблемы, политический арифметик Грегори Кинг (1648—1712) употреблял слово «дом» (house), не отличая его от слова семья там, где мы бы написали «домохозяйство». Некоторые из его последователей в XVIII веке делали то же самое, что весьма затрудняет работу английских исследователей. Слово «дом» обозначает одновременно здание и преемственную семейную группу («дом Перси» или «семейство Ротшильдов»).

Типы домохозяйств

Охарактеризуем терминологию, принятую нами для изучения поименных списков жителей. Следует подчеркнуть, что в нашей терминологии слово «семья» (family) не обозначает семейную группу. Местожителство, родство и совместная жизнедеятельность обозначаются словом «домохозяйство» (household). Всякий человек, живущий отдельно, образует самостоятельное домохозяйство, к которому принадлежат и его слуги. Поскольку реально наличие слуг изменяет состав домохозяйства, мы будем различать два типа домохозяйств: с прислугой и без нее. Теперь обратимся к характеристике терминов «простое семейное домохозяйство» (simple family household), «расширенное семейное домохозяйство» (extended family household) и «сложное семейное домохозяйство» (multiple family household).

Простое семейное домохозяйство — это то, что обычно называют нуклеарной, элементарной или биологической семьей. Последнее выражение не очень логично, поскольку жена (по определению) выбирается за пределами семьи. Эта семья состоит из супружеской четы с потомством, если оно есть, или же вдовца или вдовы с детьми. Супружеская связь — основа этой семьи. Это наиболее распространенный тип в документах, которые

мы изучали. Для существования такой семьи достаточно брака и совместного проживания двоих индивидов, это семейное ядро, супружеская семейная единица (conjugal family unit).

Одинокiй индивид не может составлять ядро: для этого требуются двое супругов с детьми или без них, или же вдовец (или вдова) вместе с детьми. Индивиды, живущие вместе, но объединенные не супружеской, хотя и предполагающей существование различных браков, связью, не образуют нуклеарную семью. Так, вдова со своими детьми составляет нуклеарную семью, но вдова и ее внук — не составляют, так же как и тетка с племянником. Как только супружеская семья сформировалась, она начинает рассматриваться как домохозяйство. Домохозяйство образует и индивид, живущий изолированно. Этот тип семейной группы образует простое семейное домохозяйство. Первым в списке членов домохозяйства приводится его глава, какова бы ни была категория домохозяйства. Простое домохозяйство (с прислугой или без нее) — наиболее распространенный тип во всех общинах, которые мы изучали, и фактически господствующей является нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей.

Расширенное семейное домохозяйство — это супружеская семья вместе с родственниками, связанными с ней прямой родственной связью. Она имеет, следовательно, ту же структуру, что и простая семья, с прибавлением некоторых индивидов. Если дополнительный член домохозяйства — представитель более старшего поколения, чем глава, например дед, бабушка, или вдовья тетушка, то семья считается восходящей. Если речь идет о внуке без родителей, племяннике или племяннице, то семья квалифицируется как нисходящая. Если констатируется присутствие брата, сестры или кузена главы, то семья расширяется по боковой линии, колатерально. Некоторые группы увеличиваются одновременно вертикально и колатерально и следует заметить, что дополнительное присутствие даже одного родственника создает расширенную семью, какова бы ни была степень родства. В то же время присутствие близкого родственника какого-либо из слуг не изменяет состав домохозяйства. Термин «расширенное семейное домохозяйство» исключительно важен для обозначения этой четко очерченной категории домохозяйства, так как выражение

«расширенная семья» имеет более общий смысл, обозначает тесные отношения между лицами, связанными родством, которые могут и не проживать совместно.

Сложное семейное домохозяйство имеется там, где несколько супружеских семей объединились и породнились кровно или союзом. Такое домохозяйство может быть простым или расширенным, а связь между его членами — вертикальной или горизонтальной. Его главный признак — наличие внутри домохозяйства ячейки-сателлита, т. е. ядра, которое не включает главу домохозяйства. Этот дополнительный элемент называется восходящим, если супружеская связь, привязывающая его к семейному ядру, относится к поколению, предшествующему поколению главы домохозяйства (например, его родители). Эта вторичная ячейка может включать и потомство родителей главы домохозяйства, т. е. его неженатых братьев и незамужних сестер. Если один из стариков умирает, то вторичная ячейка сохраняется при условии, что брат (или сестра) главы домохозяйства живет в доме. Вторичная ячейка называется нисходящей, если, например, женатый сын живет с женой и с детьми у отца — главы домохозяйства. Существование двух вторичных ячеек встречается редко, но потенциально эти общие принципы действуют независимо от числа ячеек-сателлитов. При отсутствии противоположных указаний слуги обычно приписываются к домохозяйству в целом, к какому бы типу оно ни относилось, а не к индивиду или определенной супружеской чете.

Если супружеские группы сложного домохозяйства являются коллатеральными, состоят из родственников по боковой линии и объединяют супружеские пары братьев и сестер, то домохозяйство принадлежит к братскому объединенному типу (*fraternal joint family*) — категории, хорошо известной антропологам. Для обозначения любого сложного домохозяйства часто употребляют также термин «сопряженная семья» (*joint family*). Мы будем различать коллатеральные супружеские ячейки (т. е. со связями по боковой линии) по тому, наличествует ли в них отец или мать главы. Если таковые имеются, то они должны быть вдовыми, так как иначе чета стариков образовывала бы ячейку. Расположение семейных единиц здесь одновременно коллатеральное и восходящее. Если же представителей предшествующего по-

колениа больше нет и тем не менее братские супружеские пары проживают совместно, то такое домохозяйство называется *братством* (*frégèche*). Во Франции в XIV веке братства создавались посредством «братания» (*affraiment*). Судя по наблюдениям, сделанным на Корсике в 1770 г. и во Флоренции в 1527 г., братства существовали в Южной Европе в течение многих столетий. Согласно Жаку Дюпакье у корсиканцев существовал даже обычай: молодые братья и сестры, оставшиеся сиротами, жили совместно под присмотром соседних семей в простом братском домохозяйстве. Этот обычай весьма удивителен. Подобный тип братства сохранялся вплоть до того возраста, когда дети должны были вступить в брак; в то же время такое состояние рассматривали как временное, не имеющее институционального характера.

Классификация

Итак, домохозяйства могут быть очень разнообразными, а со сложными домохозяйствами анализ становится весьма трудным. Нам понадобилось точно определить их типы. Теперь мы сможем представить различные случаи в графической форме и сравнить различные поименные списки. Табл. 1 позволит читателю легче уяснить различия, которые мы сейчас ввели.

Разумеется, в каждой категории следует различать домохозяйства с прислугой и без нее. В нижней части таблицы показаны вариации, встречающиеся в документах. Примеры с братствами легко понять, но необходимо остановиться на том, что мы называем *корневой семьей*.

Понятие *корневой семьи*, играющее важную роль в социологии семьи, означает совместное проживание супружеской четы и их женатого сына, который должен унаследовать семейную собственность, а также его жены, вероятно, детей, а также неженатых и незамужних братьев и сестер, живущих вместе с родителями. Таково классическое определение; различные его вариации подвергались обсуждению, в особенности в работах Фредерика Лепле, французского социолога XIX века, популяризовавшего этот тип совместного проживания. Корневую семью он считал идеальной семейной формой, а ее существование — благоприятным для общества. Однако в своем понятии *корневой семьи* Лепле смешивал

тип структуры домохозяйства (как мы ее сейчас описали) и особую систему наследования. Между тем эта система наследования может существовать в обществе и без широкого распространения в нем «корневых» и даже расширенных семей.

Циклическая эволюция семьи

«Корневая семья» всегда принадлежит к одной из трех определенных категорий (5б, 5б + 5а или 5б + 5а + 4а; см. табл. 1). Чтобы получить их общую численность, логично сложить все три категории. Если домохозяйство относится к 5б, то предполагается, что женатый наследник уже является главой семьи и что супружеская семья его предшественника есть вторичное восходящее ядро. В первой категории 5а будущий глава занимает еще вторичную позицию нисходящего типа. Домохозяйство 5б становится домохозяйством 5а, когда глава меняется, если супружеская чета, теряющая власть, продолжает жить в том же доме. Очевидно, если один из двух родителей умирает в то время, когда сын ожидает наследования и когда нет других детей, которые могли бы продолжить существование брачной ячейки вдовца, принадлежащего к предыдущему поколению, то домохозяйство, бывшее сложным, становится расширенным и попадает в категорию 4а. Только после исчезновения последнего представителя предшествующего поколения и ухода всех сожителей, являющихся родственниками нового главы, такое домохозяйство становится простым и с большой степенью вероятности попадает в категорию 3б. Оно остается таковым до тех пор, пока в группе не появляется следующий женатый глава; тогда мы снова имеем дело с «корневой семьей», и цикл возобновляется. Внутри общины преобладает нуклеарная структура домохозяйств даже при наличии «корневой семьи».

Практически невозможно проследить циклическую эволюцию домохозяйства, имея в качестве источника только один поименный список. Пример с «корневой семьей» наглядно показывает, как трудно точно установить наличие «корневой семьи», учитывая редкость документов и развитие изучаемого объекта. Интересно сравнить между собой домохозяйства, находящиеся на различных стадиях эволюции в момент составления документа, особенно если список большой. Но обычно эта

схема неприменима, за исключением тех редких случаев, когда указан возраст членов домохозяйства. Обращение к дополнительным документам, вроде церковно-приходских книг, также не позволяет значительно продвинуть анализ. Зачастую мы имеем лишь весьма смутное представление о состоянии семейного цикла в момент переписи. Мы пытаемся угадать предшествующую и последующую фазы. Чтобы сформулировать общие выводы относительно различных групп домохозяйств, и определить их господствующий тип в рамках данной общины, страны или культурной зоны, необходимо располагать наблюдениями, рассредоточенными во времени. Чтобы успешно осуществить работу, подобную той, которую Мэрдок предпринял применительно к новому времени, и приписать каждому типу культуры определенный тип семьи, причем на протяжении веков, надо было бы, чтобы исследователи могли посредством серии близких переписей проследить судьбу каждой семьи. Может быть, еще более рафинированные терминология и классификация позволили бы лучше решить эту задачу? Но какова бы ни была сложность системы, я не думаю, чтобы было возможно найти путь лучше, чем предложенный нами, учитывая, насколько недостоверны такие документы, как старинные поименные списки. Требуется значительные усилия, чтобы извлечь из этого источника точные данные об эволюции структуры домохозяйств⁴.

⁴ Особое значение для принятой нами новой системы классификации домохозяйств имела работа Луи Анри «Manuel de démographie historique», 1967, особенно параграф из гл. 2, посвященный домохозяйствам. Автор рассматривает супружескую связь, как первоначальную, но обозначает супружескую семью термином «ядро». Мы также используем это название. Л. Анри классифицирует не семейные единицы, а глав семей, так что очень важное разграничение простых и расширенных домохозяйств, с одной стороны, и сложных домохозяйств — с другой, зависит от числа глав семьи. Различия в классификациях не были бы существенными, если бы Анри не рассматривал вдовца, возглавляющего список, также как составляющего самостоятельное ядро, тогда как для нас он только глава семьи, не входящий в семейное ядро в собственном смысле, независимо от того, имеются дети или нет. В итоге Анри видит сложное домохозяйство там, где мы усматриваем просто расширенную восходящую семью. Он рассматривает вдовцов, живущих в домохозяйстве, как зависимых индивидов, а не как глав семьи. Необходимо помнить об этом различии при чтении работ европейских исследователей, придерживающихся классификации Л. Анри.

Иногда, однако, мы располагаем, даже в Европе, очень близкими друг к другу переписями⁵. Это дает возможность точно сравнить состояние одних и тех же домохозяйств. Так, например, обстоит дело с Японией эпохи династии Токугава. Тем не менее такие серии — не больше, чем собрание фотографий, а не живые свидетельства. Само неудобство нашей схематической системы анализа высвечивает общую ограниченность нашего исследования. Мы вынуждены говорить о неподвижных ситуациях, тогда как в действительности речь идет о развивающихся свойствах.

III. ДОМАШНИЕ ГРУППЫ И ЖИЛИЩЕ

До сих пор мы рассматривали больше внутренние отношения между членами семьи, чем ее жизненные границы и отношения с внешним миром. Нам остается еще исследовать группы, не имеющие семейной структуры, и людей, которые, находясь внутри домашней группы, не имеют родственных связей с другими ее членами. Несемейные группы, главным образом члены институциональных общин, упоминаются переписчиками чаще всего вместе с остальными обитателями и иногда, к сожалению, не отделены от них четко. Поэтому необходимо вначале сформулировать определенные позиции, позволяющие рассчитать средний размер домохозяйств с некоторой точностью. Простейшая форма этого расчета — выяснение соотношения числа упомянутых жителей и числа выделенных домохозяйств. Это дает материал хотя бы для самых грубых сопоставлений.

Детальные расчеты среднего размера домохозяйств содержатся в гл. 4 Н. Ф. Р. Т., где мы прямо используем данные, относящиеся к Англии. Здесь мы рассмотрим принципиальные проблемы, в частности проблему связей между домохозяйством и занимаемым им пространством. Чтобы подойти к этой проблеме, бросим взгляд на табл. 1.

⁵ Существуют две серии поименных списков во Франции (городки Аллин и Лонгнесс в департаменте Па-де-Кале в XVIII веке) и, очевидно, еще одна серия — в Италии.

Домохозяйство и жилище. Жильцы, съемщики и жилище

Мы уже говорили о том, что индивиды, живущие изолированно, не составляют супружескую ячейку, хотя они и рассматриваются как домохозяйство. Это не зависит от семейной структуры их домохозяйства, так как домохозяйство не структурировано. Однако это зависит от совсем другого критерия, а именно от их жилища. Как только составитель поименного списка указывает, что индивид живет отдельно и независимо от всякого другого домохозяйства, мы считаем, что он хотел этим сказать, что в жилище, занимаемом этим единственным индивидом, нет другого жильца. Представляется полезным придать слову «жилище» (*dwelling, habitation*) узкий, технический смысл, а именно четко ограниченное жизненное пространство, занимаемое домохозяйством. Это жилище большей частью занимало объем, ограниченный даже у одинокого индивида четырьмя стенами отдельного дома, по крайней мере в Англии и английской деревне. Представляется, что так обстоит дело и в других регионах. Однако жилищем может быть также квартира в доме или любом другом строении, в котором могут быть и другие помещения, жилые или предназначенные для иных целей.

Тогда возникают следующие вопросы. Если индивид, живущий отдельно, или любой другой глава домохозяйства сдает жилье одному или нескольким жильцам (*locataires*), рассматриваются ли они как члены домохозяйства? Если нет и, как указывает изначально само слово «жилец», здесь нет другой связи, кроме проживания под одной крышей, то как определить структуру и состав домохозяйства, включающего хозяев и жильцов? Как определить отношения, существующие между домохозяйствами, обитающими в одном доме?

С введением термина «пансионер» (*boarder, pensionnaire*) или «гость» (*visiter, visiteur*), или «временный жилец» (*résident temporaire*, английское *sojourner* — редкое слово, относящееся к временному пребыванию), проблемы, поставленные совместным проживанием в домохозяйстве, приобретают другой аспект. Но смысловые различия между этими словами чрезвычайно трудно определить в поименных списках даже при помощи дополнительных данных. На основании опыта наших ис-

следований мы пришли к выводу, что трудности точного определения структуры домохозяйства, по крайней мере в отношении Европы, чаще всего вызываются именно наличием этих индивидов, находящихся в случайной, а не в постоянной связи с домохозяйством. Это показал уже Грегори Кинг в своей работе, обозначив данную категорию как «посторонние сожители» (inmates). Мы идем тем же путем. Многочисленные лица, составляющие часть домохозяйств второй категории, выделенной в табл. 1 (домохозяйства, не имеющие строго определенной семейной структуры), связаны отношениями этого типа, хотя совместно проживающие братья и сестры или более отдаленные родственники могли составлять более стабильные группы, чем просто посторонние сожители. Очевидно, необходимо найти понятие, выражающее связь между такими индивидами и их связь с супружеской группой или домохозяйством, с которыми они совместно проживают. Очевидно также, что это понятие должно иметь нейтральный, условный в юридическом смысле, характер. Ибо, хотя слово «жилец» может указывать на связь иного типа, чем та, которая наблюдается внутри супружеской семьи или домохозяйства, не следует вследствие этого априори исключать этот тип связи. При наличии дополнительных сведений может оказаться, что жильцы в действительности были родственными лицами, платившими за наем, или же что пансионеры были родственниками, платившими за пристанище и стол. При анализе английских документов иногда обнаруживается, что близкие родственники — дети, живущие в доме после женитьбы, или же пожилые родители, живущие поблизости от детей, — могли рассматриваться просто как посторонние сожители. Они-то и создают большие семьи и сложные домохозяйства в нашей стране, потому что именно их присутствие внутри домохозяйства формирует эту категорию всегда в зависимости от *семейной*, а не от экономической связи с главой домохозяйства.

Хотя такие случаи и редки и не следует преувеличивать значение вызываемых ими трудностей, очень важно не упускать их из вида; наша терминология и система классификации не игнорируют подобные факты. Это относится также к неточностям, связанным с домохозяйствами, находящимися в одном и том же доме. Такое соседство может скрывать существование сложных, но

невыраженных связей между домохозяйствами, которые нельзя угадать через общность имени или же какую-либо иную общность.

Дом, строения. Совместное проживание

Чтобы сохранить «условный» характер понятия и охватить все возможные сочетания, мы воспользуемся термином «дом» (*houseful, maisonnée*). Он обозначает всех индивидов, занимающих одни и те же строения (*premises, locaux*). В нашей терминологии «строения» — это совокупность жилых помещений, заключенных в одном здании, а иногда в некотором числе смежных зданий, например, в Западной Европе — ферма, двор которой окружен обитаемыми помещениями, или в Африке — совокупность хижин. Жилище (*dwelling, habitation*), как мы отмечали, есть пространство, занимаемое домохозяйством; строения заняты «домом», а «дом» (с его возможными приращениями) занимает всю совокупность строений.

Рассмотрим детальнее, каково положение совокупности домохозяйств, обитающих в одном здании. Если группы четко отделены друг от друга, то их анализ не сложнее, чем в случае с отдельно располагающимся домохозяйством. Но поскольку все сожители, проживающие в одном здании, соответствуют первому, наиболее важному критерию, который мы определили для анализа семейной группы сожителей, а именно критерию местожительства, никогда не следует исключать возможности связи между ними. Отношения между группами, проживающими в одном и том же здании, могут существовать, выражая некоторую родственную связь между индивидами.

Например, по данным, которые приводит М. Андерсон, в Престоне в 1851 г. в период индустриализации пятая часть домохозяйств, живущих в одном здании, были родственными, и, вероятно, так обстоит дело с половиной домохозяйств, живущих в составе деревенских домов⁶. Но обнаружить подобные связи в документах эпохи, предшествующей переписям, весьма трудно. Некоторые поименные списки, например в переписи 1851 г., указывают и разграничивают как дома, так и домохо-

⁶ Н. Ф. Р. Т., гл. 7.

зайства, но никогда не уточняют родственные связи внутри самих домов. К сожалению, техника анализа, которой в настоящее время располагает историческая демография, позволяет определить лишь некоторые родственные связи между домохозяйствами внутри общин. Поэтому вполне возможно, что сами дома представляют нечто вроде семейной ассоциации, даже в том типичном случае, когда они не отделены друг от друга в списках.

В одном из списков, анализировавшихся в нашем исследовании, дома указаны таким образом, что можно с помощью терминологии семейных связей и дополнительных сведений понять, хотя и не абсолютно достоверно, как распределяются домохозяйства внутри этих домов, и увидеть внутри списка дома границы каждого домохозяйства. Речь идет об очень важном поименном списке православных жителей Белграда в 1733 и 1734 гг., анализ которого дан П. Ласлеттом и М. Кларком⁷. Если сравнить его с документами Э. Элена⁸, то обнаруживается чрезвычайная важность того, чтобы термин «дом» не был узким; отсюда наше линейное, а не закрытое схематическое изображение (см. графики).

В Льеже в 1801 г. в 200 зданиях обитало по пять и более домохозяйств. Почти не вызывает сомнений, что речь идет о жилищах, где между домохозяйствами трудно предположить существование связей семейного типа в одном и том же здании. Тем не менее можно полагать, что некоторые из этих групп зданий в действительности представляли собой сложное домохозяйство, состоящее из пяти супружеских семей или семей другого типа. В Белграде, наоборот, из документа и сербской терминологии семейных связей следует, что 39 домохозяйств среди групп людей, живущих в одном здании (*dom*), в действительности были сложно-семейными домохозяйствами, или *задругами*, как их называют в этом обществе. Мы их представили так, как они описаны, но мы не можем исключить возможность того, что внутри здания могли быть *задруги*, даже когда они и не описаны в качестве таковых.

Вероятно, и в Льеже, и в Белграде структура домохозяйства более сложна, чем это рисует документ. Сложность домохозяйств, несомненно, больше недооце-

⁷ Н. Ф. Р. Т., гл. 15.

⁸ Н. Ф. Р. Т., гл. 13.

нивается в Белграде, чем в Льеже, причем эта недооценка в обоих городах касается преимущественно наиболее обширных и сложных групп, т. е. как раз наиболее интересных. Отсюда вновь следует полезность условного термина «дом». Приведенные примеры еще раз показывают, насколько мало знает историк относительно связей, объединяющих домохозяйства, и особенно относительно проблем местожительства (accommodation, logement). Мы не знаем, в какой мере члены соседних домохозяйств выбрали свое местожительство по причине родства или же соседство сложилось случайно. По правде говоря, мы вообще не знаем, какое воздействие местожительство оказывает на структуру домохозяйств.

IV. СХЕМА ГРАФИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР

Разумеется, было бы односторонностью принимать положение, характерное для Англии в определенный период ее истории, за универсальную во времени и в пространстве модель. Но необходимо, чтобы сравнение опиралось на знание истоков. Рассмотрим, какие обстоятельства привели нас к этому отправному пункту. Читатель, который терпеливо прослеживал ход приведенного ранее анализа, иногда довольно скучного, уже овладел всей совокупностью обозначений, содержанием и смыслом применяемых нами категорий. Все это было необходимо, составляло предварительный этап работы по структурному анализу домохозяйств на основании исторических документов, в особенности поименных списков жителей, оставляя возможность для использования других данных.

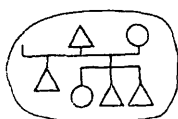
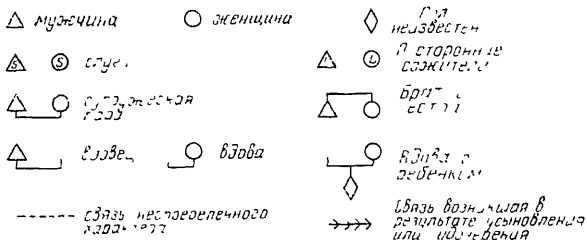
Преимущества графического изображения

Вначале мы попытались объяснить сущность нашей системы классификации в словесной форме. Система графического изображения делает предмет более доступным.

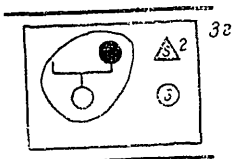
Взяв данные относительно французской деревни Монплезан (Montplaisant) и Нишиномия (Nishinomiya) в Японии, изученные соответственно Ж. Н. Бирабеном и Ч. Накане⁹, мы графически изобразили состав каждо-

⁹ Н. Ф. Р. Т., гл. 8, 19.

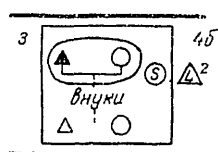
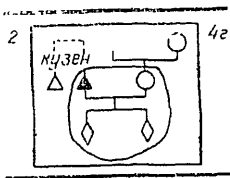
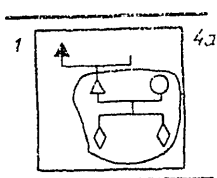
Условные обозначения



Нуклеарные семьи (заметьте повторный брак во втором примере).
Примечание. Семейное ядро очерчено кругом.



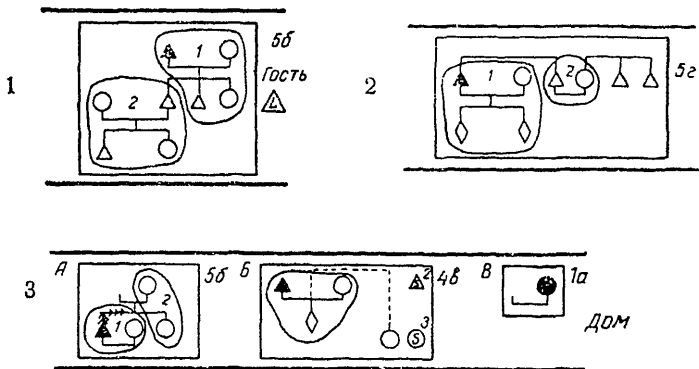
Простые семейные домохозяйства.
Примечание. Домохозяйство очерчено прямоугольником. Две параллельные линии символизируют дом.



Расширенные семейные домохозяйства.

1. Восходящее.
2. Нисходящее и боковое.
3. Нисходящее с посторонними сожителями

Примечание. Когда источник указывает на родственников, а связь не может быть достаточно достоверно установлена, воспроизводится терминология источника и связь указывается пунктиром.



Сложные семейные домохозяйства.

1. Пронумерованные группы (основная и вторичная) с одним сожителем, о котором документ уточняет, что речь идет о госте.

2. Братство.

3. А. Сложное семейное домохозяйство с вторичной восходящей группой и связью, возникшей в результате усыновления или удочерения.

Б. Домохозяйство, расширенное за счет родственников по боковой линии семьи с двумя лакеями, тремя горничными и одной женщиной-родственницей, проживающей совместно и связанной с ядром (без указания степени родства).

В. Вдова, проживающая в одиночестве.

го домохозяйства в этих двух общинах, как он предстанет в поименных списках. Эти рисунки ясно показывают, кто жил в каждом домохозяйстве, и можно отразить в них дополнительные характеристики отдельных индивидов. Эти графики могут оказаться полезными не только для обобщения документов, изученных под тем же углом зрения, но и для возврата к самому источнику, исходному документу, если в этом возникает потребность. Применение этих идеограмм в конечном счете позволяет достичь большей точности и концептуальной ясности в разработке модели анализа, а воспринимать их легче, чем любой описательный текст.

Таблица 1. В данной таблице мы не иллюстрировали случаев, необычных для европейцев, например семейных структур, основанных на полигамии. Мы сохранили некоторые словесные обозначения для индивидов, которые не фигурируют в списках и которых приходится вносить дополнительно (в этом случае необходимо записывать «кузен», «внук», а связь обозначается пунктиром; см. графики). В таблице представлены только лица, указанные в поименных списках.

Хотя предложенная система требует дальнейшей разработки, она, как нам кажется, весьма необходима для сравнительного анализа.

Таблицы 5 и 6. Эти две таблицы, резюмирующие наши знания о составе домохозяйств в десятке различных стран, хорошо иллюстрируют смысл предложенного нами метода, хотя речь идет пока только о первых результатах. Наши важнейшие общие выводы таковы:

1. Нуклеарная семья с супружеским ядром решительно преобладает во всех изученных общинах, за исключением Японии.

2. Сложные домохозяйства (категории 4 и 5) везде, за исключением Японии, составляют меньшинство. Это положение становится, однако, отчасти дискуссионным, если рассматривать циклическую эволюцию домохозяйственной группы во времени, когда обнаруживаются контрасты между Западной Европой и остальным миром, и даже между Англией и Францией. Колониальная Америка также отличается от других стран.

3. Именно расширение домохозяйств в нисходящем направлении часто порождает их усложнение; в Англии оно происходит в результате более частого совместного проживания внуков с дедами и бабушками, чем с собственными родителями или же в результате проживания племянников и племянниц у теток и дядей. Майкл Андерсон прокомментировал это явление в своей интересной работе о Ланкашире в XIX веке¹⁰. Наши данные показывают, что эта форма семейного сожительства предшествует индустриализации.

4. Не существует, видимо, явной корреляции между

¹⁰ M. Anderson. Family Structure in 19th Century. Lancashire Cambridge, 1971.

Состав домохозяйств: типы и подтипы

Типы	Подтипы	С при- слугой	Без прислу- ги
1. Одинокие	а) вдовцы б) холостые или с неопределенным супружеским статусом		
2. Домохозяйства без семейной структуры	а) родственники, проживающие совместно (братья и сестры) б) сожители, связанные иным образом в) индивиды без явных связей		
3. Простые семейные домохозяйства (simple family households)	а) супруги б) супруги с детьми в) вдовцы с детьми г) вдовы с детьми		
4. Расширенные семейные домохозяйства (extended family households)	а) восходящая б) нисходящая в) с родственниками по боковой линии г) восходящая и с родственниками по боковой линии		
5. Сложные семейные домохозяйства (multiple family households)	а) вторичное восходящее ядро б) вторичное нисходящее ядро в) боковые ядра г) братства д) прочие		
6. Домохозяйства с неопределенной структурой, содержащие некоторые родственные связи*			
Корневые семьи (stem families, famille souche)	5б		
Братства (frères)	5б + 5а		
	5б + 5а + 4а		
	5г		
	5г + 5в		
	5г + 5в + 4в		
	5г + 5в + 4в + 2а		

* Мы проводим различие между категорией 2в, где члены домохозяйства не имеют родственных связей, и категорией 6, где некоторые члены могут иметь между собой семейные связи, но структура целого неопределенна.

Средний размер домохозяйств, чел.

	Англия, 100 деревень, 1574—121 гг.	Англия, Миддлсекс, 1599 г.	Франция, Лонгнесс, 1778 г.	Сербия, Белград, 1733—1734 гг.	Япония, Нишномия, 1713 г.	Колониальная Америка, Род-Айленд, 1689 г.
Население		427	333	972	653	421
Число домохозяйств		86	66	178	132	72
Средний размер домохозяйств	4,75	4,75	5,05	4,90*	4,95	5,85
Крайние размеры домохозяйств	1—50	1—23	1—15	1—16	1—12	1—15
Дисперсия	6,40	9,90	6,87	7,97	5,97	8,45
Медиана	4	4	4	5	5	6
Средний размер домохозяйств, взвешенный по числу жителей**	6,10	6,81	6,39	6,91	6,14	7,30
Дисперсия	7,57	7,89	8,89	11,14	6,05	8,34
Медиана	7	9	9	8	8	9

* Средний размер «дома» равен 7,14.

** При исчислении этого показателя размеры домохозяйств взвешиваются по числу жителей данной общины, принадлежащих к домохозяйствам разных размеров (в отличие от приведенного в третьей строке показателя, при исчислении которого в качестве весов взято число домохозяйств).— *Примеч. ред.*

средним размером домохозяйств в данной общине и сложностью структуры этих домохозяйств. Вот почему любой вывод относительно структуры домохозяйств, если он базируется на показателях размера, неприемлем.

5. Наиболее удивительный результат дает табл. 6, где обнаруживается, что структура домохозяйств усложнилась с наступлением индустриализации. В Паддлтауне сложность растет в 1850—1870 гг. и затем уменьшается. Это не подтверждается в полной мере другими примерами. Три изученных английских поселения (Паддлтаун, Ардлейг и Клейуорт) целиком относятся к сельскому типу, два (Чилверс Котон и Бильстон) — центры рудной и ремесленной промышленности, сохраняющие в то же время элементы сельской жизни вплоть до начала индустриализации. Корф Кастрл — деревня, но ее жители всегда работали в каменоломнях. Илинг, который в XVI веке был деревней, с 1851 г. является предместьем Лондона. Контраст с Йокуши в префектуре Сува в таблице совершенно очевиден.

Состав домохозяйств

	Англия, 100 деревень, 1574—1821 гг.		Англия, Илинг, Мид- длсекс, 1599 г.		Франция, Лонгнесс, 1778 г.		Сербия, Белград, 1733—1734 гг.		Япония, Нишиномия, 1713 г.		Колониальная Америка, Бристоль, Род Айленд, 1689 г.	
	в сред- нем	%	в сред- нем	%	в сред- нем	%	в сред- нем	%	в сред- нем	%	в сред- нем	%
Число индивидов:												
главы семьи или супруги глав домохозяйств	1,63	34	1,71	36	1,72	34	1,83	37	1,63	33	1,94	33
Число детей в домохозяйстве (не считая детей родствен- ников)	2,03	43	1,64	34	2,36	47	1,57	32	1,96	40	3,07	52
Число родственников	0,16	3	0,13	3	0,33	6	0,61	12	1,16	23	0,06	2
Число слуг	0,63	13	1,27	27	0,64	13	0,51	10	0,20	4	0,78	13
Число посторонних сожителей	0,07	2	0		0		0,01		0		0	
Лица, связь которых с домо- хозяйством не определена	0,23	5	0		0		0,37	8	0		0	
Всего	4,75	100	4,75	100	5,05	100	4,90	99	4,95	100	5,85	100

Состав домохозяйств по типам

Типы домохозяйств	Англия, Илинг, Миддлсекс, 1599 г.			Франция, Лонгнесс, 1778 г.			Сербия, Белград, 1733—1734 гг.			Япония, Нишиномия, 1713 г.			Колониальная Америка, Бристоль, Род Айленд, 1659 г.		
	с прислужной	без прислужной	%	с прислужной	без прислужной	%	с прислужной	без прислужной	%	с прислужной	без прислужной	%	с прислужной	без прислужной	%
1. Одинокие 1а	1	3		0	0		0	2		0	1		0	0	
1б	1	5	12	1	0	1	2	2	2	0	8	7	1	4	7
2. Домохозяйства без семейной структуры 2а	0	0		1	2		0	0		0	3		0	0	
2б	0	0	2	0	0	6	0	0	2	0	0	2	0	0	0
2в	1	1		1	0		0	5		0	0		0	0	
3. Простые семейные домохозяйства 3а	6	4		1	7		7	37		0	3		1	4	
3б	14	31	78	4	28	76	25	92	67	6	33	43	19	40	90
3в	1	1		1	1		0	3		0	5		0	0	
3г	0	9		2	6		1	18		1	9		0	1	
4. Расширенные семейные домохозяйства 4а	1	0		1	4		3	15		1	19		0	0	
4б	1	1		0	0	14	1	5	15	0	5	27	2	0	3
4в	2	0		1	2		4	12		1	7		0	0	
4г	0	1		0	1		0	0		0	2		0	0	
5. Сложные семейные домохозяйства 5а	0	0		0	0		2	7		3	3		0	0	
5б	1	0		0	2		5	8		4	16		0	0	
5в	0	0	2	0	0	3	0	5	14	0	1	21	0	0	0
5г	0	0		0	0		2	7		0	3		0	0	
5д	0	0		0	0		0	3		0	1		0	0	
Всего		85	100		66	100		273	100		132	100		72	100

Состав домохозяйств по типам в девяти странах (XVI—XVIII века)

	Англия, Илинг, 1599 г.	Франция, Лонгнес, 1778 г.	Германия, Леф- финген*, 1687 г.	Италия, Колор- ноч*, 1782 г.	Сербия, Белград, 1733—1734 гг.	Польша, Лесинка, 1720 г	Япония, Ниши- номиа, 1713 г.	Колониальная Америка, Бристоль, Род Айленд, 1689 г.	Швейцария, Аросс ин Мюль, 1779 г.
Типы домохо- зяйств, %									
1	12	1	1	8	2	1	7	7	8
2	2	6	1	0	2	1	2	0	1
3	78	76	85	73	67	93	43	90	77
4	6	14	5	9	15	5	27	3	11
5	2	3	5	11	14	0	21	0	3
6	0	0	3	0	0	0	0	0	0
Общее число домохозяйств	85	66	121	66	273	311	132	71	211
Средний раз- мер домохо- зяйства, чел.	4,75	5,05	5,77	4,16	4,90	5,39	4,95	5,85	5,25
Доля (%) больших до- мохозяйств (типы 4 и 5)	8	17	10	20	29	6	49	3	14
Доля корневых семей (ми- нимум и мак- симум, %)	2/4	3/11	4/8	8/18	5/15	0/5	13/33	0/0	1/11
Доля братств (минимум и максимум, %)	0/2	0/12	0/5	2/9	3/12	0/6	2/19	0/10	0/9

* Цифры, относящиеся к Леффингену, не бесспорны, во-первых, из-за наличия четырех неопределенных домохозяйств, во-вторых, из-за значительного числа лиц, классифицированных как дети и обозначенных в документе как *pueri* или *puellae*. Если бы речь в действительности шла о слугах, проценты в нашей таблице не варьировали бы; напротив, если все они или часть из них были живущие в семье, но не принадлежащие к ней дети, категория 4 была бы более значимой, а число больших домохозяйств более значительным. При этом число сложных домохозяйств не изменилось бы.

** Речь идет о выборочном изучении.

Состав домохозяйств по типам (Англия и Япония, XVI—XIX века)

	Паддлтаун					Илинг			Клейурт			Чилверс Котон	
	1724—1725 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1599 г.	1851 г.	1861 г.	1676 г.	1688 г.	1851 г.	1684 г.	1851 г.
Типы домохозяйств, %													
1	7	4	3	7	6	12	8	6	8	7	9	6	6
2	4	5	3	4	4	2	4	5	0	1	5	4	5
3	79	78	78	69	73	78	75	67	83	85	64	80	73
4	8	11	14	18	16	6	12	19	9	7	17	8	13
5	1	1	1	2	1	2	1	2	0	1	4	1	3
6	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0
Общее число домохозяйств	151	261	257	271	248	85	248	209*	93	91	128	177	570+
Средний размер домохозяйства, чел.	3,97	4,91	1,77	4,89	1,46	4,75	4,86	4,50	4,09	4,49	4,21	4,41	4,95
Доля (%) больших домохозяйств (типы 4 и 5)	9	12	15	20	17	8	13	21	9	8	21	9	16

Продолжение

Бильстон			Корф Кастл			Ардлейг		Колитон		Япония, Иокushi (Сува)			
1695 г.	1851 г.	1861 г.	1790 г.	1851 г.	1861 г.	1796 г.	1851 г.	1851 г.	1861 г.	1676 г.	1746 г.	1823 г.	1846 г.
4	2	2	12	7	7	2	2	9	7	0	0	4	12
7	2	4	4	4	2	3	5	3	3	0	4	0	9
69	76	81	76	74	76	83	78	70	74	48	47	40	39
11	15	12	8	14	14	10	14	16	14	0	21	28	14
1	5	1	1	1	1	2	0	2	3	52	23	28	25
7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
192	329*	264 ¹	272	513	297*	210	366	342	447*	27	76	98	107
5,19	5,14	4,30	4,84	4,72	4,31	5,48	4,75	4,94	4,48	7,01	5,54	5,14	4,4
12	20	13	9	15	15	12	14	18	17	52	49	56	39

Примечание. Цифры со звездочкой означают результаты выборочного изучения. В Паддлтауне в 1724—1725 гг. наиболее важные домохозяйства опущены в списке. В Чилверс Котон в 1684 г. цифры слишком малы, вероятно, что число больших домохозяйств (типы 4 и 5) превышало 9%. По Бильстону данные уже более удовлетворительны. По Ардлейгу, Илингу и Корф Кастлу документы хороши, но документы, относящиеся к Клейурту в 1676 и 1688 гг., безусловно, лучшие из тех, которыми мы располагаем о данной эпохе.

Таблица 7

Домохозяйства по поколениям, проживающим совместно

	Англия, 100 де- ревень, 1574— 1821 гг.	Англия, Илинг, Миддл- секс, 1599 г.	Фран- ция, Лонг- несс, 1778 г.	Сер- бия, Бел- град, 1733— 1734 гг.	Япония, Ниши- номия, 1713 г.*	Коло- ниаль- ная Аме- рика, Грис- толь, Род Айленд, 1699 г.
	%	%	%	%	%	%
1. Только с представи- телями поколения гла- вы домохозяйства	23,8	28	17	23	12/18	14
2. а) с детьми главы домохозяйства б) с родителями гла- вы домохозяйства	70,4	69	76	66	50/52	83
3. а) с детьми и внука- ми главы домохо- зяйства б) только с внуками в) с детьми и роди- телями главы до- мохозяйства г) другие сочетания из трех различных поколений	5,8	2	8	9	38/30	3
4. С четырьмя комбини- рованными поколения- ми	0	0	0	0	0	0
Состав по поколениям неизвестен	0	1	0	1	0	0
Всего	100	100	101	99	100·100	100
Число домохозяйств		85	66	273	132/87	72

* Во втором подсчете исключены домохозяйства, имеющие адаптирован-
ных членов

Зденек Павлик

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Studia Demograficzne, 22/23, 1970.

Во всех исторических культурах можно видеть циклическую эволюцию: первый этап развития общества сопровождался повышенным ростом населения, второй этап — упадком общества, регрессом и уменьшением численности населения вследствие войн, эпидемий и т. п., третий этап — поисками равновесия и более или менее продолжительной стагнацией (застоем). Ясно, что здесь дана лишь общая схема. Каждый новый этап стагнации находился на совершенно другом уровне, а отдельные этапы никогда не были «чистыми» с точки зрения этой схемы, и лишь с течением времени их можно было выявить более точно.

Не случайно, я полагаю, все цивилизации, у которых можно наблюдать указанный цикл, основаны на развитии сельского хозяйства. Крупные государства возникали обычно в областях, особенно удобных для сельскохозяйственного производства. Его более высокая интенсивность в этих областях была зачастую основана на помощи государства (ирригация и т. п.). Такая система связывала людей с государством, вызывала повышенное обложение налогами, что сковывало развитие личной инициативы, необходимой для любого прогресса. Здесь намечается уже первый шаг к возникновению деспотической власти.

Весьма вероятно, что социальные последствия такого сельскохозяйственного производства имел в виду К. Маркс, когда говорил об азиатском способе произ-

© *Studia demograficzne, 22/23, 1970.*

водства. Азиатский способ производства предполагает максимально благоприятные условия для успешного развития земледелия, но до известных пределов. Каковы же эти пределы? Сельское хозяйство удовлетворяет основную потребность человека — дает ему продовольствие. Но именно поэтому шкала потребностей, которые могут быть удовлетворены, очень ограничена. Ограничено и использование сельскохозяйственных продуктов на другие цели (не связанные с пропитанием населения), потому что подобное их использование ведет к снижению численности населения, которое может существовать на данной территории. Слабая дифференцированность материальных потребностей имеет своим следствием слабую дифференцированность человеческого мышления, особенно в отношении техники. Все это ведет к тому, что на ранних этапах истории особенно велика роль географической среды и воспроизводства населения как активных факторов с большим весом в историческом процессе.

Историки часто рассматривают в качестве самых важных рубежей в истории человечества сельскохозяйственную революцию в неолите и промышленную революцию последних столетий (А. Чиполла, Г. Чайлд). С экономической и социальной точек зрения это верно. Но с точки зрения самого существования человечества не менее важным рубежом я считаю демографическую революцию. Впервые этот термин применил А. Ландри (1934 г.) — возможно, по аналогии с промышленной революцией.

* * *

Каковы условия, приведшие к демографической революции? Эти условия возникли в период европейского феодализма. Произошла большая дифференциация потребления, расширился интерес людей к продуктам природы, прежде почти исключительно связанный с получением продовольствия. В результате значение «количества природы» повысилось в сравнении со значением «количества людей», что привело к увеличению оптимального населения (эти вопросы исследованы в трудах Альфреда Соби). Развитие производительных сил вызвало большое повышение производительности труда. Только в сельском хозяйстве она (по различным оценкам) увеличилась за последние 2—3 века в 10—20 раз. Население, высвободившееся из сельского хозяйства,

нашло работу в других отраслях производства, где производительность труда выросла еще больше.

Быстрый рост населения в этих условиях перестал быть угрозой экономическому развитию и даже, наоборот, способствовал его ускорению. Способствуя ускорению также и в социальной жизни, этот быстрый рост населения стал революционной силой. Таким образом, еще в недрах феодального строя он представлял собой один из важных факторов промышленного и общественного развития.

Изменения в материальных условиях жизни людей не могли не отразиться на общественном положении отдельных лиц. Если феодализм основан еще на прочной иерархии значений ценностей и градаций привилегий отдельных лиц, в которой каждому отведено отдельное место, то капитализм эту иерархию устраняет и создает вместо нее другую, основанную лишь на «экономической цене» человека, что предполагает, однако, освобождение человека в политическом отношении. По сравнению с феодализмом прогресс заключается в том, что «признан, по крайней мере, принцип свободы...»*.

Все производственные системы, предшествовавшие капитализму, не побуждали преобладающую часть населения задуматься над своим собственным положением хотя бы в том смысле, чтобы искать выхода из него, стремиться к обеспечению своего личного существования и существования своей семьи. Поэтому также и революции прошлого, находившиеся под влиянием хилиастических** идеологий, направленных зачастую в своем конкретном виде против неизбежного прогресса, не могли достигнуть прочного успеха. Совершенно иное положение возникает только после Великой Французской революции, которая окончательно ликвидирует вековую общественную иерархию и дает каждому человеку возможность большего влияния на решение своей судьбы и судьбы его семьи.

Все это, конечно, не могло не оказать влияния на воспроизводство населения. Демографическую революцию часто характеризуют только признаками, поддающимися количественному выражению. Это прежде всего

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 412.

** Т. е. основанных на вере в грядущее наступление «царства божьего» на земле.— *Примеч., ред.*

существенное снижение рождаемости, смертности и повышение средней продолжительности жизни. Такие характеристики, однако, оставляют в тени то, что демографическая революция является частью многостороннего исторического процесса, причем она не есть пассивный продукт этого процесса, а играет в нем свою самостоятельную и важную роль. Все это хорошо видно при анализе взаимоотношений промышленной революции, урбанизации и демографической революции. Я полностью согласен с тем, что промышленная революция, будучи одной из основ всего современного исторического процесса, *conditio sine qua* поп дальнейшего развития экономического и социального, является, однако, продуктом лишь последних веков. Урбанизация же — процесс значительно более давний. Уже там, где было развито интенсивное сельскохозяйственное производство, возникали значительные городские центры с культурными и административными функциями. В зачаточном виде в этих городах проявляется то, что типично лишь для демографической революции: сознательное ограничение деторождения в семьях (конечно, лишь у небольшой части населения — греческие города, имперский Рим). Также и в XVIII и XIX веках мы видим, что демографическая революция не является продуктом промышленной революции, а возникает в некоторых странах значительно раньше.

В Европе демографическая революция начинается прежде всего во Франции, которую на рубеже XVIII и XIX веков никак нельзя было считать промышленной страной. То же можно сказать и о Скандинавских странах. Отдавать себе отчет в этом факте чрезвычайно важно с точки зрения оценки возможностей осуществления демографической революции в развивающихся странах.

Каковы же необходимые предпосылки демографической революции?

Весьма коротко их можно свести к двум пунктам: устранение угрозы голода для решающей части населения, что создает условия для перенесения интереса с обеспечения продовольствием на другие области, и свойственное капитализму обеспечение формальных политических свобод личности. Создание этих двух предпосылок открывает возможности для дальнейшего развития. Истолковывая снижение рождаемости и смертности в европейских странах, отдельные авторы форму-

лировали теории, которые на первый взгляд значительно отличаются друг от друга. В этих теориях мы не находим трактовки демографической революции как широкого стохастического социального процесса, имеющего свои особенности в отдельных странах при решающем значении общих тенденций. Возьмем, к примеру, хотя бы положение во Франции и Англии в течение XIX века: быстрое, полное противоречий развитие английской промышленности при классической форме первоначального накопления и быстром росте городов в сравнении с развитым уже в конце феодализма сельским хозяйством и со значительными трудностями в проведении индустриализации во Франции. Естественно, что столь различные конкретные условия должны были найти отражение и в положении населения, равно как и в ходе демографической революции.

Причины снижения смертности и удлинения средней продолжительности жизни можно указать сравнительно легко. Это прежде всего революция в медицине, необходимое оздоровление быстро растущих городов, где плохие условия жизни (особенно населения, переселявшегося из сельских местностей) служили источником опасных эпидемий и, наконец, в случаях последующего снижения рождаемости в семьях, повышенная забота о тех детях, которые родились по желанию. Что касается причин снижения рождаемости, то их надо искать с учетом ряда обстоятельств. Прежде всего речь идет об изменении положения детей в обществе. В прежние времена дети уже с раннего возраста были рабочей силой, что сохранялось еще и в первый период развития капитализма. Поэтому больше либо меньшее количество детей в семье не могло существенным образом оказывать влияния на жизненный уровень данной семьи, особенно в тот период, когда жизненный уровень был столь низким, что фактически давал возможность обеспечения лишь необходимыми продуктами питания. Однако позднее вводится законодательство, запрещающее применение детского труда и делающее обязательным посещение школ. Расходы на воспитание детей быстро повышаются. Такое положение, конечно, начинает ощущаться и в семьях, и уменьшение числа детей в семье может существенным образом способствовать повышению ее жизненного уровня. Другая теория пытается объяснить снижение рождаемости стремлением обеспечить детям

лучшее общественное положение. Если связать заботы о лучшем будущем детей со стремлением к улучшению условий их жизни в настоящем, то эта теория представляет собой, по существу, лишь развитие предшествующей. Наибольшее распространение получила так называемая теория материального благосостояния. Она исходила из того наблюдаемого факта, что меньшее количество детей имеется по преимуществу в более зажиточных семьях. Мы не станем, естественно, утверждать, что их более высокий жизненный уровень есть непосредственное следствие меньшего количества детей, хотя такое обратное влияние и может иметь место. Но главное заключается в том, что, как известно, интенсивное стремление к повышению своего жизненного уровня в семьях с его более низким уровнем, как правило, наблюдается не в такой степени, как в более зажиточных семьях. Здесь проявляется тот известный факт, что с ростом удовлетворенных потребностей еще более быстро растут потребности неудовлетворенные.

Некоторые объяснения причин снижения рождаемости выводятся из сугубо специфических явлений и подтверждают лишь известный факт, что исторический процесс, частью которого является демографическая революция, будучи нераздельным и комплексным, имеет множество самых разнообразных аспектов. Таково прежде всего объяснение снижения рождаемости урбанизацией. Несомненно, что в большинстве стран это снижение ощущается главным образом в городах, хотя существуют и редкие исключения в богатых сельскохозяйственных областях, где стремление к сохранению целостности имущества приводит к ограничению числа детей в семье. Это объяснение, помимо прочего, исходит также из того, что снижение рождаемости не есть, по существу, феномен индивидуального порядка, а представляет собой явление сугубо общественное. Создается постепенно определенная общественная норма, которая затем оказывает влияние на семьи при планировании количества детей. Нельзя, однако, не видеть, что эта норма возникает как вторичное явление. Несомненно, процесс урбанизации имеет большое значение — повышает интенсивность взаимоотношений между людьми и является явно прогрессивным фактором; учет урбанизации чрезвычайно важен при изучении общественного развития. Можно было бы, конечно, найти и прямые связи

между демографическим развитием и различными жилищными условиями либо возможностями участия детей в производстве в городах и селах и т. д. Однако саму сущность демографических изменений непосредственно выявить таким образом не удастся.

Большое значение имеет, несомненно, расширение производства и продажи противозачаточных средств, однако и это влияние имеет лишь вторичное значение. Чтобы возникло производство этих средств, известных задолго до демографической революции, и чтобы они получили широкое распространение, необходимо прежде всего возникновение спроса на них. Еще одним очень важным фактором, с которым, насколько мне известно, до сих пор не была связана самостоятельная теория, объясняющая снижение рождаемости, является последовательная эмансипация женщины. Положение женщины вообще очень важно с точки зрения возможности осуществления демографической революции. Существуют, например, значительные различия между странами с преобладающим применением мужских или женских противозачаточных средств. Однако гораздо более важно то, что положение женщины характеризует общий культурный уровень страны, а в нем в конечном итоге находит обобщение вся проблематика анализа снижения рождаемости и смертности. В общем фактический рост материального и культурного уровней сопутствует демографической революции и взаимодействует с ней в процессе развития. Поэтому я говорю о ней как об одном из наиболее важных поворотных пунктов в истории человечества с точки зрения его будущего: представим себе, что было бы, если бы численность населения увеличивалась в той же степени, что и производство пищевых продуктов. Мы можем поставить перед собой вполне реальный вопрос: могла ли быть вообще осуществлена до конца промышленная революция, если бы не уменьшился, а, наоборот, возрос до биологически возможного количественный рост населения?

Демографическая революция — всемирный процесс. Результатом ее является такой способ воспроизводства населения и соответственно роста его численности, который не вызывает непосредственной угрозы дальнейшему экономическому и социальному развитию человечества. Важно осознать, что социализм не противоречит тенденциям демографической революции, а, наоборот, ус-

коряет процесс ее развития, создает возможности для более быстрого повышения жизненного уровня населения и освобождает человека не только формально, а создает для его освобождения и материальные предпосылки. Результатом демографической революции является, естественно, сознательный и плановый подход семей к вопросу о числе детей, а принимаемые ими решения обосновываются социальным, экономическим и культурным положением их страны, которое находит свое отражение в сознании отдельных семей.

Вполне понятно, что процесс демографической революции в отдельных странах протекает по-разному. В основном можно различать три типа протекания демографической революции и выделить в этом процессе два этапа. При первом типе — французском — уже на первом этапе происходит значительное снижение рождаемости и почти одновременное снижение смертности. Разница между рождаемостью и смертностью при этом настолько незначительна, что в стране не происходит бурного роста населения (так называемого «демографического взрыва»). Вторым основным типом является английский, который отличается от предыдущего главным образом иным ходом развития на первом этапе. На протяжении всего этапа здесь сохраняется высокая и относительно равномерная рождаемость при систематическом снижении смертности. И лишь на втором этапе происходит столь же быстрое снижение рождаемости. В общем здесь можно сказать, что чем больше демографическая революция запаздывает и чем выше рождаемость к началу второго этапа, тем быстрее происходит затем ее снижение. Для этого типа развития демографической революции характерен значительный демографический взрыв.

К двум приведенным типам следует добавить третий, который можно назвать японо-мексиканским. Он характерен тем, что на первом этапе здесь наряду с падением смертности наблюдается повышение рождаемости. Возникал даже вопрос: не является ли это повышение лишь результатом улучшения статистического учета рождений? В некоторых случаях это предположение имело известные основания, но в отдельных странах фактический рост рождаемости был доказан. Лишь на втором этапе происходит ее снижение, причем весьма значительное, и наряду с этим продолжается системати-

ческое снижение смертности. Разница между уровнями рождаемости и смертности при этом типе развития демографической революции велика, в результате чего происходит значительный демографический взрыв.

* * *

Каково значение концепции демографической революции? Демографическая революция не совершается в течение одного года, она занимает несколько десятилетий. В прежние времена она протекала с известными затруднениями и поэтому продолжалась даже более длительное время — иногда значительно дольше одного столетия. Лишь в последние десятилетия ход ее ускоряется до периода жизни двух поколений и имеет тенденцию к дальнейшему ускорению. В этом необходимо отдавать себе отчет, особенно тогда, когда в нашем распоряжении имеются данные лишь за несколько лет: на основании таких данных нельзя делать никаких выводов. Мы должны располагать более продолжительным временным рядом данных и прежде всего иметь возможность определить, каковы тенденции демографических норм. Специфической чертой периода демографической революции является то, что показатели рождаемости и смертности по отдельным странам резко меняются, прямая зависимость между ними нарушается, и создается впечатление, что в этом хаосе невозможно ориентироваться. Однако после демографической революции устанавливается новый порядок, наблюдается нормальное статистическое распределение показателей рождаемости и смертности и выявляется ясная тенденция неуклонного приближения к определенному среднему результату. Однако этот средний результат отнюдь не является неизменным, а по отдельным странам показатели характеризуются большими колебаниями в соответствии с конкретными условиями этих стран.

Страны, где демографическая революция уже прошла, находятся главным образом в Европе. Далее в эту группу стран входит большинство неевропейских государств с преобладанием населения европейского происхождения, как, например, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия. У всех этих стран уровни смертности следует отнести к числу низких (средняя продолжительность жизни, как правило, превышает 70 лет).

Оценку рождаемости в этих странах можно дать на основании следующей шкалы:

Коэффициент рождаемости, ‰	Оценка уровня рождаемости
до 17,5	низкий
17,5—19,9	средний
20,0 и выше	высокий

Большинство прочих стран мира находится в настоящее время в процессе осуществления демографической революции, а некоторые из них даже только перед ее началом. Поставим, однако, перед собой вопрос — возможно, один из самых важных с точки зрения всего сделанного по изучению демографической проблемы. Концепция демографической революции описывает закономерности развития населения на основе эмпирических материалов и их обобщения, иначе говоря, методом *ex post*. Можем ли мы на основании этой концепции делать какие-либо заключения по поводу будущего демографического развития тех стран, где демографическая революция еще не закончена или даже до сих пор еще не началась? Мы не будем сейчас исходить из того, что концепция демографической революции дает нам основания для сравнительно оптимистического взгляда на будущее человечества. Но она есть результат такого изучения демографической проблемы, смыслом которого (как и всякого научного изучения вообще) в конце концов является *savoir pour prévoir* (знать, чтобы предвидеть). Такое предвидение никогда не может быть абсолютно правильным и точным: в прошлом никогда не содержится все будущее. Сущность метода, на основании которого была построена концепция демографической революции, является статистической. Хотя этот метод больше всего отвечает реальному процессу, всегда стохастическому, его познавательные достоинства всегда «ниже», чем, скажем, метода прямой дедукции либо индукции или познания прямых каузальных отношений. Стало быть, если мы утверждаем, что демографическая революция произойдет во всех странах мира, то от строго объективного метода мы переходим в область веры, конечно, веры, основанной на достигнутом до сих пор уровне объективного познания. Эту «веру» (следует ли ее так называть? в глазах многих мы этим значительно ослабим достоверность наших заключений, но было бы

неверно не обратить внимание на эту реальность) — эту веру подтверждают два важных факта. Во-первых, до сих пор во всех странах, где созревали условия для демографической революции, она действительно происходила. Во-вторых, хотя концепция демографической революции была сформулирована исходя из эмпирического статистического материала, в настоящее время мы уже достигли способности характеризовать весьма правдоподобным образом каузальные отношения, которые проявляются в процессе этой революции (я попытался очень кратко сделать это при анализе приводящих к ней условий). Несомненно, правда, что до сих пор мы имели ограниченные возможности точного определения времени, которого потребует демографическая революция, и что в будущем могут произойти такие ее модификации, которые существенно повлияют, по-видимому, на всю концепцию

Тем не менее можно видеть значение этой концепции для дела анализа настоящего и будущего человечества. Отдавая себе полный отчет в важности проблем, стоящих перед человечеством в связи с чрезмерно быстрым ростом численности населения в развивающихся странах, я полагаю, что нет основания для панического настроения. Это, однако, не избавляет нас от обязанности приложить все усилия для оказания помощи развивающимся странам в целях достижения такого материального и культурного уровня, какой необходим для успешного осуществления демографической революции. Не обязательно, чтобы этот уровень был для всех одинаковым. Однако необходимо повсеместно достигнуть ликвидации голода, полного признания человеческого достоинства и обеспечения реальных перспектив развития личности и всего общества.

Хельдур Палли

**НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РАЗВИТИЯ СЕМЬИ В СТРАНАХ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
XVII—XIX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)**

В последние десятилетия в зарубежных историко-демографических исследованиях важное место отводится восстановлению истории семей (ВИС) по материалам приходских метрических записей, генеалогий и т. п. Метод ВИС был разработан французскими демографами Л. Анри, М. Флёри и другими¹, хотя отдельные идеи этого метода использовались и ранее².

Метод ВИС оказался весьма эффективным и позволил получить ценную информацию, существенно расши-

¹ См.: Fleury M., Henry L. Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris, 1956; Fleury M., Henry L. Nouveau manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris, 1965; Eversley D. E. C., Laslett P., Wrigley E. A. An Introduction to English Historical Demography. From the Sixteenth to the Nineteenth Century. London, 1960; Henry L. Manuel de démographie historique. Genève—Paris, 1967.

² См.: Hyrenius H. Estlands svenskarna. Demografiska studier. Lund, (1942); Terisse M. Aux origines de la méthode de reconstitution des familles. Les Suédois d'Estonie de Hannes Hyrenius. *Population*, 1975. Numéro spécial: Démographie historique, p. 143—154.

рившую представления историков и демографов об определенных аспектах жизни населения в прошлом. В распоряжении исследователей оказались достаточно надежные количественные показатели, характеризующие сезонность браков и рождений, возраст вступления в брак, интенсивность рождаемости в зависимости от возраста матери, интервалы между рожденьями, среднюю продолжительность жизни и т. п. Все эти данные позволяют лучше и главное с неизвестных ранее сторон увидеть и понять жизнь предыдущих поколений. Особую ценность эти материалы приобретают в том случае, если они многочисленны и если мы можем сопоставить их по разным странам и для разных периодов и благодаря этому отделить закономерное от случайного.

Приведенные таблицы содержат сводку некоторых результатов, представляющих несомненный интерес для понимания эволюции брачности, рождаемости и семьи на протяжении нескольких последних столетий.

После таблиц приведен список источников, из которых взяты данные. В последнем столбце таблиц содержатся ссылки на эти источники (указан номер источника по списку и номера страниц).

Т а б л и ц а 1

Средний возраст при вступлении в первый брак, лет

Приход	Страна	Годы	У жен- щин	У муж- чин	Источ- ник
1	2	3	4	5	6
Мениль-Терибю, Маршру, Бомонт- лез-Нонэ	Франция	1740—1799	25,5	26,2	5,56
Крюле	»	1674—1742	25,1	27,5	3,84
Турувр-о-Перш	»	1650—1719	24,6	27,0	4,74
Куломье и Шеллан-Бри	»	1654—1715	23	24	16,21
Аржентенэ, Лезин, Виро	»	1720—1800	25,6	27,1	17,71
Тамервиль	»	1641—1680	24,3	27,6	18,141
		1681—1730	27	31,6	18,141
		1731—1790	26,2	29,9	18,141
21 приход в Бретани и Анжу	»	1770—1779	26,7	27,4	15,119
		1780—1789	26,8	27,0	
Орэ	»	1740—1789	25,2	26,8	23,212

1	2	3	4	5	6
Колитон	Велико- британия	1560—1646	27,0	27,2	22,86
		1647—1719	29,6	27,7	
		1720—1769	26,8	25,7	
		1770—1837	25,1	26,5	
Эльверселэ	Бельгия	1608—1649	24,8	27,2	24,615
		1650—1699	26,9	29,6	
		1700—1749	28,0	29,4	
		1750—1796	28,5	29,6	
Йокоучи	Япония	1670—1700	18,8		25,118
		1701—1725	16,8		
		1750—1799	21,7		
Альског Дала	Швеция	1745—1769	23,5		2,41
		1770—1791	24,8		
	»	1795—1820	25,3		26,308
		1776—1805	27,9	29,0	
		1806—1830	26,5	27,6	
Глоstrup	Дания	1677—1740	28,2	32,7	1,24
		1741—1790	26,8	30,3	
Эмполи 8 приходов в Физсоле	Италия »	1650—1700	23,8		32,150
		1650—1700	23,7		
Хойхелхейм	Германия	1691—1700	24,1	25,8	33,10
		1701—1710	25,4	26,5	
		1711—1720	25,3	26,9	
		1721—1730	25,3	25,8	
		1731—1740	26,5	26,1	
		1741—1750	26,7	28,6	
		1751—1760	25,2	25,9	
		1761—1770	23,3	25,5	
		1771—1780	22,6	25,2	
		1780—1790	23,3	27,2	
		1791—1800	24,7	27,4	
		1801—1810	23,8	25,7	
		1811—1820	24,1	25,0	
		1821—1830	24,0	25,7	
		1831—1840	23,9	26,8	
		1841—1850	24,8	26,2	

1	2	3	4	5	6
Тезель, Сен-Сернен Сотвиль-ле-Руэн Сен-Агнан Сентен-эн-Мелантуа	Франция	1700—1739	23,7	27,0	6,101
		1740—1766	23,9	26,7	
		1767—1792	26,3	27,4	
	»	1760—1790	26,2	27,4	7,489
		1730—1793	24,7	26	11,302
	»	1680—1699	28,8	32,0	12,572
		1700—1719	28,1	30,0	
		1720—1739	28,3	31,4	
		1740—1759	26,9	30,1	
1760—1779		25,9	28,1		
		1780—1799	26,3	27,4	
Женева	Швейцария	1550—1599	22,0	27,2	21,55
		1600—1649	24,9	29,1	
		1650—1699	25,2	32,6	
		1700—1749	27,0	31,9	21,55
		1750—1799	24,4	31,5	
		1800—1849	22,7	29,4	
		1850—1899	24,7	29,2	
Турувр-о-Перш крестьяне купцы ремесленники башмачники рабочие	Франция	1650—1719			4,75
			24,2	27,9	
			24,4	28,0	
			24,9	27,7	
			25,2	25,1	
			25,7	27,1	
20 приходов в Нормандии моряки батраки крестьяне ремесленники купцы, лица свободных профессий чиновники, не дворяне дворяне	Франция	1715—1792			20,352
			24,3	28,3	
			27,5	28,8	
			25,6	30,2	
			26,9	29,1	
			26,2	29,5	
			24,3	32,2	
			28,3	39,0	

1	2	3	4	5	6
Дала крестьяне бобыли, батраки и др.	Швеция	1776—1805			26,308
			27,0	29,1	
	1806—1830		29,7	28,7	
			24,8	28,3	26,308
		29,1	26,4		
Герцоги и пэры	Франция	1650—1699	20,0	25,5	35,813
		1700—1749	19,4	23,6	
		1750—1799	18,3	21,3	
Герцогские семьи	Велико- британия	1330—1479	17,1	22,4	36,365
		1480—1679	19,5	24,3	
		1680—1729	22,2	28,6	
		1730—1779	24,0	28,6	
		1780—1829	24,7	30,5	
		1830—1879	24,2	30,0	
Сент Мери, Чанганачерри	Индия (Керала)	XIX в.	14,6	19,6	39, 276— 277
Виллабанес	Испания	XVI в.	26,4	23,9	40,487
Виллалонга-дена		1695—1727	22,2	23,3	40,487
		1721—1759	24,6	22,4	40,487
		1760—1793	21,6	21,1	40,487

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости

Приход	Страна	Год вступления в брак	Возрастная группа							источник	
			15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Крюле Мениль-Терибю, Маршру, Бомонт- лез-Нонэ Турувр-о-Перш 10 приходов на се- веро-западе Франции Куломье, Шели-ан- Бри Аржентенэ, Лезин, Виро Тамервиль Блер Орэ	Франция	1647—1742	0,324	0,428	0,431	0,359	0,319	0,119	0,010	3,97	
	»	1740—1799	0,452	0,524	0,487	0,422	0,329	0,135	0,017	5,82	
	»	1665—1714	0,236	0,412	0,425	0,378	0,330	0,154	0,011	4,100	
		1715—1765	0,306	0,439	0,412	0,379	0,297	0,159	0,010		
		1665—1765	0,262	0,424	0,419	0,378	0,314	0,162	0,010		
		»	1670—1769	0,317	0,447	0,426	0,380	0,293	0,150	0,010	14,895
		»	1670—1715	0,330	0,522	0,482	0,439	0,305	0,128	0,059	16,22
		»	1720—1800	0,312	0,500	0,491	0,436	0,304	0,138	0,006	17,76
		»	1640—1710	0,375	0,503	0,463	0,423	0,304	0,196	0,053	18,151
		»	1711—1792	0,358	0,463	0,478	0,387	0,260	0,145	0,025	18,152
	»	1707—1765	0,290	0,489	0,440	0,377	0,309	0,142	0,027	19,237	
	»	1740—1769	0,470	0,574	0,527	0,438	0,386	0,181	0,000	23,213	
Колитон	Великобри- тания	1560—1629	0,412	0,467	0,403	0,369	0,302	0,174	0,018	22,89	
		1630—1646	0,500	0,378	0,382	0,298	0,234	0,128	0,000		
		1647—1719	0,500	0,346	0,395	0,272	0,182	0,104	0,020		
		1720—1769	0,462	0,362	0,342	0,292	0,227	0,160	0,000		
		1770—1837	0,500	0,441	0,361	0,347	0,270	0,152	0,022		

Эльверселэ	Бельгия	1608—1649	—	0,571	0,406	0,310	0,343	0,232	0,023	24,618
		1650—1699	0,444	0,430	0,432	0,407	0,386	0,202	0,037	
		1700—1749	0,666	0,542	0,492	0,396	0,348	0,163	0,018	
		1750—1799	0,666	0,661	0,572	0,452	0,272	0,171	—	
Альског Дала	Швеция »	1745—1820	0,324	0,364	0,344	0,269	0,208	0,093	0,016	2,43
		1776—1830	0,483	0,438	0,358	0,322	0,251	0,137	0,019	26,316
Глоstrup Тосинге Сельские приходы	Дания » »	1677—1790	0,389	0,558	0,425	0,330	0,314	0,191	0,051	1,19
		1660—1679	0,432	0,353	0,421	0,351	0,326	0,214	0,062	31,18
		1760—1801	0,364	0,495	0,415	0,358	0,326	0,181	0,036	30,112
Этне	Норвегия	1715—1794	0,348	0,462	0,401	0,352	0,277	0,190	0,029	27,39
Вайсло и Бесенце	Венгрия	1747—1790	0,306	0,350	0,311	0,266	0,189	0,141	0,045	28,44
		1791—1820	0,251	0,291	0,244	0,198	0,152	0,066	0,016	
		1821—1850	0,211	0,248	0,219	0,172	0,112	0,029	0,006	
		1851—1895	0,232	0,245	0,160	0,119	0,032	0,013	—	
Бржевнов	Чехия	1650—1699	0,545	0,461	0,487	0,449	0,390	0,254	0,086	29,63
		1700—1735	0,342	0,488	0,491	0,396	0,313	0,155	0,021	29,64
8 приходов Фиэсоле	Италия	1650—1700	0,415	0,473	0,422	0,355	0,279	0,161	0,015	32,150
Эмполии	»	1650—1700	0,559	0,473	0,460	0,395	0,310	0,152	0,022	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Хойхелхейм	Германия	1691—1720	0,400	0,431	0,357	0,335	0,234	0,104	0,013	33,12	
		1721—1750	0,154	0,379	0,346	0,273	0,169	0,089	0,013		
		1751—1780	0,370	0,438	0,398	0,328	0,300	0,138	0,019		
		1781—1810	0,444	0,467	0,380	0,335	0,212	0,083	0,010		
		1811—1840	0,714	0,464	0,427	0,285	0,232	0,125	0,018		
		1841—1870	1,000	0,587	0,462	0,361	0,284	0,139	0,019		
		1871—1900	1,333	0,517	0,390	0,285	0,151	0,064	0,003		
		1691—1900	0,536	0,486	0,403	0,312	0,216	0,101	0,012		
Гисен	»	1631—1680	0,415	0,424	0,420	0,353	0,297	0,168	0,036	33,12	
		1681—1730	0,571	0,406	0,408	0,346	0,242	0,108	0,021		
Талхаузен	»	1750—1799	—	0,545	0,540	0,404	0,327	0,264	0,057	33,12	
		1800—1849	—	0,557	0,556	0,339	0,283	0,164	0,049		
Массенхаузен	»	1750—1799	—	0,555	0,589	0,457	0,330	0,245	0,016	33,12	
		1800—1849	—	0,688	0,647	0,538	0,429	0,257	0,035		
Силенен Люцерн	Швейцария »	1765—1785	0,444	0,446	0,390	0,396	0,294	0,244	0,075	34,50—52	
		1786—1795	0,583	0,503	0,466	0,349	0,296	0,144	0,027		34,113
Мёлан Байё Тезель, Сен-Сернен Сотвиль-ле-Руэн Энгувиль Сен-Агнан Семтен-эн-Мелантуа	Франция » » » » » »	1660—1709	0,541	0,486	0,465	0,498	0,410	0,159	0,014	9,148	
		1710—1739	0,643	0,535	0,547	0,508	0,357	0,155	0,013		
		1700—1780	—	0,455	0,389	0,309	0,185	0,072	0,007		10,103
		1700—1792	0,208	0,393	0,326	0,297	0,242	0,067	0,000		6,120
		1700—1790	—	0,491	0,440	0,429	0,297	0,125	0,010		7,491
		1730—1770	—	0,428	0,436	0,409	0,292	0,091	0,005		8,287
		1730—1793	0,245	0,403	0,429	0,378	0,242	0,246	0,063		11,304
		1690—1739	—	0,512	0,521	0,419	0,402	0,220	0,031		12,575
		1740—1769	—	0,592	0,519	0,472	0,412	0,213	0,015		
		1770—1789	—	0,417	0,466	0,428	0,289	0,158	0,008		

Буле	»	1790—1799		0,547	0,402	0,385	0,276	0,174	0,006	13,1070	
		1800—1809		0,586	0,454	0,322	0,298	0,221	0,038		
		1810—1819		0,667	0,460	0,360	0,276	0,137	0,019		
		1820—1829		0,710	0,505	0,320	0,269	0,148	0,018		
		1695—1780	0,433	0,480	0,452	0,391	0,341	0,183	0,027		
		1780—1809		0,532	0,399	0,385	0,296	0,165	0,020		
		1810—1819		0,584	0,444	0,358	0,289	0,143	0,014		
		1820—1829		0,523	0,364	0,327	0,253	0,156	0,010		
Женева	Швейцария	1550—1649	0,344	0,464	0,426	0,380	0,281	0,132	0,017	21,113	
		1650—1699	0,348	0,493	0,400	0,244	0,130	0,035	0,005		
		1700—1799	0,304	0,392	0,282	0,165	0,087	0,042	0,000		
		1800—1899	0,377	0,346	0,220	0,134	0,070	0,015	0,000		
Турувр-о-Перш крестьяне, купцы и ремесленники рабочие и башмач- ники 20 приходов Нор- манди моряки батраки крестьяне ремесленники купцы, лица сво- бодных профессий чиновники, не дво- ряне дворяне	Франция	1665—1765								4,125	
			0,342	0,484	0,477	0,463	0,417	0,314			
		0,176	0,417	0,432	0,395	0,359	—				
	»	1715—1792									20,354
				0,571	0,438	0,500	0,370	0,243	0,204	0,061	
				0,125	0,445	0,360	0,314	0,235	0,151	0,029	
				0,424	0,451	0,404	0,369	0,293	0,175	0,021	
				0,390	0,469	0,441	0,380	0,299	0,142	0,022	
				0,588	0,444	0,412	0,397	0,267	0,112	0,007	
				0,143	0,327	0,422	0,268	0,215	0,090	0,000	
			0,000	0,000	0,222	0,146	0,098	0,125	0,000		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Дала крестьяне бобыли, батраки и др.	Швеция	1776—1805	0,497	0,439	0,367	0,327	0,284	0,141		26,316
		1806—1830	0,484	0,406	0,343	0,321	0,230	0,136	0,019	26,316
			0,000 0,546	0,479 0,494	0,386 0,351	0,302 0,328	0,236 0,253	0,128 0,135	0,028 0,017	
Пэры и герцоги 11 приходов северо- восточной Франции	Франция	1655—1699 1700—1799		0,389 0,226	0,283 0,167	0,207 0,063	0,111 0,018	0,018 0,806	0,007 0,000	35,815
	»	1670—1769	0,339	0,515	0,458	0,405	0,323	0,158	0,013	37,364
Валем Астене Кальмгут Ерзель Дильзен	Бельгия	1674—1775	0,333	0,594	0,488	0,374	0,336	0,213	0,035	38,19
		1670—1829	0,478	0,498	0,457	0,416	0,301	0,176	0,027	38,19
		1700—1797	0,343	0,511	0,463	0,400	0,328	0,179	0,017	38,19
		1643—1796	0,370	0,454	0,424	0,377	0,328	0,247	0,063	38,19
		1650—1749		0,420	0,360	0,327	0,255	0,189	0,026	38,20
		1750—1799		0,438	0,393	0,345	0,278	0,168	0,020	38,20
		1800—1849		0,478	0,430	0,376	0,333	0,201	0,023	38,20
		1850—1899		0,536	0,484	0,444	0,361	0,238	0,018	38,20
		1666—1740 1741—1790	0,500	0,423 0,438	0,439 0,428	0,413 0,374	0,351 0,343	0,252 0,217	0,057 0,027	38,20 38,20
Мёклинта	Швеция	1650—1680		0,408	0,363	0,312	0,260	0,163		41,42

Интервалы между рождениями

Приход	Страна	Год вступления в брак	Средний промежуток между вступлением в брак и первым рождением, месяцев	Средний промежуток между рождениями, месяцев			Источник
				первого и второго ребенка	второго и третьего ребенка	третьего и четвертого ребенка	
1	2	3	4	5	6	7	8
Крюле Турувр-о-Перш Аржентенэ, Лезине, Виро Тамервиль	Франция	1674—1742	16,6	22,4	25,3	27,2	3,141
	»	1665—1765	19,7	25,3			4,148
	»	1720—1800	13,6	20,3	22,0	24,2	17,80—81
	»	1640—1792	13,3	22,2	25,7	26,3	18,154
Колитон	Великобритания	1560—1646	11,3	25,2	27,4	30,1	22,93
		1647—1719	10,3	29,1	32,6	32,1	
		1720—1769	11,9	25,1	29,8	32,9	
Вайсло и Бесенце	Венгрия	1747—1790	23,9	34,2	36,5	36,7	28,45
		1791—1820	31,1	39,5	38,8	37,0	
		1821—1850	34,8	48,3	49,9	44,8	
		1851—1895	31,7	45,4	45,0	47,6	
8 приходов Физсоле	Италия	1650—1700		27,9	32,3	24,3	32,158
Тезель, Сен-Сернен Сен-Агнан	Франция	1700—1792	20,7	28,7			6,131
		1730—1793		25,5	25,2	28,7	11,305

1	2	3	4	5	6	7	8
Сентен-эн-Мелантуа	»	1690—1769 1790—1839 1690—1770	14,8 14,4	24,2 27,0 21,1	21,8	25,9	12,583 12,585
Турувр-о-Перш	»	1665—1765					4,149
крестьяне, купцы, ремесленники			18,6	23,6			
рабочие и башмач- ники			21,3	27,6			
20 приходов Нор- мандии	»	1715—1792					20,355
моряки			14,7	19,9	19,5	29,4	
батраки			14,0	25,4	27,5	26,8	
крестьяне			11,7	21,7	25,0	25,2	
ремесленники			12,3	18,8	22,7	23,9	
купцы, лица сво- бодных профессий			12,0	15,9	18,6	20,7	
чиновники, не дво- ряне			13,0	15,3	17,2	23,5	
Мёклинта	Швеция	1650—1680	19	26	28	30	41,43

ИСТОЧНИКИ

1. Thestrup P. Methodological Problems of a Family Reconstitution Study in a Danish rural Parish before 1800. *The Scandinavian Economic History Review*. Vol. XX, N 1, 1972, p. 1—26.
2. Gaunt D. Family Planning and the Preindustrial Society: Some Swedish Evidence. In: *Aristocrats, Farmers, Proletarians. Essays in Swedish Demographic History*. Studia Historica Upsaliensia XLVII. Uppsala, 1973, p. 28—59.
3. Gautier É., Henry L. La population de Crulai, paroisse normande. Étude historique. Institut national d'études démographiques (-INED). *Travaux et Documents*, Cahier N 33, Paris, 1958.
4. Charbonneau H. Tourouvre-au-Perche aux XVII^e et XVIII^e Siècles. *Étude de démographie historique*, INED, Travaux n° 55, Paris, 1970.
5. Ganiage J. Trois villages d'Ile-de-France au XVIII^e Siècle. *Étude démographique*, INED, Travaux n° 40, Paris, 1963.
6. Valmary P. Familles paysannes au XVIII^e siècle en Bas-Quercy. *Étude démographique*, INED, Travaux n° 45, Paris, 1965.
7. Girard P. Aperçus de la démographie de Sotteville-lès-Rouen vers la fin du XVIII^e siècle. *Population*, 1959, p. 485—508.
8. Terrisse M. Un fauborg du Havre: Ingouville. *Population*, 1961, p. 283—300.
9. Lachiver M. La population de Meulan du XVII^e au XIX^e Siècle (vers 1600—1870). *Étude de démographie historique*, Paris, 1969.
10. El-Kordi M. Bayeux aux XVII^e et XVIII^e siècles. Paris, 1970.
11. Houdaille J. Un village du Morvan: Saint-Agnan. *Population*, 1961, p. 301—312.
12. Deniel R., Henry L. La population d'un village du Nord de la France: Sainghin-en-Mélantois, de 1665 à 1851. *Population*, 1965, p. 563—595.
13. Houdaille J. La population de Boulay (Moselle) avant 1850. *Population*, 1967, p. 1055—1084.
14. Henry L., Houdaille J. Fécondité des mariages dans le quart nord-ouest de la France de 1670 à 1829. *Population*, 1973, p. 873—922.
15. Blayo Y., Henry L. Données démographiques sur la Bretagne et l'Anjou de 1740 à 1829. *Annales de démographie historique*. 1967. Paris, 1967, p. 91—171.
16. Polton J.-C. Coulommiers et Chailly-en-Brie (1575—1715). *Annales de démographie historique*. 1969. Paris, 1970, p. 14—32.
17. Dinet D. Quatre paroisses du Tonnerrois. *Annales de démographie historique*. 1969. Paris, 1970, p. 62—84.
18. Wiel P. Une grosse paroisse du Cotentin aux XVII^e et XVIII^e siècles. Tamerville. Démographie. Société. Mentalité. *Annales de démographie historique*. 1969. Paris, 1970, p. 136—189.
19. Lachiver M. En Touraine et en Berry. Une étude et quelques esquisses. *Annales de démographie historique*. 1969. Paris, 1970, p. 215—240.
20. Mogensen N. W. Structures et changements démographiques dans vingt paroisses normandes sous l'ancien régime. Une analyse sociale. *Annales de démographie historique*. 1975. Paris, 1975, p. 343—367.
21. Henry L. Anciennes familles genevoises. *Étude démographique*, XVI^e, XX^e siècles. INED. Travaux n° 26, Paris, 1956.
22. Wrigley E. A. Family Limitation in Pre-Industrial En-

gland. *The Economic History Review*. Second series, vol. XIX, 1966, p. 82—109.

23. Le Goff A. Auray au XVIII^e siècle (vers 1740—1789). *Annales de démographie historique*. 1974. Paris, 1974, p. 197—229.

24. Deprez P. The Demographic Development of Flanders in the Eighteenth Century. Population in History. Essays in Historical Demography. London, 1965, p. 608—630.

25. Hayami A. Demographic Aspects of a Village in Tokugawa, Japan. Population and Economics. Proceedings of Section V of the Fourth Congress of the International Economic History Association, 1968. Winnipeg, 1970, p. 109—125.

26. Winberg Chr. Folkökning och proletarisering. Kring den sociala strukturovandlingen på Sveriges landsbygd under den agrara revolutionen. Meddelanden från Historiska Institutionen i Göteborg. Nr. 10, Göteborg, 1975.

27. Dyrvic S. Historical Demography in Norway 1660—1801: A short survey. *The Scandinavian Economic History Review*, vol. XX, 1972, p. 27—44.

28. Andorka R. Un exemple de faible fécondité légitime dans une région de la Hongrie. L'Ormansåg à la fin du XVIII^e siècle et au début du XIX^e: contrôle des naissances ou faux-semblants? *Annales de démographie historique*. 1972. Paris, 1972, p. 25—53.

29. Horská P. Index břevnovských matrik z 2. poloviny 17. a z 18. století. Historická demografie. 5. Praha, 1971, str. 61—65.

30. Johansen H. Chr. Befolkningsudviklig og familiestruktur i det 18. århundrede. Odense, 1975.

31. Thestrup P. Household structure on the island of Tåsinge 1678. An example of application of the family reconstitution method as a control when utilizing a tax list. *Chance and change*. 1978, p. 13—22.

32. Corsini C. C. Ricerche di demografia storica nel territorio di Firenze. Introduzione alla demografia storica. Firenze, 1974, p. 133—159.

33. Imhof A. E. Structure of reproduction in a West German village 1690—1900. *Chance and change*. Odense, 1978, p. 23—32.

34. Bielman J. Die Lebensverhältnisse im Urnerland während des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts. Basel, Stuttgart, 1972.

35. Henry L., Lévy C. Ducs et pairs sous l'Ancien Régime. Caractéristiques démographiques d'une caste. *Population*, 1960, p. 807—830.

36. Hollingsworth T. H. A Demographic Study of the British Ducal Families. In: *Population in History*. 1965, p. 354—378.

37. Houdaille J. La fécondité des mariages de 1670 a 1829 dans le quart nord-est de la France. *Annales de démographie historique*. 1976. Paris, 1976, p. 341—391.

38. Vandebroek C. Caractéristiques de la nuptialité et de la fécondité en Flandre et au Brabant aux XVII—XIX siècles. *Annales de démographie historique*. 1977. Paris, 1977, p. 7—20.

39. Krishnan P. Age at marriage in a nineteenth century Indian parish. *Annales de démographie historique*. 1977. Paris, 1977, p. 271—284.

40. Vincent B. Récents travaux de démographie historique en Espagne (XIV—XVIII siècles). *Annales de démographie historique*. 1977. Paris, 1977, p. 463—491.

41. Åkerman S. A demographic study of a pre-transitional society. *Chance and change*. Odense, 1978, p. 33—48.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Джон Хаджнал.</i> Европейский тип брачности в ретроспективе (перевод с английского В. Л. Гопмана)	14
<i>Энсли Дж. Коул.</i> Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны (перевод с английского В. Л. Гопмана)	71
<i>Кальман Текше.</i> Особенности рождаемости в Центральной и Южной Европе до первой мировой войны (перевод с англий- ского В. Л. Гопмана)	98
<i>Питер Ласлетт.</i> Семья и домохозяйство: исторический подход (перевод с французского А. Б. Гофмана)	132
<i>Зденек Павлик.</i> Проблемы демографической революции . . .	158
Приложение	
<i>Хельдур Палли.</i> Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII—XIX веков (по материалам зарубежных исследований)	169

Б87

Брачность, рождаемость, семья за три века:
Сб. статей/Под ред. А. Г. Вишневского и
И. С. Кона. — М.: Статистика, 1979.—183 с.,
ил. — (Новое в зарубежной демографии).

60 к.

Современные демографические тенденции и их будущее могут быть лучше поняты, если ясна история их формирования. Как совершался переход от старых демографических тенденций к новым, под влиянием каких факторов он происходил? В статьях сборника, принадлежащих перу видных зарубежных демографов, представлены наиболее интересные результаты исследований по истории брачности, рождаемости, исторической эволюции семьи с XVII века до наших дней.

Книга адресована демографам, социологам, экономистам, статистикам.

Б $\frac{10805^* - 039}{008(01) - 79}$ 58—79 0703000000

ББК 60.7
312

* Второй индекс 10803.

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СЕМЬЯ ЗА ТРИ ВЕКА

Редактор *Е. В. Крестьянинова*

Мл. редактор *И. Н. Горина*

Техн. редактор *Л. Г. Челышева*

Корректоры *Т. М. Васильева* и *З. С. Кандыба*

Худ. редактор *Т. В. Стихно*

ИБ № 653

Сдано в набор 04.10.78. Подписано к печати 19.02.79. Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Объем печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 9,78. Усл. п. л. 9,66. Тираж 28000 экз. Заказ № 7230. Цена 60 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома,
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.